

Красноярский
Государственный Аграрный Университет

... ЗОЛОТЫЕ НИТИ...

ТВОРЧЕСКИЙ СБОРНИК

Красноярск 2009

Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
Красноярский государственный аграрный университет

*60-летию
Красноярского государственного
аграрного университета
п о с в я щ а е т с я*

...ЗОЛОТЫЕ НИТИ...

**ТВОРЧЕСКИЙ СБОРНИК
ВЫПУСК ВТОРОЙ**

Красноярск 2012

Составитель Г.Н. Антоник

...Золотые нити...: творческий сборник. Вып. 2 / сост. Г.Н. Антоник; Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2012. – 266 с.

Второй выпуск сборника публикуется к 60-летию юбилею Красноярского государственного аграрного университета. Вуз основан 29 апреля 1952 года.

Творчество сотрудников КрасГАУ, представленное в сборнике, – частичка жизни людей, занимающихся наукой, учебным процессом и самовыражением в других видах творчества. «Талантливый человек – талантлив во многом, почти во всём!», – говорят в народе. Собрана небольшая часть: стихи, повествования в стихах, эпиграммы, дружеские эпиграммы, рассказы, повести, этюды, живописные работы, рисунки. Здесь и любовная лирика, и гражданский патриотизм, и сатирический памфлет, тонкое, нежное любование природой, и размышления о жизни, о судьбах, рассказы и стихи о детях и для детей.

Автор идеи, предисловие и оформление Г.Н. Антоник, директора музея КрасГАУ
Рисунок Головина В.А. «На реке Берёзовке» 1989, бумага, карандаш, 23×31 см

Авторы выражают благодарность университету и его ректору Цугленку Николаю Васильевичу за оказанную помощь в издании сборника.

*«Да хранит тебя Бог,
наша малоЗнаямая Россия».
Н.В. Тоголь*

На р. Березовке 31 августа

Краски земли родной

«Золото, Золото падает с неба» –
Люди кричат и бегут за дождём...–
Полноте, люди, его мы сберём.
Только сберём

золотистым зерном
В полных амбарах
душистого хлеба!

(почти по Аполлону Майкову)

Предисловие

Книга эта является вторым, юбилейным, выпуском, посвящённым 60-летию Красноярского государственного аграрного университета.

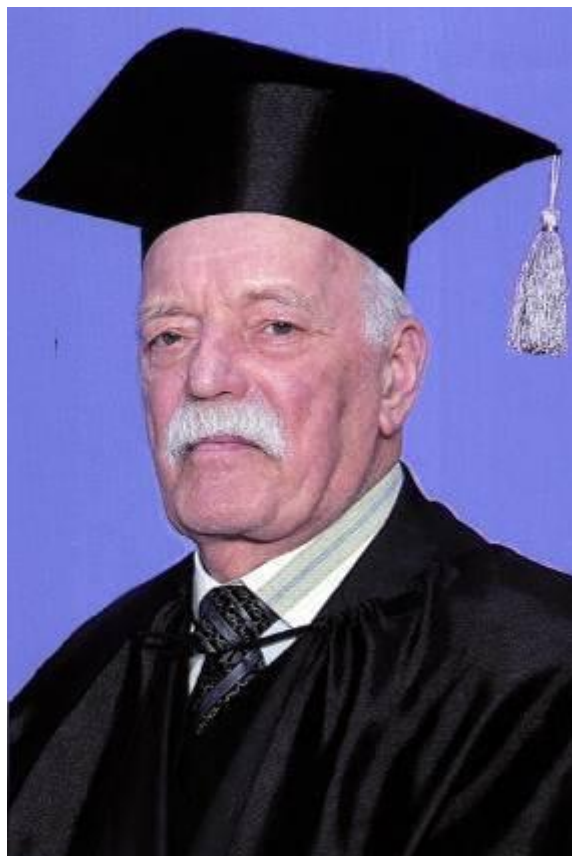
Основная задача издания «...Золотые нити...» – дать наглядное представление о творческом потенциале вуза.

В нём вы найдёте результаты творческого поиска, биографические сведения об авторах стихов, рассказов, этюдов, набросков, рисунков, графики и живописи тех сотрудников университета, которые в оставшееся время после научной и преподавательской деятельности занимаются искусством, разными видами его и, конечно же, любительски. У кого-то это получается более профессионально, у кого-то – на менее высоком уровне. Просим всех не судить слишком строго.

Всех авторов отличает стремление к творческому поиску не только в науке, но и в разных видах искусства. Некоторые из авторов слагают рифмы, пишут этюды, картины, песни, рассказы с детства или молодости, некоторые начинали свой творческий путь в более зрелом возрасте.

Большинство учёных – это скромные, интеллигентные люди, с которыми вы встречаетесь на улице, на лестничной площадке вашего дома, в аудиториях, лабораториях университета, научно-исследовательских институтах. Но мало вы знаете о них, и восполнить этот пробел вам поможет настоящее издание.

С уважением к читателям нашего сборника Г.Н. Антоник

Ведров Николай Григорьевич,
доктор сельскохозяйственных наук, профессор

Профессор кафедры растениеводства Красноярского государственного аграрного университета. Доктор сельскохозяйственных наук, академик Международной академии аграрного образования и Петровской академии наук и искусств. Автор свыше 100 научных работ, в том числе 10 учебных пособий и монографий, двух авторских свидетельств, 7 селекционных сортов пшеницы. Награждён орденом Дружбы народов СССР, медалью «Ветеран труда», золотой медалью им. Н.И. Вавилова РАСХН.

60-ЛЕТИЮ АГРОФАКА

Года летят со скоростью космической,
И нам сегодня шесть десятков лет.
Привет тебе, родной агрономический,
Гвардейский, непокорный факультет!
Ты в поисках пристанища на марше,
Одним из первых здания искал
На Ленина, на Сталина, на Маркса,
Пока на Ветлужанку не попал.

Тебя достойно вёл профессор Складнев,
Земным наукам преданно служил:
Поля отбил, методику отладил
И полосы лесные заложил.
Отменный был на опытах порядок,
Порядок веял и над всей страной,
Студенты соблюдали распорядок,
Профессора минуя стороной.
От двух защит не затянулась рана,
Ушёл скоропостижно, от преград.
И занял пост аграрного декана
Доцент Кондратьев, видный демократ.
При новой власти как-то стало легче:
Декан студентов поимённо знал
И даже иногда во время лекций
С пропускником мяч теннисный гонял.
Сменялись дни, года, недели, лица ...
За критику с учхозовской земли
Кондратьева к Лисовскому в светлицу
По-тихому на конкурсе смели.
И новый путь аграрный обозначен –
Без знаков, без отличий и наград
Деканом новым ректором назначен
Доцент Василий, трудовой солдат.
И много лет бессменно, стойко, верно
Работал факультет и мирно жил.
Совсем не даром наш декан, наверно,
«Отца Василь» званье заслужил.
Года текли. В составе факультета
Экономистам стало не с руки.
Тогда в деканы, кафедры, Советы
Пошли уже свои выпускники.
И в год реформ, когда отец Василий
Остался как-то вроде не у дел,
Назначен был деканом без усилий
Доцент, а ныне доктор-земледел.
И с Юрием, уже на Ветлужанке,
Трудился факультет и мирно жил.
Декан не очень жал на «притужалку»,
Работу вёл и много говорил.
Потом, по приглашению декана,
Вернулся к нам из Западных краёв
И вскоре стал деканом, как ни странно,
Сотрудник старший Яков Берсенёв.

Он указания выполнял конкретно,
Кого-то жал – мы все не без греха, –
Но, второпях и как-то незаметно,
Ушёл на повышение в ЖКХ.
На стыке двух веков сменилась вера,
Случился социальный катаклизм,
И факультет в составе «Универа»
Вполз с Кузьмичом в дурной капитализм.
Ушли от коллективного хозяйства
На фермерство, АО или три О!
Сорняк на пашне, в душах разгильдяйство,
В глубокой коме русское село.
Мужик в нужде, а пашня без навоза,
Поистине, лишь был бы дождь да гром.
Развалены колхозы и совхозы,
Не нужен стал в России агроном.
Кипит демократическая пена,
На лекции не рвутся сгоряча,
Проспавши с бодуна и кислорода
Коммерческие дети Кузьмича.
Пока ещё поём с чужого голоса,
Гуляют в запустении поля ...
Но всё-таки одарит тучным колосом
Россию Красноярская земля!

А СЛЫХАЛИ ЛИ ВЫ, КАК ХЛЕБА ГОВОРЯТ?

Вот идёте вы в поле –
Колосья стоят,
 А слыхали ли вы,
 Как хлеба говорят?
 Как они говорят,
 Когда звёзды горят?
Как скулят поутру
На холодном ветру?
 Говорят шепотком
 Или криком кричат? –
 Для меня колоски
 Никогда не молчат.
Вот я трогаю колос,
Склоняюсь к хлебам,
 Слышу слабенький голос:
 - Да кто это там?
 Кто-то мне говорит:

«Агроном-обормот,
Почему меня душит
Колючий осот?
Или нынче тебе
До меня недосуг?
Почему поселился
Со мною овсюг?»
Кто-то мне говорит:
«Очень близко беда.
Почему у меня
На исходе вода?»
«Не твоя ли забота.
Чудак-агроном,
Мы совсем без азота –
На глине растём».
Кто-то вдруг произнёс:
«Ну, спасибо тебе,
Ты зачем же меня
Схоронил в борозде?»
Вдруг с посевов овса
Раздались голоса:
«Очень даже неловко
Мне с этой подковкой.
Ты зачем же на поле
Овсюг оставлял?
Он своею подковкой
Меня подковал!»
А вот этот крепыш
говорит: «Ничего,
Мы, пожалуй, порадуем
нынче его!».
Если хочешь узнать,
Как хлеба говорят,
Надо рано вставать
Много вёсен подряд.
Надо зори росистые
В поле встречать.
Надо землю любить,
Как родную мать!
Вот тогда и поймёшь
Полевой разговор,
И полюбишь душой
Наш сибирский простор.

7.01.1976 г.

КРАСНОЯРСКОЕ МОРЕ

Есть немало чудес, я не спорю,
В нашем дальнем суровом краю,
Но красе голубой Красноярского моря
О любви свою песню пою.

Ты бушуешь в степи, на просторе,
На заливы ложится туман.
Красноярское море, степное раздолье,
Голубая слезинка Саян.

На твоих берегах крутобоких
Кедры тёмные строем стоят.
В синеве над простором широким
Белокрылые чайки летят.
Распахнулась тайга в косогорах,
Песню звонко заводит баян,
Красноярское море, таёжное море,
Голубая слезинка Саян.

Расплеснулось по воле народа,
Красотой покорило леса.
И несёт свои светлые воды
Напоить тебя дочь Бирюса.
От таёжных седых белогорий
Силы дал тебе сын Абакан.
Красноярское море, сибирское море,
Голубая слезинка Саян.

Спорить в бурю с тобою не просто,
Волны пенятся, штормом режут.
От лесных берегов Дивногорска
Корабли к Минусинску плывут.
Плещут волны в Шумихинском створе,
Песню пой, мой певучий баян,
О красе голубой Красноярского моря,
Рукотворной слезинке Саян.

1977 г.

ТИХОМУ ОКЕАНУ

Бросали волны брёвна, словно спички,
Сетей обрывки, ящики, бурьян,
Бутылки, банки, поплавки – обычный
Ненужный океану старый хлам.

Перебесясь и бурю пересилив,
Вздыхал спокойно, как дурак, Иван,

И чайки прилетали, обессилив,
Из чужеморских, дальних, синих стран.
Шумел прибой, а солнце так отчаянно
Сверлило тьму свинцовых облаков.
Тогда впервые в крике белых чаек
Услышал стон погибших моряков.
Матросские загубленные души,
Они носились над крутой волной,
Сняв бескозырку, их часами слушал,
Блестя на солнце бритой головой.
От берегов японских безморозных
Чужие ветры запах роз несли,
Но я свою любовь отдал берёзам
И кедром, что в Саянах возросли.
Придя на службу с поля, из Сибири,
На край земли, к границам дальних стран,
Я часто тосковал по хлебной шире
И твой мотив не понял, океан.
Но и не поняв твоего мотива,
Душой тоскуя по красе Саян,
Я в сердце сохранил тебя как диво,
Великий Тихий, грозный океан.
И уж давно, к тебе не возвращаясь,
Среди сибирских золотистых нив,
В кругу берёз и кедров просыпаясь,
Прости, но твой я позабыл мотив.
А вот вчера на музконцерте в школе,
Когда парнишка в руки взял баян,
Через семнадцать вёсен мне напомнил,
О чём ты пел, Великий океан.
Меха вздыхали ... Трепетно, бурливо.
Душа парнишки музыку вела ...
И вновь передо мною торопливо
Катилась океанская волна.
Шумел прибой, дробили волны скалы,
Как и тогда, из дальних синих стран
Летели чайки торопливой стаей ...
Шумел Великий Тихий океан.

09.03.1975 г.

ИСПОВЕДЬ

Мной батя поздно расстарался,
Но время сделало своё.

На свет явился, разорался,
Обсох и взялся за жизнь.
В посконных тряпках отвалился,
Где из рожка глотал жваньё,
Но быстро на ноги поднялся
И пятками познал жнивьё.
Упрямством мама наградила –
Мне этот ген в наследство дан
От зарожденья до могилы
От вятских северных славян.
И в родословной два колена –
Не так, как у борзых щенков.
Дед Павел был, другой – Емеля,
А остальные – в тьме веков.
В кругу семьи учил каноны
Под менуэты петуха,
Триптих Христа, святой иконы,
И зарождение стиха.
Формировали в сельских школах
Соображение моё.
Не на таблетках и уколах.
Здоровье – щит, а честь – копьё.
А жизнь успешно завершила
Образование моё.
Всевышний дал в достатке силы,
Тьма уходила в забытие.
С колёс нечасто я срывался,
С обиды не впадал в нытьё,
Не полз ужом, не пресмыкался
И делал жизнь – не житиё.
Я за работу смело брался,
Не слушал мнение ничьё,
Всю жизнь к добру и свету рвался,
А попадал на сволочьё.
Хранится в памяти немало
И светлых, и туманных лиц.
Искал я сущности упрямо
И у людей, и у пшениц.
И познавал через старанье
И головы, и крепких рук
И достиженья, и изъяны
Сельскохозяйственных наук.
Я не терпел ловчил и хамов,
Плевал на зависть и враньё,
Но и в чертогах светлых храмов

Клевать пыталось вороньё.
Я ради правды жить старался,
Не слушал сплетен пересуд
И очень часто нарывался
На нераспознанных иуд.
Хоть время шло, щит не ломался,
И было в радость бытие,
Я от начальства не скрывался,
Коль звали, шёл на битие.
Хребет ломали – не сдавался.
И отступало шакальё,
А если падал – поднимался
И снова брался за своё.
Но время мчит, и жмёт пространство,
Трещит оружие моё ...
Дожить бы век без обезьянства
Да и уйти в небытие.

06.11.1987 г.

ЗЕМНАЯ ПАМЯТЬ

Сегодня я приехал к брату в гости.
Дни осени теплы и хороши.
Шагаю к деревенскому погосту,
Несу могилкам боль моей души.
Скорбит она с годами невозможно
Все корешки разбросаны судьбой.
Лежит отец на кладбище таёжном,
А мама спит у речки Голубой.
Рядком с отцом и крёстный дядя Яков
Обрубок страшной памятной войны ...
Кончины путь, хотя и одинаков,
Велик разброс по кладбищам страны.
Погиб в Лохвицах старший брат Григорий
Легла сестрёнка у Саянских гор,
В степях Лугавских на границе с бором
Нашёл покой второй браток Егор.
Стою, как пень могильный, под угором,
И скорбно мне, а плакать не с руки.
Покойно спят в могилках за забором
Мои друзья, крестьяне-земляки.
Здесь поколение хлеборобов старших
Лежат под сенью елей и берёз,
Единоличный труд ещё познавших
И создававших нынешний колхоз.

Вот ряд лежит семейства Кузнецовых
Перфилий, Дмитрий, Троха, Алексей,
Тетюев Яков, братья Дубаковы,
Трудяги малой родины моей.
А здесь идут уже моложе люди
Истомин Лёва, Константин Силюк,
Поморов и Гоненко, и Нелюбин,
Мой сват Иван и Петя, старый друг.
Холмы, кресты, бурьян и запустенье
И запах тленья листьев и хвои ...
Согреты бугорки теплом осенним
Под ними спят ровесники мои.
На новый крест ложится вязью строчка:
«Виталий Дубаков, Илюхин сын».
Хлебнул мужик бутылку в одиночку
На материнский день сороковин.
А там, в сторонке, под могильной глыбой
С дождей уже облезший серый крест
Здесь муж Варварин, друг мой Вася Рыбин,
По пьянке в петлю от забот залез.
Вот Углев Валентин, красавец-бабник,
Детей оставил, Валю, дом, надел.
Поддал под холодец в гостях на свадьбе,
Потом к утру и сам заглодел.
Вон там в тени под дальней старой елью
Лежит Бабошин Толя неспроста.
Приняв стакан с глубокого похмелья
С комбайном в речку грохнулся с моста.
А тут Афоня – сродный брат-повеса
Студит ожоги в сырости земли
Безбожно пил, чудил и куролесил,
Сгорел по пьянке, может, и сожгли.
Покой вам, предки, да хранит вас память
И эта подтаёжная земля,
За то, что вы сумели нам оставить
Дома, деревню, хлебные поля.
Покой вам, молодые хлеборобы,
Раненько поспешили вы сюда
По глупости, по пьянке, от хворобы,
С натуги, безнадёги и труда.
Сегодня я пока прощаюсь с вами
Морщины бороздят мой старый лик.
Когда-то и меня под белый саван
В объятья примет Бадалык.

25–26.01.1997 г.

ПАМЯТИ БРАТА

То в распадки, то в горы
Жизнь тебя уносила.
Жить и жить бы Егору –
Только смерть не спросила.
Наделён был, казалось,
Долголетьем и силой,
А вот злая, косая
Приползла и скосила.
По военным, с одышкой,
По дорогам и тропам
Ты протопал, братишка,
До самой Европы.
Кто в Берлине, кто в Вене,
Штык воткнув, пообедал.
Вы закончили дело
И вернулись с Победой.
Вас немного на месте
Из окопов изрытых,
Не пропавших без вести –
Живых, неубитых.
Боль души заливали
То сивухой, то брагой.
И звенели медали
На груди «За отвагу».
Не для блеска медалей,
Знать, крестьянская роба.
На плуги налегали
Мужики-хлеборобы.
Вы такие простые
В пропотевших рубахах –
Возродили Россию
Из военного праха.
Поплевав на ладошки
По традиции древней,
На пупах, понемножку
Вы подняли деревни.
Сколько мало осталось
Вот таких-то Егоров,
Что руками вспахали
Крутяки косогоров.
Был ты мастер отменный
На солёное слово –
Будет долго деревня

Помнить Гошку Ведрова.
То в трудах, то в гулянке,
То в тайге на охоте
Сердце рвало изнанку
В непосильной работе.
Ты хребты и распадки
До Сисима измерил
И тайге без оглядки
И без компаса верил.
Сколько тропок осталось,
Сколько зорь отросилось,
Накопилась усталость,
А вот жизнь износилась.
Рвал ты жилы, болезный,
Выполнял пятилетки,
А теперь бесполезны
И врачи, и таблетки.
По таёжным вершинам
Ты сохатым носился,
А теперь в два аршина
Земли – уложился.
Мир, покой тебе, брат,
Нам, оставшимся, – горе.
Похоронен солдат
На сухом косогоре.
Пусть приносит тебе
Дух тайги постоянно
Енисей на волне
С голубого Саяна.
Спи, родной человек,
Всё, что сделано, – свято,
Был недолог твой век –
Как привал у солдата.

12–13.12.1987 г.

БОЛЬНОЙ ВОПРОС

Скажи, мой друг, что это за народ,
Который (стыд и совесть позабросив)
Загнали за ограду, словно скот,
По лагерям Лаврентий Иосиф?
Потомки древних северных славян,
Освоив в ссылках песни баргузина,

Погибли в тундре и снегах Саян
По воле злой жестокого грузина.
В глазах у жертв застыл немой вопрос –
Он у живых больше год от года, –
Под чьим гипнозом следователь-пёс
Из спесивцев лепил врагов народа?
Ведь он же, как и мы, в России жил,
Его дела – не происки агента.
Медаль, а может, орден заслужил,
Загнав в тюрьму супругу президента.
А где же был, простите, президент,
Когда российское пололи поле,
Когда умы под кличкой резидент
Томились с верой в партию в неволе?
Он был у власти. Помнят старики,
Когда процессы шли, набравши силу,
Когда в стране плодились сорняки,
Из партии умы сводя в могилу.
А всесоюзный староста в Кремле
Дышал и жил, писал указы бойко.
Чтобы шагала по родной земле
Всеобщая тюрьма и вшивобойка.
Скажи, мой друг, зачем же мой народ
Был покалечен, смят, перелопачен,
За что его великий сумасброд
На тридцать лет тюрягой околпачил?
Грузин на свет явился не вождём,
Вождя в социализм подонки встроили.
Решать вопрос, пожалуй, подождём
О роли масс и личности в истории.

08.01.1989 г.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА В НИКУДА

На шпалах стынет старый рельс упругий,
На нём, как струпья, ржавчины года.
Бежит по тундре, за Полярным кругом,
Железная дорога в никуда.
Болота, топи, гнус да бездорожье –
Здесь вечен стон, как вечна мерзлота,
Исходит зэк непроходящей дрожью.
Неласков край – Норильска широта.

Кто и когда дорогу ту оставил
И сгинул сам, как было, без вестей,
Репрессий жертвам памятник поставил
Из сплава боли, крови и костей?
Среди болот, озёр, по бездорожью
Петляет путь средь непроглядной тьмы,
На горло давит, душит вечной дрожью,
Как смрадный дух всесталинской тюрьмы.
Великий вождь, что статуей-громадой
На круг Полярный в Усть-Курейке встал,
Устроил за колючею оградой
Из черепов и мыслей пьедестал.
В краю постылом, где болота – царство,
Легли костями виновны без вины
Цвет нации, опора государства
Моей великой и больной страны.
Она в крови и в центре, и с обочин,
С кайлом и с тачкой в ней срослись умы.
И вождь великой стройкой озабочен
От Воркуты до самой Колымы.
По воле злой тирана-сумасброда
По тюрьмам, зонам, в лагерной пыли
«Шпионы, кулаки, враги народа»
Дорогу ту в историю вели.
В болотах тундры стонет рельс упругий,
Как кровь, сочится ржавая вода.
Легла по тундре, за Полярным кругом,
Железная дорога в никуда.

Ноябрь 1988 г.

СЛУЧАЙ В ЗВЕРЯТНИКЕ

В одном лесном учебном заведении
Случилось что-то вроде наважденья:
Два Ёжика, взъерошась от печали,
Письмо в Сенат звериный отстучали.
В те времена, ведь надо же случиться!
Сенат звериный возглавляла Львица.
Ежи просили: надо посмотреть
На те дела, что делает Медведь.
А тот Медведь уже давно без правил
Тринадцать лет звериной школой правил.
Твердя зверям: «Я, мужики, для вас
В одном лице устав, закон, приказ».

Сидел в берлоге словно Прокуратор,
Короче, не Медведь, а зверь-диктатор.
Ежи писали Львице: «Ваша честь,
Душа с зверья летит, не только шерсть.
Медведь развёл вокруг Хорьков вонючих,
Учёных Шавок и Волков линючих,
Лисиц, Куниц, увёртливых Ужей –
Уж места не осталось для Ежей –
Все норы позаполнили невежды.
Зверятник стал на треть совсем медвежьим.
Ежи и Барсуки всё норы роют,
А их Хорьки в советах матом кроют.
С Хорьками кто сидит в одной коляске –
Медведем – и накормлен, и обласкан.
К примеру, скажем, Попугай Какаду
Вчера отправлен на конгресс в Канаду,
К тому же новым клювом обеспечен,
А нам и шкуру починить-то нечем.
Вот посему и просим, Львица-мать,
Комиссию Сената к нам заслать».
В столицу весть дошла. Без лишних слов
В комиссию включили трёх Козлов,
Которым поручили в день отправки
Проверить факты и составить справку.
Сенату службу верно сослужить
И Львице результаты доложить.
Козлы в зверятниках порядки знали,
Поскольку тоже ими управляли.
Премьер-Козёл был раньше партократом,
Теперь же – либеральным демократом.
В зверятник самолёт летел недолго –
Козлов у трапа встретил волк на «Волге»,
С комфортом их домчал и разместил,
И на банкет к Медведею пригласил.
А там они святой воды попили,
Союз Козлов с Медведем окропили
И поручили дать урок Ежам,
Хорькам, Лисицам, Шавкам и Ужам.
Пока Козлы катались вдоль реки,
Им справку подготовили Хорьки:
Те в этом деле знали толк, заразы,
Сменили факты, справки и приказы,
Чтоб где-нибудь не допустить прокола,
Изобрели Устав звериной школы,

Который протоколом был означен
И гербовой печатью присобачен.
Теперь соринки нет в медвежьей шкуре,
Зверятник в справке отражён в ажуре.
Козлы ещё кутнули до рассвета,
Ежам вручили справку в день Совета.
Премьер-Козёл, в Совете дрыгнув ножкой,
Пропел про демократию немножко,
Потом склонился к мысли понемногу,
Что власть Медведя чуть ли не от Бога,
Просил зверьё не рыпаться, терпеть –
За всех в ответе всё-таки Медведь –
И потому брыкаться не с руки
Вам, мужики, Ежи и Барсуки.
Потом Хорьки, Лисицы, Шавки колко
С Ежей срывали клочьями иголки
Под дых и в пах, с руки и не с руки
В Ежей летели камни и пинки.
Хорьки вонючие Ежам права качали,
Бараны с Барсуками ... промолчали,
И только лишь Марал по кличке Федя
Боднул со зла диктатора Медведя.
В конце Медведь поклялся – мол, ребята,
И я залезу в шкуру демократа.
А где мораль? Зачем она в стихах –
Борясь с Медведем, помни о Хорьках!

23.03.1992 г.

ТРАКТОРИСТАМ

Ну, здорово, дружище Ефим,
Как живёшь? – Ничего, дело делаем.
У Ефима черна рука, –
У меня пока ещё бела – я.

Мы с Ефимом знакомы давно,
Говорят, что одним миром мазаны,
Потому что к земле заодно
От рожденья к пашне привязаны.

Дух весенний идёт от земли,
А колёса ещё не «обуты».
Вот поэтому руки мои
Будут тоже в земле и мазуте.

Вешний воздух хоть ласков, но сух,
Потому-то и нужно быстрее
Пашню мягкую сделать, как пух,
И пшеничные зёрна посеять.

И теперь нам с тобою, Ефим,
Боевую решать задачу.
Кое-где, может быть, недоспим,
Кое-где перемерзнем в придачу.

Так уж исстари есть на Руси.
Время вешнее – полю – без счёта!
Пашня нам никогда не простит
Наших промахов, сбоев, просчётов.

Заводи «Беларусь», друг Ефим,
Загорелся восток светло-розов.
Нам с полями дыханьем одним
Жить теперь до осенних морозов.

Холод будет и тёплые дни,
Грязь осенняя, ночи мглистые,
Но заботы о хлебе одни –
Агрономов и трактористов.

Связь труда и науки – в зерне.
Может, в этом-то наша сила:
Нет дороги без знаний тебе,
Пашни нет у меня без Ефима.

31.01.1977 г.

А БЫЛО ТАК ...

А было так ... Давай припомним, парень
Когда на всю великую страну
Генсек, известный для потомков, правил
Литературный труд про целину.
Не жил, генсек, трилогию «создавший»,
В степи, не спал у первой борозды,
Не нюхал даже пыли с этой пашни,
И всё же не остался без Звезды!
Ну, а мои герои – хлеборобы,
Поднявшие целинные пласты,

Нажили грыжи, язвы и хворобы,
На пирамидках – звёзды и кресты.
Давай страницы жизни полистаем,
Как в колос выходил земли росток,
Под песни молодые шли составы
В Казахский край и дальше на восток.
Был смел и дерзок новосёл весёлый
Приехав в Кулунду и Казахстан,
В палатках жил, потом построил сёла,
И край степной российской пашней стал.
Сегодня мы, когда уж на исходе
Двадцатый непутёвый, бурный век –
Стесняемся сказать порою вроде:
Тот хлеб взрастил советский человек!
Нет, не «совки», советские ребята
Степных коней вели по борозде.
Трудом и потом выдали когда-то
Союзу хлеб, «генсекам» – по Звезде.
Что это – он, украинец Микола
И немец Генрих не жалея сил
Степные элеваторы наполнил,
Страну целинным хлебом накормил!
Трудились парни Тулы и Рязани.
Послал сынов Орёл и Ленинград.
Солярку дали мужики Казани.
И вырос град степной Целиноград.
Года бегут дорогой под копыта –
Девятый год пошёл после войны.
Я может быть и хлеба-то досыта
Наелся только с этой Целины!

27.01.1997 г.

ЦЕЛИННАЯ

А у нас по степи то мороз, то жара,
Или ветер шальной по курганам гуляет.
Но комбайны идут и гудят трактора –
Нужный хлеб для страны целина добывает.

Ах ты степь, моя степь. Горький запах полыни,
Даль высоких небес, да седые хлеба.
Степь, ковыльная степь, отголосок целинный,
Нас сроднила с тобой хлебороба судьба.

Полосатая грудь, как в тельняшку одета,
Чтобы землю буран по холмам не разнёс,
О тебе, моя степь, ещё песня не спета –
Мне орёл эту песню на крыльях принёс.

Ах ты степь, моя степь. Горький запах полыни,
Серебро ковылём, даль путей и дорог.
Ты надежда и боль, отголосок целинный,
Дело нашей судьбы и забот, и тревог.

Летом знойно у нас, а зимой холода,
Крепки руки друзей и открытые лица,
И не зря пролетели в заботах года –
Нашей силою полнится сила пшеницы.

Ах ты степь, моя степь. Горький запах полыни,
Пот солёный со лба и короткие сны,
Наша вольная степь, отголосок целинный,
С вами крепла и старилась после весны.

А в пшенице сплетенье тревог и судеб –
Ещё в поле комбайны, а снег пролетает.
И убрали мы вовремя трудный наш хлеб,
Ну, а лёгкого хлеба у нас не бывает.

Ах ты степь, моя степь. Горький запах полыни,
Память жарких полей, серебро ковылей,
Покорённая степь, отголосок целинный,
Стала ты и судьбой, и любовью моей.

04.08.–13.09.1987 г.

СТЕПЬ, ХАКАССКАЯ СТЕПЬ ...

Степь, хакасская степь:
То мороз, то теплынь.
Всё полынь, да ковыль,
Да дорожная пыль.
Полосатый твой лик
И одежда пестра,
Азиаток глаза,
Словно угли костра.

Кто придумал оскал
Твоих зубчатых скал?
Кто озёра твои
По земле расплескал?
 С чёрным цветом твоим
 Азиатская кара
 Под Копьёво Учум
 И степное Шира.
И в седых ковылях
Украшение твоё
Ожерельем в степи
Голубое Белё.
 Кто из древних искусно
 Да с лёгкой руки
 Сотворил у Июса
 Твои Сундуки?
Кто, не ведая сил,
Тайну в них поместил
И, замкнув на века,
На верха взгромоздил?
 Не летят по степи
 Табуны скакунов –
 Лишь шумят ковыли
 На курганах сынов.
Смотрят в воды озёр
Гор-обрывов горбы
И замшелых надгробий
Упрямые лбы.
 Верно, сказкой тебя
 Можно только обнять.
 Тайну каменных баб
 Никогда не понять.
Степь, полынная степь,
То Таштып, то Аскиз,
То взлетаешь наверх,
То летишь под карниз.
 Кто тебя и когда
 Среди гор отыскал,
 Кто тебя обласкал,
 Распахнул, распахал?
И куда же смотрел
Голубой Абакан,
Когда драли твои
Лемехами бока?
 Мне-то тоже пришлось

По призыву страны
Поднимать у Джирима
Пласты целины.

И степные сыны
Хлеб растят для страны,
Поредели в степи
Скакунов табуны.

Мы теперь на века.
Ты Россия сестра.
Не замёрзнет рука
У степного костра ...

Хлебный колос растишь
И, тельняшку надев,
Под осёдлый грустишь
Азиатский напев.

Ты из юрты ушла
В новый дом с ночевой
И забыла мотив
Скаковой, кочевой.

Степь, хакасская степь,
То мороз, то теплынь,
Всё полынь да ковыль,
Да буранная пыль.

12.02.1987 г.

Сказ о хонгорае

Я вновь посетил
 этот ласковый край –
Степную страну Хооран-Хонгорай.
Край дивных хребтов, сундуков
 и карнизов,
Древнейший приют
 енисейских кыргызов.
Средь гор – Абакан
 синей лентою вьётся,
Хакасией ныне
 землица зовётся.
Уходит Койбальская степь
 в бесконечность,
Народа история –
 в древнюю вечность.

О древних хакасах
 толкует Кызласов,
Но с ним Бутанаев
 совсем не согласен.
Считая, что степи,
 хребты и карнизы –
Давно занимали
 степные кыргызы.
Здесь столько прошло
 и племён, и народов,
Безвестных корней
 кочевых скотоводов:
Динлины, китайцы, монголы,
 джунгары.
Для русских – под общим
 названьем татары.
Ревели отары,
 звенело железо,
Ковалась история
 этногенеза.
От битв и набегов
 кыргызы устали,
И лишь при Советах
 хакасами стали.
А в общем-то виде
 не так и далёко
Кыргызы попали
 под царское око.
И бывшие, раньше,
 кыргызские сини
Вкатились в состав
 государства России.
Где лаской, где кровью,
 где силой железа –
Творилась история
 этногенеза.
Князьки и кыштымь
 из этого края
Прошли по острогам
 Саян и Алтая.
Катились всё дальше,
 потерь не считая,
До гор и степей
 голубого Тянь-Шаня.

Скрипели телеги,
ревели стада –
Кыргызов гнала
Золотая орда.
И там, где Орда
словно вихрь пронеслась,
Земля под копытами
гнулась, тряслась.
Редели кочевья
и плакали доли –
Всё в пепел и прах
обращали монголы.
Под гнётом киданей
потерями сея,
Кыргызская ветвь
сорвалась с Енисея.
Кыргыз из Бишкека,
хакас из Аскиза,
Потомки того же
степного кыргыза –
Примерно вот так
рассуждал Бутанаев.
За что ему выдал
награду Акаев?
За общие корни
в истории дале
Он был удостоен
почётной медали.
К тому же к медали
и премию дали.
Вы верно в газетах
об этом читали.
К награде же путь
был извилист и долог,
Но с честью его одолел
наш тюрколог.
Кыргызская речь
словно клёкот орла:
Карлык, Бадалык, Саралыг,
Миндерла.
Подобные рифмы в названиях
рек
И очень похожи: Бишкек и
Кермек.

Сыда и Буйба, Кантегир,
Сарала –
Всё те же гортанные звуки
орла.
Белё и Шира, Карасук
и Шунет –
В них тоже далёкий
кыргызский привет.
Спешат к Енисею Хабык
и Сыда,
Здесь Борус и Картуз,
Изых и Ерба,
И, словно уставший
с камланья шаман,
В горах отдыхает
заснувший Саян.
В степную природу
навечно вплелись
Полынь с ковылём
и касатик-ирис,
Чий жёсткий, солодка,
зловредный вьюнок,
Колючий татарник, житняк,
тонконог.
На горных тропинках
от солнышка пьян
Сиреновой дымкой
пахучий тимьян.
От солнца укрывшись
в лазоревый цвет
Растёт словно пальма
степной эспарцет.
Здесь жёлтый и синий
борец ядовитый
С шипом у цветка,
волосками покрытый.
На склонах увалов
и сопок гористых
Вам вдруг заблестит
эдельвейс серебристый.
А в пойме, в низине,
вдали у реки
Пылают костром
золотые жарки.

Кыргыз с Енисея
издревле привык
Готовить в запас
сарану и кандык.
Я нынче у этой землицы
в гостях.
Лечу на Хан-Куле
я боли в костях.
Баюкает, песни поёт
до утра
Мне море степное
с названьем Шира.
Мне шепчет Аскиз:
«Не ставай под карниз»
Кричит Абаза: «Береги тормоза».
В посёлок Кедровый
зовут мужики:
«Приедешь, однако,
нальём мы араки»
Таштып приглашает:
«На чай приезжай».
Поклон тебе, здравствуй,
страна Хоорай.
Привет Абакану,
столице землицы –
Я снова листаю
истоков страницы.
И мне не понятно:
какие же воры
Раздели богиню прекрасную
Лору?
Иль мало любили,
иль совесть пропили?
Зачем у богини
подол отпилили?
Совсем не понятно –
какая Орда
Смела с твоих пастбищ
отары-стада?
Зачем же на пашне
вдоль пыльных дорог
Растёт не пшеница –
полынь, да вьюнок.

Исчезли в степи
табуны скакунов.
Не видно кыргызских
потомков-сынов.
Какое же это
лихое безвременье
Лишило кыргыза
привычного стремени?
Двуглавый орёл
от уродства вздыхает –
Лишь лебедь залётный
над степью летает.
Бежит по степи
сорняковый пожар,
Затих Хонгорай:
ни отар, ни татар!

ВОТ ТАКИЕ БУБЛИКИ ...

Три мутанта-карапуза
Развалили мощь союза.
С похмелюги, но на славу
Рассупонили державу,
Развязав границы-путы
Государствам-лилипутам.
На потеху всей Европе
Повернули жопу к жопе.
И пошла гулять свобода
По российскому народу –
Пей, гуляй, рычи, как лев,
Под надзором МВФ:
«Не нужны России танки,
Лучше сладкие путанки.
Дырку жуй от бублика,
Славная республика».
Докатились до конфуза:
«Секса не было в Союзе»,
А теперь дерись во всю
С разрешенья Камдесю.
Без оглядки и заботы –
Потому как без работы.
Дырки, а не бублики
«Светят» по республике.

Пёс Гайдар, ума вершок,
Населенье кинул в шок.
И скукожилась Россия
От еврейской терапии.
Цены вышли на свободу,
А народ на хлеб и воду.
Дорожают бублики
Нынче по республике.
Расхитрющий рыжий Билл
Президенту очень мил.
Он его, как цацу, носит,
И кредиты часто просит
Закупить окорочков
Для российских дурачков.
Истощали рублики
В баночках республики.
Рыжий ваучер – прохвост
Отправляется в Давос:
«Может, денег принесу
От Мишеля Камдесю».
Позабыв, ядрёна мать, –
Долг придётся отдавать.
Золотые рублики
Из казны республики.
Вор филейку жрёт досыта,
Остальным – рога-копыта,
Хоть ногами ты сучи,
Или касками стучи.
Ставь заплату на заплату –
Не надейся на зарплату.
Растащили рублики
Из казны республики.
Дотянули до креста
Храм Спасителя-Христа.
Хоть деньжат, увы, немного
У рабочего народа –
Вор-бандит и жулик-хам
Деньги жертвуют на храм –
Для моленья публики
За упокой республики.
Евро с долларом на пару
Поддают рублишке «пару»,
И цыплёнок-табака
Сморщил тощие бока.
Русь, как лодка – без весла,

Пашня сором заросла.
Истожились бублики
На полях республики.
Всё теперь в России гладко,
Нам ещё б одни прокладки
От развал-прострации
И приватизации.
Расплеснулась на экране
Благодатная реклама.
Шоу в каждой рубрике
Для детей республики.
Вор бандита не зарует,
Жулик жулика покроет.
Беспредельна мафия
В русской географии.
Ох, мужик, ядрёна вошь,
Шибко климат нехорош,
Раз такие бублики
Развелись в республике.

13.01.1999 г.

ПРОЛОГ

Давай, браток, присядем на крылечке,
В стаканы хлебной от души нальём
Коню спасибо скажем, пашне, печке
И коркой хлеба горечь зажуём.
Хабык – речушка детства голубая
Течёт всё так же с дальних синих гор
Из ключиков, где, белку добывая,
Охотился когда-то наш Егор.
Кольцом деревню горы окружили
И вышли к пашне прямо на подпор
Листвянка, Караулка и Пиканка,
Сагырка и Сухарка, и Упор.
На этих косогорах очень древних
В начале века предки пермяки
В долинах рек построили деревни
И хлеб растить решили мужики.
Мокшан сюда приехал парень бравый,
Построил крепкий пятистенный дом
Мордвин, чуваш иль коренной татарин
Освоил землю каторжным трудом.
С подзолов Северной России

Добрался вятский, сёла заложил
Занять землю вольную в Сибири
Ему министр Столыпин предложил.
Он сеял хлеб на тёплых косогорах
Косил траву на заливных лугах,
Кто не ленился, жил себе без горя
И сытым был, и не ходил в долгах.
В мозолях с потом хлебушко таёжный
Он и теперь нелёгкий, что сказать
И прост крестьянский труд, и очень сложный
Пахать и сеять, жать и убирать.
Дрова готовить, разводить скотину
Держать в порядке хлев и огород
В лугах траву косить, напрягши спину,
Кормить царя, Россию и народ.
Лишь девяносто нашей деревушке,
А напрочь потеряла облик свой
Дома осели, баня, амбарушки
И заросли усадьбы трын-травой.
Она теперь почти что на закате —
Сменился быт, обычаи, народ.
Бредёт домой с бутылкою начатой
Безногий бич по кличке «Луноход».

25–26.01.1997 г.

Анциферов Иван Иванович (25.05.1905 – ...),

проректор по АХЧ в КСХИ

С 1960 по 1976 год пришёл работать в КСХИ. Сначала на должность заместителя директора по хозяйству, затем эта должность была переименована в должность проректора по АХЧ. Выйдя на пенсию, оставался работать в вузе – теперь уже лаборантом кафедры разведения и кормления сельскохозяйственных животных, затем – лаборантом на кафедре марксизма-ленинизма, счетоводом, швейцар-гардеробщиком.

Родился в селе Шало Манского района Красноярского края. Отец был рабочим-плотником. Мать – домашняя хозяйка, сезонно работала у крестьян. Отец своего хозяйства не имел, поэтому двенадцатилетним мальчишкой с 1917 года начал работать по найму у крестьян.

После смерти отца летом 1921 года уехал на реку Мана – приток Енисея, поступил в рабочую артель лесорубов и лесосплавщиков, работал у Красноярского лесопромышленника Померанцева и Щукина и в топливном «Лесотделе» Красноярского горсовета. В 1925 году вступил в профсоюз. В августе 1926 года рабочкомом профсоюзов был послан учиться в Манскую Школу крестьянской молодёжи, которую окончил в мае 1929 года. В октябре 1926 года вступил в комсомол, а в ноябре 1928 года был принят в КПСС.

С мая 1929 по апрель 1931 года работал председателем Манского межрайонного Кооперативного товарищества «Охотничье-рыболовецкой» кооперации. В апреле 1931 года Манским райкомом партии переведён работать председателем Манского районного союза сельскохозяйственной кооперации – «Райселькоопсоюз». В декабре 1931 года освобождён по болезни – лечился

в г. Красноярске. По излечению был послан Красноярским горкомом партии работать в «Главсевморпуть». С февраля 1932 по сентябрь 1938 года работал в устье Енисея и Енисейском заливе Карского моря заведующим группой «Рыбозверобойных» промыслов и начальником Комплексной промысловой Зимовки Таймырского треста «Главсевморпуть». Выехал с Севера снова больным, теперь уже цынгой. Лечился опять в городе Красноярске.

В марте 1939 года Сталинским райкомом г. Красноярска был переведён в красноярский «Леспродторг». Сначала заместителем, а позднее управляющим красноярской «Межрайконторы», откуда в июне 1939 года призван в ряды РККА начальником снабжения полевого Военторга 94-й стрелковой дивизии. Демобилизовался 25 декабря 1939 года. А в январе 1940 года был снова призван в РККА политруком пулемётной роты 453-го запасного стрелкового полка в г. Ишиме. Демобилизовался в августе 1940 года. С августа 1940 по июль 1941 года работал директором Бирилюсского рыбозавода, откуда в июле 1941 года в третий раз был призван в РККА политруком пулемётной роты 323-го запасного лыжного полка СибВО города Абакана до начала декабря 1941 года. В начале декабря 1941 года назначен комиссаром лыжного батальона, с которым и выехал на Калининский фронт.

В марте 1942 года был ранен, вылечился, и 28 июля 1942 года был назначен комиссаром батальона в 2-ю Гвардейскую мотострелковую дивизию. Под городом Ржевом 15 августа 1942 года снова ранен. После госпиталя, в декабре 1942 года, был назначен заместителем командира дивизиона по политчасти в 107-й отдельный Гвардейский миномётный дивизион на Калининском фронте. В январе 1943 года, под Великими Луками, снова был ранен. По излечению его командировали на курсы усовершенствования офицерского состава в город Омск, во 2-е Гвардейское Артиллерийское миномётное училище, где он учился с июля по октябрь 1943 года. Отозван был в Москву в Политотдел гвардейских частей и назначен парторгом в 23-й отдельный Гвардейский миномётный полк, с которым участвовал в боях при освобождении Крыма для обеспечения Сандомирского плацдарма.

При осаде Бреслау и во всех других наступательных боях в этот период до самого дня Победы был ещё дважды ранен. В апреле 1946 года демобилизовался в запас приказом ГПУРККА, по статье 431-й, по болезни, из города Самботэля (Венгрия). Уехал на жительство с семьёй в село Ванновка Тюлькубасского района Южно-Сахалинской области, где и работал с января 1947 по август 1956 года в системе Тюлькубасского райпотребсоюза председателем сельпо, заведующим кадрового отдела райпотребсоюза. Но не смог дальше работать, освобождён был по инвалидности. До мая 1959 года лечился в г. Красноярске и жил на пенсии по инвалидности. С мая 1959 по 26 декабря 1960 года снова пошёл на работу. Теперь уже в Красноярске – управляющим делами Сталинского райжилуправления.

*Антоник Галина Николаевна,
директор Музея КрасГАУ*

ЭЛЬ-РЕГИСТАН

Содержание предыдущих глав:

«В устье великого Енисея – рыбацкая флотилия Анциферова. Старт дан на остров Диксон. Самолёт заблудился в тумане. Таинственная хижина под снегом. По волчьему следу. Как радист Зибарев нашёл над мысом Шайтанским друга. Вход в Карское море закрыт штормовой метелью».

*(было опубликовано в журнале
«Молодая гвардия», 1936 год)*

Глава VI

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

«...Консервный завод в Усть-Порту – самое северное производственное предприятие в Советском Союзе. Он имеет солидную программу на 1935 год – выпустить один миллион семьсот пятьдесят банок высокосортных рыбных консервов, и в самые лютые морозы не прекращает работы, готовясь к весенне-летнему сезону. Весна здесь наступает со вскрытием льдов на Енисее, обычно в конце июля и сливается с летом в августе. Тогда оживают пустынные берега реки и рыбацкие суда спускаются через устье в Енисейский залив, и на пустынных берегах в избушках, отстоящих друг от друга на многие десятки километров, появляются ловцы-сезонники.

Три четверти года река прячет свои рыбные богатства под толстым слоем льда. И до появления Ивана Ивановича Анциферова в заливе никто не тревожил зимнего покоя осетров и нельм. Коммунист Анциферов, имеющий от роду двадцать восемь лет, получил задание освоить этот район, изобилующий ценными породами красной и белой рыбы. Анциферов, не имевший в прошлом понятия о рыбном деле, прежде всего прошёл рыботехнические курсы в Красноярске. Изучив технику лова и обработки, Анциферов набрал в Красноярске триста ловцов и выехал с ними в июне 1932 года с караваном судов вниз по Енисею. Народ был разный – многие не только никогда в жизни рыбой не промышляли, но и порядочных рек не видели. Штаб Анциферова составляли восемь черноморцев, знатоков глубокого лова рыбы. Эта первая рыболовная экспедиция положила начало эксплуатации нетронутых рыбных богатств северных вод.

Анциферов, отправив по окончании летнего сезона людей обратно в Красноярск, оставил на зимовку на берегу залива четырёх рыбаков во главе со старшиной – ловцом Исаковым – для разведки возможностей зимнего лова. Для них была выстроена избушка, оставлен запас продовольствия.

Летом 1933 года Анциферов пустился в плавание из Красноярска на рыбный промысел в залив, имея семьсот человек ловцов и солидный караван судов. Караван, подойдя к Подкаменной Тунгуске чистой водой, пошёл здесь непосредственно вслед за льдами. Но неожиданно в тыл каравана, плывшего

по Енисею, река Подкаменная Тунгуска бросила с верховьев огромную партию льдов. Льды, грохоча, выгнали караван Анциферова. Пароход «Лоцман Лайнс» бросил буксир и позорно сбежал, оставив на произвол судьбы «Лихтер № 3 Северпуть», «Баржу 24», бот «Белуштаник» и рыбницу «Волну», рядом с которыми плыли боты «Бурный» и «Красный партизан», буксировавшие шхуны «Комсомолку» и «Делегатку». Командир каравана Иван Иванович Анциферов, не растерявшись, приказал судам отдать якоря, но льды порвали сейчас же все цепи, угрожая полным уничтожением каравану. Тогда вместо якорей были пущены в ход грузы – рельсы для узкоколейки, двухтонные ящики и всё, что было потяжелее. Но и это не помогло. Затёртый льдами караван задрейфовал вниз по реке.

Караван дрейфовал сто шестьдесят километров, стиснутый громадой льдов, и прошёл мимо Игарки – бессильный помочь чем-нибудь бедствующим людям и судам. В двадцати километрах ниже Игарки дрейф временно прекратился и, пользуясь этим, ловцы во главе с Иваном Ивановичем, перебегаая по плавающим льдинам, перенесли тромы (стропы) на берег, цепляя их за тросы и деревья. Но льды опять нажали, вырывая с корнем деревья и оторвав «Комсомолку» и «Делегатку», раздавили их, как яичную скорлупу. Люди еле спаслись по льдам. Вслед за «Делегаткой» и «Комсомолкой» погибла парусно-моторная «Волна», получив огромные пробоины и вмятины. Енисей неистовствовал, наводя страх на суда и людей. Но молодой адмирал рыбацкой флотилии, собрав остатки своей потрёпанной армии, привёл её всё же в Усть-Порт.

Вход в залив был переграждён льдами. Выждав шесть суток, флотилия прорвалась в залив, достигнув девятого июля Бреховских островов. В лучших местах лова – в Иннокентьевской губе – стоял подводный лёд. Он тронулся в ночь с 18 на 19 июля, а на следующий день, зная, что рыба движется стадами вслед за льдом, рыбаки забросили сети по всему побережью.

Срубив на Иннокентьевской губе два дома, заготовив летом дрова, оборудовав радиостанцию, Анциферов оставил зимовать тридцать ловцов. Они добыли в прорубях залива подо льдом восемьсот центнеров великолепной рыбы. Возможность зимнего лова на полярных широтах Енисея была доказана.

Летом 1934 года Анциферов появился в Енисейском заливе в третий раз, опять выполнив план лова в пять тысяч двести пятьдесят центнеров. Неурядицы с заброской стройматериалов срывали задуманную зимовку. Тогда Иван Иванович Анциферов, отправив основную массу ловцов домой с последней водой, остался зимовать сам с группой в шестьдесят пять промышленников. Собрав на берегу плавниковый лес, он в условиях зимних холодов выстроил прочное и тёплое общежитие с отдельной комнатой для двух семейных промышленников с сушилкой для одежды, воздвигнув также здание радиостанции, баню и складское помещение для орудий лова. Кроме того – зимовщики выстроили отдельный дом для конторы с квартирами административно-технического персонала и амбулаторией. На зимовке остались для

научных наблюдений за поведением рыбы техник по добыче Маневич и рыбовед-биолог Соловьёв.

10 марта утром, когда мы взмылись над Усть-Портом, стартовав на остров Диксон, радиостанция на борту нашего самолёта перехватила радиogramму зимовавшего на Иннокентьевской губе Анциферова. Передавая Таймыртресту очередной месячный отчёт, он сообщил, что зимний лов идёт хорошо и что в пургу и шторм, когда рыбаки свободны от работы, они делают порядочные успехи по обществоведению, математике и естествознанию. Одновременно Анциферов передал в эфир информацию о том, что у рыбака Каприна родилась дочь, которая занесена в списки зимовщиков Иннокентьевской губы и расположением начальника зачислена на все виды довольствия.

Это приятное известие радиостанция нашего самолёта перехватила в 9 часов 15 минут утра 10 марта, минут через двадцать после вылета из Усть-Порта. Молоков имел твёрдое намерение покрыть расстояние Усть-Порт – остров Диксон беспосадочным полётом над самой северной частью Таймырского полуострова, в широтах, где за всю историю человечества зимой не появлялся в воздухе ни один человек. При вылете солнце сияло на небе, хотя и это сияние было каким-то тусклым и неестественным, словно кто-то прикрыл небесное светило рисовой папиросной бумагой. Река, расплзаясь на десятки русел километра по два, по три шириной, петляла кое-где кромками многочисленных берегов, еле возвышающихся над снежным безбрежьем мёртвой равнины. Ширина разливов достигала тридцати километров, и здесь очень нетрудно было заблудиться, так как чёрные полосы, обвеваемые ветрами обрывистых берегов, встречавшихся на нашем пути до Усть-Порта, исчезли почти совершенно.

*Из архива Музея КрасГАУ.
Антоник Г.Н., директор
Музея КрасГАУ*

Цугленок Галина Ивановна,
доктор технических наук, профессор

Окончила математический факультет Красноярского государственного педагогического института в 1970 году.

Работает в Красноярском сельскохозяйственном институте (ныне КрасГАУ) с 1975 г.: ассистент кафедры высшей математики, начальник управления научными исследованиями, доцент кафедры системознергетики, профессор, заведующая кафедрой высшей математики. С 2004 г. заведующая кафедрой и профессор кафедры «Высшая и прикладная математика».

С августа 2006 года исполняла обязанности проректора по научной работе и международным связям. С июля 2008 года по настоящее время – проректор по науке, инновациям и международным связям.

Является автором 107 научных и учебных публикаций, в том числе 11 монографий, 7 учебно-методических пособий, в том числе с грифами СибРУМЦа и Минсельхоза, имеет 10 авторских свидетельств на изобретения. Внесла существенный вклад в организацию научных исследований, проводимых в аграрном университете. Под её руководством учеными университета подготовлены межрегиональные программы: «Школьное питание», «Программа развития АПК Красноярского края на 2009–2011 гг. с перспективой до 2017 года», пакет законов для развития земельной реформы АПК Красноярского края.

Профессиональная научно-педагогическая деятельность связана с подготовкой специалистов высшей квалификации для предприятий и учреждений АПК Красноярского края.

За заслуги в развитии агропромышленного комплекса края Г.И. Цугленок награждена Почетной грамотой Министерства сельского хозяйства РФ, Почетной грамотой Администрации Красноярского края, Почетными грамотами города Красноярска. За вклад в развитие культуры города – благодарственными письмами оргкомитета Красноярского международного музыкально-театрального фестиваля – конкурса «Надежда» в 2001 и 2007 гг. Лауреат Профессорской премии Главы города 2005 года, лауреат премии Красноярской ассоциации «Интеллект и культура» за 2007 год.

Обладая от природы хорошо поставленным голосом красивого тембра, сама исполняет свои песни и записывает их на диски. Песни Г.И. Цугленок узнаваемы и любимы не только в университете. В 2007 году Галина Ивановна получила одобрение и благословение духовенства края, исполнив свою песню «Молитва» на встрече священнослужителей края и их жен с общественностью города.

В трудовой книжке Г.И. Цугленок вписан один коллектив – Красноярский сельскохозяйственный институт (ныне КрасГАУ). Именно здесь она состоялась как специалист и ученый. В его стенах прозвучали её первые песни.

Неизбежно и закономерно появление патриотической темы в творчестве Г.И. Цугленок. В её стихах и песнях – мудрое видение жизни, оптимизм, влюбленность в родной вуз. «Гордимся мы, что родом из Аграрного»... – строка из «Песни об агроуниверситете» на стихи Г.И. Цугленок покоряет искренностью и непритворным чувством.

Стихи – рифмы по поводу, которые написаны для близких – детей, внуков и друзей к различным датам.

*Не дай мне, Боже, очерстветь,
К людскому горю быть глухою,
С чужого голоса мне петь,
А дай мне быть самой собою!*

ЮБИЛЕЙНОЕ

Друзья, я юбилеев не люблю.
Я именинница,
согласна с этой ролью.
И в этот день
вам праздник подарю,
Для вас спою
и встречу хлебом-солью.

Хотим мы пожелать вам,
дорогие,
Пусть не иссякнут силы
на дела благие!
И будет добрым
и улыбчивым ваш дом,
Всегда искрится
детским смехом он.

Хотим, чтобы на долгие года
Не смела посещать
ваш дом беда.
Когда друзья
вдруг соберутся за столом,
Чтобы тепло, уютно
было в нём.

Все говорят – Мужчина царь природы!
Ему подвластно всё, что в мире происходит.
Он муж – и нет его мудрей
И чина для него по жизни нет важней.

Вершины многие в карьере покорил
И сердце женщины любовью одарил,
И радость и печаль ты встретил на пути
Ведь чтобы жизнь прожить – не поле перейти.

Посвящается В.В. Матюшеву

Василий – царственный, а Виктор – победитель.
Он словно Геркулес в работе – поглядите.

Во всяком деле – непременно дока,
Друзья! В нём не найти порока.

Вновь рябина свой наряд одела
В бабье лето за собой маня.
День рождения справляет «Дева» –
Это лучший праздник сентября.

ЗАСТОЛЬНАЯ

(песня, муз. И. Потехина)

Соберёмся мы вечерком,
Стол накроем, рюмки нальём.
Если праздник в доме сейчас,
Ноги сами пустятся в пляс.

Первый тост, подружки, за нас,
За весёлый блеск добрых глаз.
Тост второй за наших родных,
Не прожить на свете без них.

Припев:

Пусть твердят, что «бабий век – сорок лет»
И что «счастья на земле нет, как нет»,
Только я в ответ молчать не хочу,
Есть, девчонки, счастье есть!», – я кричу.

Пусть твердят, что «бабий век сорок лет»
И что «счастья на земле нет, как нет»,
Нам на белом свете всё по плечу!
Мы, девчонки – звёзды, я не шучу!

Выпьем третий раз за любовь,
За любовь поднимем тост вновь.
И о детях вспомним не раз,
Им нельзя на свете без нас.

Мы поднимем тост за мужчин,
Чтоб любили нас до седин,
Дружно спляшем мы и споём,
Нам, девчонки, всё нипочём!

ЛИСТОПАД

(песня, муз. И. Потехина)

Надо мной кружит листопад,
А в душе лежит счастья клад,
Выпал, словно снег, в сентябре
И исчез навек на заре.

Припев:

Под листопадом
мы оказались рядом.
Под листопадом
все позади преграды,
Огонь пульсирует в груди.
Под листопадом
мы как под звездопадом.
Под листопадом
чудесней нет награды.
Под листопадом
сияет золото любви ...

Счастья клад, пока подожди,
Пусть пройдут снега и дожди.
Листопад кружит надо мной,
Отыщу души клад весной.

Припев

В небесах души надо мной
Листопад кружит неземной.
Застилает взгляд злой туман.
Видно, счастья клад лишь обман.

Припев

НОВОГОДНЯЯ

(песня, муз. И. Потехина)

Зима хозяйкою не зря
Заглядывает в двери ... –
Последний лист календаря
Оторван и потерян.

Вновь Зодиак на небесах,
По гороскопу строго,
Спешит навстречу чудесам,
Меняя символ года.

Припев:

Сверкает искорками звёзд
 шампанское в бокалах
Встречают вместе Новый год
 и молодой, и старый.
И золотой орёл крылом
 взмахнёт над башней
 Спасской,
Оберегая каждый дом
 от горя и ненастья!

Повсюду тысячи огней
И радостные лица,
И в каждом доме
 ждут гостей,
И детвора резвится.

Вот в красной шубе
 Дед Мороз
Под ёлкой хороводит.
Пусть праздник,
 что он нам привёз,
Подольше не уходит!

ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ

(песня, муз. И. Потехина)

Стоит краса-берёзонька
И на ветру качается,
Я полюбила паренька
И это мне не кажется.

В деревне первый парень он
И на работе славится,
Его трёхрядная гармонь
Девчонкам очень нравится.

Мой парень что-то загрустил,
В глаза взглянуть стесняется,
И я надеюсь, мне в любви
Сегодня он признается.

Года бегут, как реченька,
Есть сын у нас, есть доченька,
Но не забыл тальяночку,
Играет мне «цыганочку».

Промчались зимы с вёснами,
Есть внуки, дети взрослые,
Но до сих пор считаю я,
Ты – первый парень для меня.

СПАСИБО ЗА ЛЮБОВЬ

*(первый вариант песни,
муз. И. Потехина)*

Однажды в жизнь мою вошла
И стала бесконечно милой ...
Ты сына с дочкой родила,
И дом от бурь уберегла
Со всей своею нежной силой!

Не отрывая глаз, смотрю,
Любуюсь каждый миг тобою ...
Я песню лучшую дарю,
И женщину боготворю,
Ту, что ниспослана судьбою!

Встречая раннюю зарю,
В одной тебе души не чаю ...
За всё тебя благодарю,
Прости, что редко говорю,
Как сильно без тебя скучаю!...

Торопится куда-то жизнь
Со всей своею вечной силой ...
Держа в руках карандаши,
Тебя внучата-малыши
Звать будут бабушкою милой!

Привет:

Тебе спасибо за любовь,
За детский смех,
 за тёплый кров! ...
За то, что мне всегда нужна
На всей земле лишь ты одна!...
... За то, что ты моя жена!...
Спасибо – повторяю вновь –
Спасибо за любовь!

СПАСИБО ЗА ЛЮБОВЬ

*(второй вариант песни,
муз. И. Потехина)*

Вновь день уходит на покой,
Всё затихает в неге дивной,
Звенит гитара над рекой,
И клён кудрявою листвою
О чём-то шепчется с рябиной.

Струна волшебная звенит,
Ей тихо подпевает ветер,
Ты, песня нежная любви,
На волнах музыки плыви,
К тому, кто лучше всех на свете.

Встречая раннюю зарю,
Я о тебе одном мечтаю,
За всё тебя благодарю.
Прости, что редко говорю
Как сильно о тебе скучаю.

Мы вместе в этот тихий час,
И этот день не зря был прожит,
И свет твоих любимых глаз
Горит, с годами не угас,
Меня по-прежнему тревожит.

Принев:

Тебе спасибо за любовь,
За то, что ты признать готов,
Что счастьем
В ЖИЗНЬ ТВОЮ ВОШЛА

За то, что мы, как два крыла,
И в сердце радость расцвела.
Спасибо! Повторяю вновь,
Спасибо за любовь!

У КАМИНА

(песня. муз. И. Потехина)

Шепчет календарь:
«Вновь пришла зима...»
Непогоды хмарь
Замела дома.
В мире только ты,
Я и тишина.
Бархат темноты
Льётся из окна.

Припев:

Разожги камин
На закате дня,
Нежно обними,
Милый мой, меня.
Искорки огня
На лице твоём,
Вместе ты и я,
Мы одни вдвоём.

Пусть в ночи слышней
Вьюги круговерть,
Ни тебе, ни мне
Не о чем жалеть.
Светлая любовь
Согревает нас,
Явь прекрасных снов
Дарит поздний час.

НОВОГОДНИЙ ВАЛЬС

(песня, муз. И. Потехина)

Забавляется маг – Дед Мороз
Детворе щиплет щёки и нос,
И снегурка под ёлкой
ведёт хоровод –

По планете идёт Новый год.
Стол накрыт
 в каждом доме сейчас,
И шампанское каждый припас.
В ожидании праздника
 много хлопот,
Встретим весело мы Новый год.

Припев:

Вспыхнув, ёлка огнями цветёт,
В вальсе кружит весёлый народ.
И вокруг столько радостных лиц,
 посмотри!
Раз, два, три,
 раз, два, три,
 раз, два, три.

Старый год помахал нам рукой,
И умчался на тройке лихой.
Календарь первый лист,
 торопясь, оторвёт.
Время вместе встречать
 Новый год.

Мы рассядемся все за столом,
И фужеры шампанским нальём.
Бой курантов 12 часов отобьёт,
Это значит пришёл Новый год.

Припев:

Вспыхнув, ёлка огнями цветёт,
В вальсе кружит весёлый народ.
И пусть счастье и мир
 в каждый дом принесёт
Новый год,
 новый год,
 новый год.

МЕДОВЫЙ КРАЙ

(песня, муз. И. Потехина)

Ты родная сторона,
Край таёжный,

Деревенька от Петра –
Нет дорожке.
В горях дух стоит такой –
С ног сбивает,
Это мёд пчелиный рой
Собирает.

Мне сестра – гармонь моя,
Сердце тает.
По росе девчонку я
Провожая.
Вижу хитрый взгляд отца,
Поздравляет.
На пороге у крыльца
Поджидает.

Молоко сопью в сенях –
Сил прибавит.
Мама встретится в дверях –
Приласкает.
В осень лось трубит зорю –
Лес стихает.
Он подруженьку свою
Поджидает.

За околицей журчит
Речка быстрая.
Кедры, как богатыри –
Дремлют, выстроясь.
В поле сладкие овсы
Мнёт медведица.
Будет лапа до весны –
Собеседница.

Припев:

Ты любимый край,
Мой медовый рай.
Сколько буду жив –
Помнить буду.
Сердцем и душой
Я всегда с тобой.
Отчий край, тебя –
Не забуду.

На крыльце отец сидит,
За порогом,
Новый улей мастерит –
Будет с мёдом.

ПРОФЕССОРСКИЙ БАЛ

(песня, муз. И. Потехина)

Наше братство для нас –
Это символ свободы.
Помогало не раз
В наши годы.

Убеждений на час
Не меняли в угоду.
И танцуем сейчас
Наш профессорский вальс,
Невзирая на моду.

И огонь мы не раз
Проходили, и воду,
И звучали для нас
Труб победных аккорды.

Рано списывать нас,
Мы из крепкой породы.
И профессорский вальс
Танцевали не раз
В наши лучшие годы.

В нас порыв не угас,
Мы к свершеньям готовы.
И Профессор для нас –
Это гордое слово.

Вновь придут в добрый час
Юных новые всходы.
И танцуем сейчас ...
Наш профессорский вальс
Не выходит из моды!

Припев:

Профессорский вальс,
вальс,
вальс

Лувр, словно руки распахнув,
Всех приглашает в гости
Гранд Опера и Мулен Руж
Не замечают осень.

И солнца луч на Плац Пигаль
Украсит день ненастный
Над Нотр-Дам мелькнёт звонарь
Влюблённый и несчастный.

И несравненный Мон-Парнас
Мне о былом расскажет,
Монмартр огнями встретит Вас
И чудеса покажет.

Растаял день под сводом крыш
И сумерки проснутся.
И засыпает мой Париж,
Чтоб утром улыбнуться.

Припев:

Париж, Париж, с тобой всегда
Я становлюсь моложе.
Париж, Париж, любовь моя
И нет тебя дороже.

Я улетаю, мой Париж,
Чтоб вновь сюда вернуться.

***Головин Владимир Андреевич (1919–2002),
доктор сельскохозяйственных наук, почётный профессор КрасГАУ***

Родился 27 октября 1919 г. в с. Шейн-Майдан Атяшевского района, Мордовской АССР. В 1953 г. окончил зоотехнический факультет Молотовского (ныне Пермского) сельскохозяйственного института имени Д.Н. Прянишникова. В 1956 г. окончил аспирантуру по кафедре частной зоотехнии в том же вузе, с 1957 г. – к.с.х.н., с 1977 г. – д.с.х.н.

Работал в КСХИ с 1956 г.: старшим преподавателем, доцентом, заведующим кафедры разведения животных и генетики, научным консультантом дипломного проектирования.

С 1971 г. – старший научный сотрудник, заведующий отделом скотоводства Красноярского научно-исследовательского института сельского хозяйства (КНИИСХ). С 1972 г. – старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Сибирского отделения Российской академии сельскохозяйственных наук (НИИСХ) в Солянке Красноярского края, заведующий кафедрой кормления сельскохозяйственных животных и председатель ГЭКа в Рыбинском сельхозтехникуме. С 1976 г. – заведующий кафедрой разведения животных КСХИ. С 1978 г. – снова заведующий отделом скотоводства КНИИСХ. С 1981 по 1983 г. – заведующий лабораторией скотоводства Красноярского отдела СибНИИТИЖа.

Основные научные направления: исследование особенностей и улучшения симментализированного скота Красноярского края, чёрно-пёстрого скота Красноярского края, красного степного скота. Им опубликовано по скотоводству около 90 научных работ, 19 статей в журналах, 9 брошюр. Награждён: значком «Отличник социалистического сельского хозяйства» и медалями: «За доблестный труд», «Ветеран труда», «Красная Звезда», «За боевые заслуги», «За взятие Кеннигсберга», «За победу над Германией», «Жукова», знаком «Фронтовик». Занимался общественной деятельностью, был членом научно-технического общества, общества охраны природы, Совета депутатов исполкома Центрального района города Красноярска.

Прекрасно рисовал. Им создано около 500 живописных и графических работ, иллюстрировал поэтов и писателей: Астафьева, Черкасова, Чмыхало, Богдановича и других авторов. Писал сам рассказы и повести («Бурелом», «У Синей реки», «Гир – сын Агу»). Стихов написано много о себе, о природе, о разных людях, событиях. Очень любил писать книжки в стихах для детей, сам их иллюстрировал.

*директор Музея КрасГАУ
Антоник Галина Николаевна*

В.А. Головин. Дружина А. Дубенского на Казачинских порогах р. Енисей, по дороге к Красному Яру. 1992 г., холст, масло, 55 × 86 см

ГИМН ГОРОДА КРАСНОЯРСКА

(музыки на эти слова – уввы, нет.

Просим написать.)

Над сибирской рекой Красен Яр и высок,
Атаман Дубенской здесь поставил острог.
Уносила река ледолом в океан.
Прокатились века, вырос град-великан.

Припев:

Енисей – река сибирская,
С гор Саянских ледников
Катит сила богатырская
До Таймырских берегов.

Беглый вольный народ, как в Сибири всей,
Заселил городок на реке Енисей.
Из Москвы государь в необжитую ширь
Слал недавно и встарь непокорных в Сибирь.

Припев:

Енисей – река сибирская,
Крутые берега,
Мощь и сила богатырская,
И бескрайняя тайга.

Красен город рекой, Красноярском – река,
Неразрывной судьбой их сроднили века.
В Красноярске живёт у сибирской реки
Не обычный народ – чудо-сибиряки.

Припев:

Енисей – река сибирская.
Крутые берега.
Мощь и сила богатырская,
И кедровая тайга.

В Красноярске рассвет, лучезарный восход.
Сотни зим, сотни лет над ним солнце встаёт.
На саянской реке, славя подвиг и труд,
О своём городке красноярцы поют.

Припев:

Красноярск рекою славится,
Красноярском – Енисей,
Как восточная красавица
Ожерельем из камней.

1999 год.

В.А. Головин. **Река Енисей.** 1993 г., холст, масло, 41×55 см

ВЕТЕРАН ВОЙНЫ

В косом дожде, что дробно, резко
Хлестал в стекло его окон,
И в молодняк за перелеском.
Ему пригрезилась война.
Войны минувшей отголоски
В конце пути, на склоне дней,
Как озарения полосы,
Встают всё чаще и больней.
Как полон доблести и чести
Здоровый, сильный, молодой
Он шёл на смерть со всеми вместе,
Россию заслонив собой ...
... И как осколок мимоходом
Рванул плечо наискосок.
И тут же, сразу помкомвзводу
Пониже каски и – в висок.

Война надёжно скрыта, вроде,
Сорокалетней пеленой,
А он во сне в атаки ходит
И по ночам кричит: «За мной!»
Подушку тискает в ладони
И слёзы по морщинам глаз ...
Он фронтовых друзей хоронит,
Не знает сам, в который раз.
Вот так живыми позабытый
Покорно доживает век,
В войну случайно недобитый,
Больной и старый человек.
За подвиг ратный помнят скопом.
Особо тех, кто был убит.
Им монументы по Европам,
А персонально он – забыт.
Что проще – в памятную дату
Однажды положить венок
И неизвестному солдату,
И монументу, возле ног,
Чем эти нудные заботы
О ветеранах той войны.

.....

Не те размахи и высоты
Идущей в коммунизм страны.

Красноярск, 1983 год.

В.А. Головин. **Убили!** 1974 г. бумага, карандаш, 19,5 × 28,5 см

В.А. Головин. **Этюд. Рожь. Сибирские поля.** 1976 г., холст, масло, 29 × 51 см

В СТЕПИ

Шею изогнув дугой,
Молодой и стильный,
Ходит месяц молодой
По степи ковыльной.

Протыкают ночи тьму
Синие иголки.

Как ни силюсь, не пойму –
Звёзды или волки.

На курган от тёмных сил,
Налагая «табу»,
Древний предок водрузил
Каменную бабу.

Видно здесь, среди могил,
Вождь – степняк раскосый
Кровь горячую пролил
В утренние росы.

И от тех кровавых рос
Ковылей – метелица
Космами седых волос
По кургану стелется.

Красноярск, 4 января 1987 г.

В.А. Головин. **Верховья реки Енисея.** 1995 г., холст, масло, 43×56 см

ТРИ СЕСТРЫ

В тень, укрывшись от жары,
Незамужних три сестры,
Три грязнули, три неряхи –
Их давно забыли свахи.

Грызли семечки в три рта,
Брали их из решета,
С губ плевали шелуху
И мололи чепуху.

Говорит одна девица:
«Кабы я была царица,
Воз посуды б накупила,
Никогда б её не мыла.

Загрязнятся миски, ложки,
Чугуны и поварёшки
Вымыть их велит маманя...

Целый час торчишь в чулане.

«Я бы всю эту холеру
Кинула в лохань, к примеру», –
Говорит её сестрица.

«Если б я была царица:
То б не боле и не мене
В зад царя к едрене фене.
Царь наш вовсе не годится
Ни народу, ни царице.
Фролку с нашего села
Я б в цари произвела.
Он кудрявый и румяный
И целуется как чёрт,
От ево, от фулюгана,
Я изладила аборт.
Токо ездить в заграницу
С ним нельзя. Он матерится
Так, что уши затыкай.
Разве только, что в Китай.
По китайскому, быть может,
Фролка лаяться не сможет».
Третья молвила сестра: –
«Взамуж мне давно пора!
Я бы цельные недели
Токо нежилась в постели.
Муж картошку б мне варил
И приветства говорил».
Так, укрывшись от жары,
Незамужних три сестры
Грызли семечки в три рта,
Брали их из решета,
С губ плевали шелуху
И мололи чепуху.
Мать с отцом, их старики,
Принесли воды с реки,
Завтрак дочерям сварили,
Чем умели, накормили.
Потихоньку, понемножку
Полют грядки и картошку.
Деревня Мазурово, 1994 г.

ТЫ ЧЕЛОВЕК

Как боль зубную ненавижу
Людей, что в наш двадцатый век
Лукавят, притворяясь травинки ниже:
«Я маленький, я мелкий человек».

На первый взгляд их вред невидим,
Что судят с превосходством мудреца:
Мол, подождём. Мол, поживём – увидим.
Они опаснее любого подлеца!
Не без корысти с кротостью смиренной
Они не бьют тревоги против зла.
Когда-то их заметят непременно
И что-то кинут с персонального стола.
Как раз на них, на этой гнили
И держаться подхалимаж и блат.
Не через них ли столько наплодили
Мы сволочья и блядства?... Виноват.
НЕ важно, дворник ты или генсек.
Ты мыслящее чудо! ЧЕЛОВЕК!
И ты один единственный в ответе
За всё, что есть и будет на планете.

В.А. Головин. **Старый Храм.** 1973 г., бумага, карандаш, 21 × 32 см

ЖИЗНЬ СТРОГА

Жизнь сама тому уроком служит,
Что предвидеть можно наперёд –
Подлеца подлец переподлюжит,
От руки убийцы гад умрёт.

Лизоблюда льстец обманет лестью,
Дважды вокруг пальца обведёт.
Кто не дорожит чужою честью
От бесчестья и позора не уйдёт.

Карьерист надменно-тупорылый,
Что в чинах продвинулся и рад,
Будет обойдён другим тупицей,
Только карьеристее стократ.

Взяточника, вора, казнокрада
Рано или поздно выдаст вор.
По заслугам каждому награда,
Так случилось до сих пор.

В.А. Головин. Таёжная избушка. 1979 г., бумага, тушь, перо, 21,5 × 32,5 см

Жизнь строга. Наказан каждый будет,
Чем наказывал других. И поделом!
На добро добром ответят люди,
Зло же самому вернётся злом.

Красноярск, 1985 г.

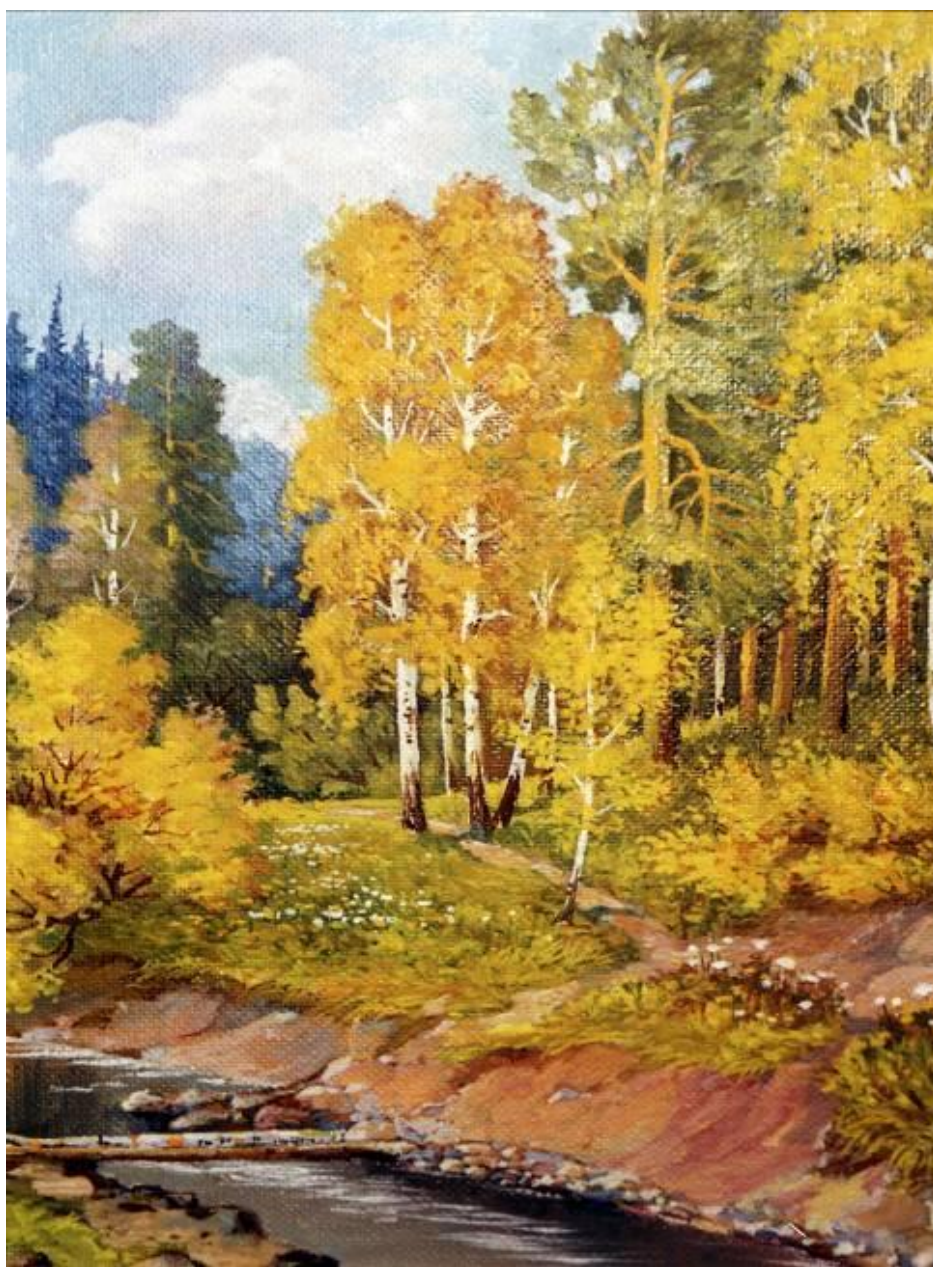
ИЗУРОЧИЛИ

Мне наперебой когда-то пророчили
«Метеором» в жизни просиять.
И, видать, невольно изурочили.
Что теперь с пророков этих взять?
Литератор местного масштаба
Прочитал стишок мой невзначай.
(Он писал заметки для «Красраба»,
Прирабатывал на хлеб и чай).
Прочитав, он руку кинул в небо:
«Классика! Талант! Природный дар!
Кабы я вот так же складно... Мне ба,
Чай, вдвойне платили гонорар»,
Срисовал я на уроке в школе
На листочек шишкинскую «Рожь».
Похвалил сам участковый дядя Коля:
«Ох, ты парень, далеко пойдешь!»

В.А. Головин. **Земляника.** 1984 г., бумага, карандаш, 21 × 27 см

Игоря из дома номер восемь
Обещали выпороть кнутом,
Если вновь останется на осень
Он по математике с «хвостом».
С Игорем возился я упрямо.
Тройку получил он, хоть бы хны!
С радости, его, Квашека, мама –
Мне купила новые штаны.
Тут сказал отец, скупой на ласки,
А на похвалу еще скупей:
«Дуй, сынок, в науку без опаски.
Видно, с головой ты. Не робей!»

В.А. Головин. **Осень.** 1998 г., холст, масло, 31 × 50 см

Доживая жизнь, шальную штуку,
Вижу я, что небо зря коптил.
Рисовал, писал, творил науку,
Не хитрил, не воровал, не пил.
Но – ни в чем успеха не добился,
Хоть себя и нечем укорить.
Хорошо, хоть в сорок лет хватился,
Научился к старости курить.
Игорь – одноклассник узколобый,
Пил безбожно, и ловчил, и крал.
Он сперва заведовал столовой,
А потом каким-то «предом» стал.
И машина у него и дача,
И в мехах и в золоте жена...
Сглазили меня пророки, не иначе,
И не получилось ни хрена.

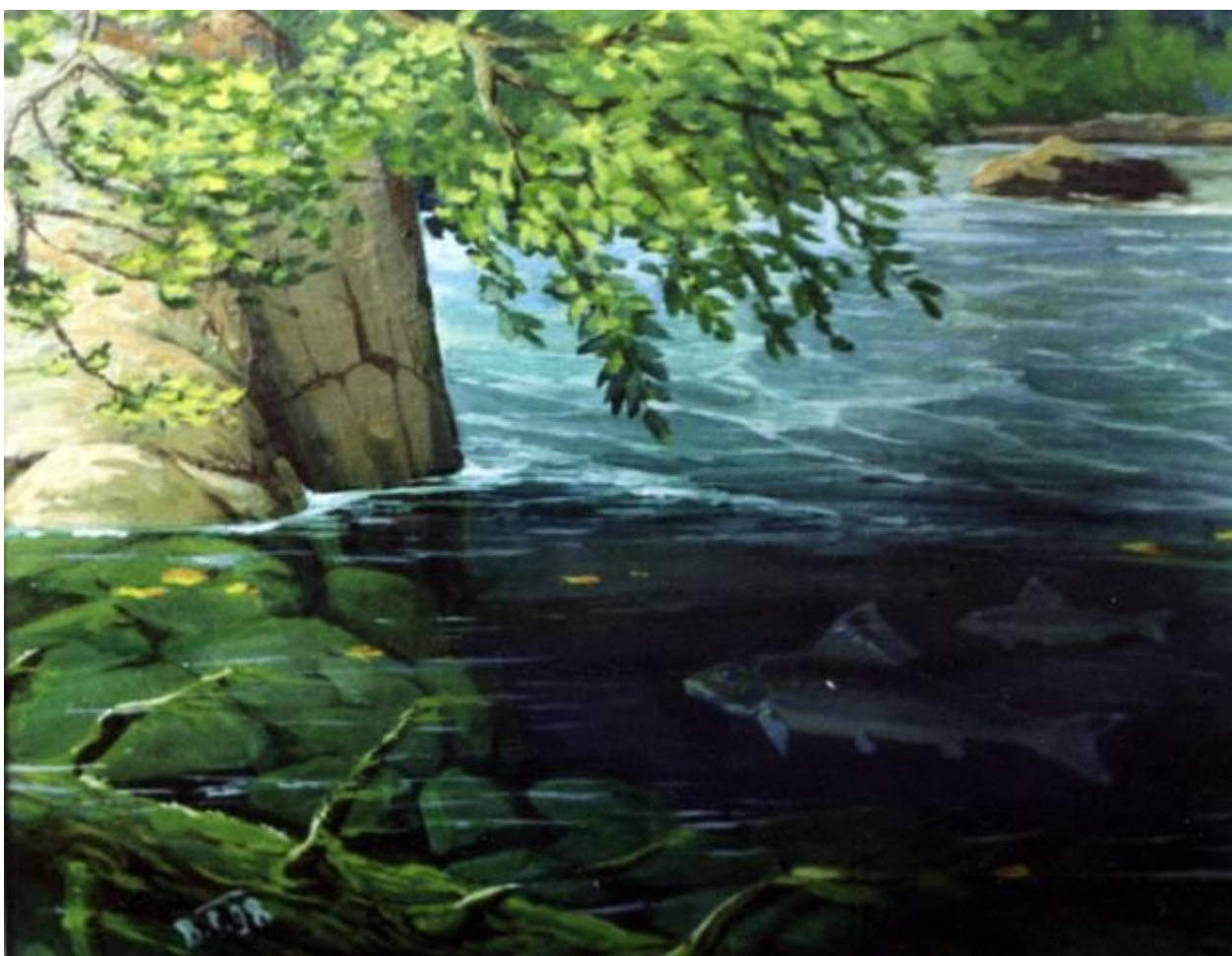
Красноярск, 1986 г.

В.А. Головин. **Пень на лесной полянке.** 1992 г., бумага, карандаш, 21 × 32 см

СОСЕДКА

За стеной живет соседка,
То не женщина – конфетка!
А поскольку я – сосед,
Мне ни в чём отказу нет.
Да и Ниночка к тому же
Скоро год живет без мужа.
В два замужества она
Родила два пацана.
(Рыжекудрые мальчишки,
Петьке два, три года Гришке).

В.А. Головин. **Рыба в речных заводях.** 1998 г., холст, масло, 40 × 52 см

А мужья? Мужья – студенты.
С них какие алименты?
У самих не больно множко,
Все богатство: хлеб, да ложка.
Правда, третий был богаче,
Ведал базой, не иначе.

Хочь с брюшком, не очень стар,
Из башкирцев, иль татар.
Только третий муж, завбазой
(Деловой мужик, зараза!)
С браком все тянул волынку,
А потом оставил Нинку,
Видя, что она вот-вот
Принесет ему приплод.
Без отца родилась дочь...
Я всегда готов помочь
Мужем кинутой соседке.
А её малютки-детки -
Кожей, так сказать, и рожей
На меня точь в точь похожи.
И дочурка Зулия
Рыжекудрая, как я.
С Нинкой мы сейчас в разладе.
Ей взбрело, с чего-то ради,
Оформлять со мною брак.
«Не такой уж я дурак, —
Отвечаю без затей, —
Чтоб растить чужих детей!»

Красноярск, 1986 г.

В.А. Головин. **Грозный Бык.** 1985 г., бумага, акварель, 32 × 48 см

ГРОЗНЫЙ ЛЕВ

*«...Речей не тратить даром,
где надо власть употребить»*

На птицеферме плохо шли дела
С тех пор, как заменив Козла,
Заведовать Лисица фермой стала.
И яйценоскость вдруг упала,
И птицепоголовье сократилось.
Об этом докатилась

тревожная молва

до Льва.

Известно было Льву к тому же,
На овцеферме ладилось ещё,
пожалуй,

хуже,

Заведовал которой Волк матёрый.
Бобры-строители на дачи и на хатки
Тащили лес и шифер без оглядки.
Улитка транспорт «провалила»

с треском.

Растратил семена Петух

с «Семянотрестом».

Везде: то кум, то брат, то сват,
И воровство, и блат...

Лев был горяч, на зуб остёр,
Он подчинённых вызвал на ковёр.

Летели перья, пух и клочья,
Летела шерсть Лисицына и Волчья.

Досталось всем по пятое число,
Но пронесло.

Приняв покорно и учтиво
С размахом Львиным директиву
На интенсификацию

и реорганизацию,

Склонивши головы, поджав хвосты,
Все убрались на прежние посты.

И преспокойно ждут, покуда ...

Пройдёт очередного Льва причуда.

Улитка, правда, всё ещё в пути,

Спешит за пятилетку доползти

До кабинета в Главк дорожный,

Спрямяя путь где только можно!

С дороги Льву отправила доклад,

Что меры приняты и виден результат!

Лисой останется Лиса
И Волк есть волк.
Надеяться на чудеса
Какой же толк?

Да, Льву бы надо, может быть,
Полнее власть употребить.

*Д. Таскино Каратузского района,
20 марта 1986 г.*

В.А. Головин. **Лиса**. 1996 г., холст, масло, 18×18 см

МАМИНА СКАЗКА

Сестренки-двойняшки, Вера и Юля, каждый раз перед сном просили маму Наташу рассказать сказку.

– Из книжки или мою? – спрашивала мама.

Книжные сказки сестрёнки уже знали наизусть, потому дружно восклицали:

– Твою! Твою!

Вот одна из маминых сказок.

Как-то весенним, солнечным днем под большой елью рыжие лесные муравьи построили дом-муравейник. Прорыли в землю норки, а сверху нанесли небольшую кучку хвоинок, сухих палочек и травинок. С каждым годом росла муравьиная семья, разрастался и ее дом вверх и в стороны. В глубине муравейника проложены длинные коридоры, построены детские площадки, спальни, склады и кладовки для зимних запасов. Все бы хорошо, но глупые мальчишки часто разрушали муравейник, ради забавы ворошили его палкой. Муравьям помог бородатый лесник. Он огородил муравьиный дом жердями, а на изгороди прибил лист фанеры с надписью:

«Муравьи-защитники леса! Оберегайте их!»

Лесник не ошибся. Муравьи большие друзья и защитники леса. В лесах всегда много жучков, их личинок, гусениц, блошек и других насекомых, которые грызут листья, корни, древесину, от чего деревья болеют, высыхают и гибнут. Этих-то вредителей ловят и съедают муравьи, оберегая лес.

Муравьиная семья, что поселилась под разлапистой елью, очень дружна и трудолюбива. Только пригрело солнышко и наступило лето, муравьи взялись за работу. Одни выносили мусор, другие чинили жилище, третьи открывали двери и отдушины, наполняя после зимы помещение лесным душистым воздухом, четвертые отправились расчищать муравьиные тропы. Работа спорилась, потому что каждый знал свое дело, трудился в полную силу и непременно распевал любимую муравьиную песню:

Наша дружная семья
Крепнет год от году.
За любого муравья —
Мы в огонь и в воду.
Мирным заняты трудом
И воюем тоже,
Если муравьиный дом
Кто-то потревожит.
Во все стороны вокруг
Тропы муравьиные
Автострадами бегут
Длинные—предлинные.
Во владения свои
Тропами знакомыми
Убегают муравьи
В битву с насекомыми.
Гусениц и червяков,
Совок, листоедов
И вредителей жуков
В дом несут к обеду.
Пусть не знает никогда
Лени и безделья,
Братство дружбы и труда,

Песен и веселья.
Охраняет лес семья
Всё смелей и строже
Для лесного муравья
Лес всего дороже.

Особенно красиво и звонко пели молодые большеглазые муравьишки Века (на муравьином языке «голосистая») и Юка (что означает «певунья»), а главный начальник охраны муравьиного дома Усач поднимался на задние ноги и размахивал длинным усом в такт песни (второй ус он потерял в битве с муравьями – завоевателями). Усач, как самый сильный в муравьиной семье, возглавлял ополчение воинов, которое охраняло муравейник и совершало военные походы во время войн. Ополчение состояло из трёх отрядов, в каждом по сотне воинов. Во главу первой сотни назначен Усачом молодой тёмно-коричневый муравей Могучий. Второй сотней командовал Нюхач, обладавший особо тонким нюхом. Третьей сотней руководил Бегун, не имевший себе равных во всей муравьиной семье в скорости бега.

В.А. Головин. **Соболёк в лесу. На речке Коза.** 1986 г., бумага, карандаш, 13 × 20 см

Солнце перекатилось на вторую половину неба, муравьи заканчивали ремонт и очистку муравейника... Тут и случилась беда.

Огромный бурый медведь вылез из берлоги голодный и злой. Он протер лапой глаза, отряхнул шкуру от хвои и пыли и побрел к речке, чтобы поймать рыбу или хоть лягушонка на закуску. На его пути встретился муравейник под елью. Он изломал изгородь, разбросал жерди и когтистой лапой разворошил муравьиный дом. Тысячи защитников во главе с муравьями-воинами бросились в неравный бой со зверем. Они впивались клешнями медведю в нос, губы, веки глаз и впрыскивали в раны ядовито-жгучую слюну (муравьиную кислоту). Отчаянные храбрецы добрались до кожи косолапого сквозь густую шерсть. Свирепый зверь бил их лапами, горстями отправлял в пасть и жевал, морщась от кислоты, а смелые защитники бесстрашно нападали и нападали, не щадя себя. И хозяин леса не выдержал. С диким рёвом кинулся он прочь, выл, стонал и катался в траве, пролезал через густой кустарник, скрёб когтями себе спину, бока, брюхо, наконец, бултыхнулся в студёную речку и просидел в ней до ночи. И после долго ещё ныло его искусанное тело. С тех пор медведь сердито ворчал, завидев муравейник, и обходил его стороной.

Но как пострадали и муравьиная семья и их дом! Годами складывали они хвоинку к хвоинке, веточку к веточке, заботливо выращивали муравьёв-строителей, воинов и охотников. В пять минут косолапый бродяга разрушил полмуравейника и погубил треть семьи. Не теряя времени, муравьи начали строить жилище лучше прежнего, уносить личинок и раненых вглубь подвалов под наблюдение муравьих-нянек, хоронить погибших. Во все стороны разбежались группы на поиски родичей, разбросанных зверем по лесу.

Старейшая муравьица Атана (по-муравьиному «няня») приковыляла к Усачу и, вытирая слёзы, сказала:

– Великий воин Подъёлочного царства-государства, среди живых, раненых и убитых нет Веки и Юки!

Усач очень уважал Атану, любил Веку и Юку, но был сердит от того, что не уберег лучших молодых воинов – сотников Могучего и Нюхача. Он ответил Атане коротко:

– По всем нашим владениям идут поиски.

Старый воин Усач гордился своими помощниками, считал, что Могучий, набравшись опыта, заменит его и станет начальником воинства. И вот Бегун сбегал за три муравьиных версты* в том направлении, в каком умчался медведь, видел много родичей, что помятые и покалеченные бредут домой, но Могучего и Нюхача не встретил.

(* Муравьиная верста – десятая часть расстояния, которое может пробежать муравей за полдня.)

... Молодые «сотники» первыми бросились в бой, забрались зверю в левое ухо, где кожа тонкая, и её легче прокусить. Медведь несколько раз бил лапищей себе по уху, но отважные воины залезли глубоко и были в безопасности.

Когда косолапый великан убежал от муравейника, Могучий и Нюхач продолжали грызть ему барабанную перепонку. Медведь крутил головой, разодрал ухо до крови, но выцарапать их не смог, тогда и бросился в реку.

В.А. Головин. **Ручей в лесу.** 1997 г., холст, масло, 23×40 см

Могучий первым вылез из медвежьего уха и выплыл на гладь реки. Течение подхватило его, но он уцепился за склонённую камышину и выбрался на неё. Нюхач наглотался воды, прежде чем вынырнул на поверхность, и его, обессиленного, понесло течением. В это время из воды, как огромный поплавок, выплеснулась голова медведя, от неё во все стороны кругами пошли волны и выбросили Нюхача на широкий лист кувшинки. Могучий перегрыз камышину у самой воды, уронив её в сторону берега, и перебежал на лист к Нюхачу. Они поужинали мошками в сердцевине водяной лилии и, укрывшись под листом мать-и-мачехи, устроились ночевать.

Всю ночь шёл тихий летний дождь, и всю ночь какая-то рыбина выпрыгивала из воды, хватая ртом мошек и комаров, рядом с убежищем муравьёв-воинов. Их вполне могли съесть рыбы, когда они вылезли из медвежьего уха и купались в реке, но на их счастье медведь бултыханием, видимо, разогнал всех рыб вокруг. На рассвете с глухим ворчанием, встряхивая шкурой и подминая камыши, подался к берегу медведь. Воины плохо отдохнули. Но только выглянуло солнце, а ветерок разогнал тучи и подсушил травы, они двинулись на поиски родного муравейника, напевая боевую песню:

Никакой не страшен враг
Нашему народу.
Искусаем его так,
Что загоним в воду.
У медведя в этот раз
Мы прогрызли ухо.
Ухо левое сейчас
Совершенно глухо.
Не пугают нас в пути
Беды и тревоги.
Лучше бы врагу уйти
Загодя с дороги.

Конечно, в песне есть похвальба, чего муравьи не любят. Но хвалиться победой над медведем не стыдно. Тем более что Могучий и Нюхач на самом деле прогрызли барабанную перепонку хозяину леса, и он перестал слышать левым ухом, поэтому песней, что сама сложилась, воины остались довольны.

Отыскать родной муравейник очень непросто. Воины были в ухе обезумевшего зверя и не могли оставить заметок на пути, по которому мчался косолапый. Но они знали, что от их дома есть муравьиная тропа в сторону реки до самого болота, а от него до дома десять муравьиных вёрст. Значит, надо перейти болото и бежать лесом до тропы.

Воины направились туда, где утром взошло солнце и откуда несло запахом леса, а позади оставалась прохлада и сырость реки.

Вскоре встретилась им неширокая старица, поросшая по берегам осокой. Переплывать её воины не решились. Долго ли попасть на закуску рыбе или птице, да муравьи вообще не любят воду. Пришлось пойти в обход. Вдруг какой-то резкий незнакомый запах остановил воинов. Из-за кочки,

раздвинув осоку, выползла лупоглазая жаба и, распахнув широкий рот, прыгнула на смельчаков. Могучий и Нюхач едва успели увернуться. Жаба промахнулась, плюхнувшись брюхом на землю, тарашила немигающие глаза. Ей показалось, что она даже коснулась языком одной из этих коричневых козявок. Но в тот же миг воины вцепились клещами в рыхлое брюхо пучеглазой, прокусили кожу и впрыснули жгучую слюну. Жаба завертелась на месте, неуклюже пытаясь сбросить лапой неожиданных врагов.

– Бежим! – воскликнул Могучий.

Воины скрылись в осоке и продолжали путь. К полудню краем болотца они обогнули старицу, перебираясь с кочки на кочку по листьям осоки. Здесь кормилась утка с выводком пушистых утят, копаясь в ряске. Утёнок заметил муравьёв и поспешил к ним, быстро работая перепончатыми лапками.

В.А. Головин. **Тишина в лесу.** 1989 г., холст, масло, 31 × 42 см

Могучий и Нюхач спрятались под корнями травы, поёживаясь от неприятно холодной сырости. Утёнок долго высматривал круглым глазом спрятавшихся муравьишек, наклоняя голову то в одну, то в другую сторону и озадаченно попискивая:

– Чив-чив-чив? (Куда они делись?)

Между тем выводок отдалился, и утка-мать крикнула:

– Кря! (Не отставать!)

Переваливаясь с ноги на ногу, утёнок сошёл в воду и уплыл за матерью.

Воины подождали немного и двинулись дальше. Они очень обрадовались, выйдя в привычную лесную местность, а вскоре среди клубничника нашли и муравьиную тропу, но на ней обнаружили чужие запахи.

– Надо сойти с тропы, – сказал Могучий. – Она не принадлежит нашей семье.

Однако Нюхач не торопился. Он трогал усиками землю, травинки, бегал взад и вперёд и всё нюхал. Наконец сообщил сородичу:

– Тропа наша. На ней утром были Века и Юка. Но после прошло много красных карликов*, чтобы перебить запахи наших сестёр.

– Их украли! – сверкнул глазами Могучий и спросил: – Как ты узнал, что сёстры прошли утром?

– Ночью дождь смыл бы запахи, – ответил Нюхач.

– Догнать воров! – вскричал Могучий и запел:

След сестёр нашёл Нюхач
Далеко от дома.
Мчимся мы в погоню вскачь
По пути прямому.
Эту песню мы поём,
Потому что скоро
Веку с Юкой отобьём
И накажем вора.
Берегись же мелкота –
Муравьишки красные!
Называют не спроста
Вас «воришки грязные».

Молодые воины знали, что их матка состарилась и скоро умрёт, ей шёл уже двенадцатый год. Века или Юка должны заменить её, когда у них окрепнут крылья для брачного полёта. Ведь только матка откладывает яйца, из которых выводятся личинки и вырастают сначала муравьята, затем муравьи. Без матки не будет молодого поколения, и вся семья постепенно вымрет.

Могучий и Нюхач допели песню и помчались в погоню, ориентируясь по запаху красных муравьёв. Они будто летели по воздуху, так мелькали их ноги, что были совсем не видны. Возле трухлявого пня Нюхач вдруг остановился и предупредил:

– Чую запах красных карликов.

На Могучего и Нюхача, едва они остановились, напало с десятков злых карликов. Воины рыжего племени хватали их клешнями и перекусывали пополам. Через минуту враги были убиты или покалечены, но подоспело подкрепление с другой стороны, отрезав воинам путь к отступлению. Завязалась битва яростная и беспощадная.

(Красные муравьи мельче коричневых (рыжих), но они много злее. Однако и красные и коричневые иногда берут друг друга в плен и затем живут совместно. Обычно же враждуют.)*

Могучий стриг карликов, как ножницами. Вокруг него шевелилась куча ещё живых муравьиных половинок. Он отступал на ещё свободное от трупов место и снова работал челюстями, как машина. Два красных муравья изловчились и ухватили Могучего за ус. Они сразу были перекушены, но от боли воин Подъёлочной семьи пришёл в такое бешенство, что сам бросился в наступление, перекусывая врагов по два сразу. Увидев, что Нюхач, окружённый врагами, отбивается из последних сил, поспешил к нему на помощь. И вовремя. У Нюхача одна нога волочилась по земле, как неживая, и была повреждена вторая. Могучий разбросал краснотелых, посадил брата на стебель растения и продолжил битву один, не подпуская врагов к раненому Нюхачу. Силы Могучего слабели. Карликов осталось мало, и они, наконец, отступили, видимо, за новым подкреплением.

Могучий положил Нюхача себе на спину и в сумерки, отыскав тропу своей семьи, сделал привал. Дальше братья-воины двигались вместе и ночью приползли в родной муравейник.

Атана смазала раны Нюхача и Могучего заживляющим соком растений и приложила к ним листочки целебной травы. Весть об украденных молодых матках взбудоражила всю семью.

– В поход!

– Отобьем Веку и Юку!

– Накажем воров! – шумели разгневанные братья.

Усач выслушал рассказ Могучего, пошевелил длинным усом, сказал:

– Вам встретились разведчики семьи, укравшей Юку и Веку. Они уже предупредили своих, – он помолчал и добавил: – Пойдём большой силой. Я знаю короткий путь.

Сразу же построились в колонну в сто рядов, по восемь воинов в ряду, и двинулись вытянутым прямоугольником. Пока до противника было далеко, воины пели песню, под которую легче и слаженнее бежалось:

След сестёр нашёл Нюхач
Далеко от дому.
В битву нас ведёт Усач
По пути прямому.

Эту песню мы поём
Потому что скоро
Веку с Юкой отобьем
И накажем вора.

... Когда медведь разворотил муравьиный дом, Века с Юкой крепко уцепились за волосы на его брюхе и забрались в густую шерсть. Медведь ревел, бегал по лесу, катался в траве, потом вскочил, сильно потрянул шкурой, и сёстры упали на землю. Они расправили крылышки, но летать ещё не умели, и опечалились, не зная, что делать. Юка сильно ушиблась и почти не могла

двигаться, а медведь ревел где-то рядом, и сёстры спрятались под лопушок, притихли и уснули.

Проснулись они от странного запаха. Открыв глаза, сестры увидели, что их окружили чужие муравьи – мелкие, краснокожие с непривычным чужим запахом. Незнакомцы, похоже, не хотели вреда Голосистой и Певунье, но Юка заплакала и заявила:

– Хочу к няне, чтобы она меня накормила.

Её слёзы падали на тропинку и оставляли след, который позднее и обнаружил Нюхач. Незнакомцы изловили гусеницу, накормили пленниц, напоили сладким соком какого-то растения, затем из листочка смастерили носилки и усадили на них Веку и Юку. Несли сестер осторожно, с обеих сторон от листа по четыре муравья.

Муравейник незнакомцев возвышался около большой берёзы. На подходе к нему Веку и Юку встретила чужая семья с большим почётом. По обе стороны тропы рядами стояли, склонив головы, муравьи-воины, которые теперь показались сёстрам похожими на братьев Подъёлочной семьи, только мельче. Два седоусых муравья проводили Веку и Юку, как почётных гостей, вглубь муравейника в просторную комнату, подготовленную для них с особым старанием. Пол и стены комнаты выстланы белыми лепестками ромашек, слева от входа разложена еда и расставлены посудины с сиропом. Здесь же лежали спелые земляничины. А справа устроена постель из мягких пушинок.

Старая няня ласково, как Атана спросила:

– Дорогие гости, сначала покушаете или сразу отдохнете с дороги?

– Хотим отдохнуть, – ответила Века. – Мы уже ели.

Сёстры легли в постель и сразу же уснули. Юка только успела сказать, засыпая:

– Как хорошо!

Подъёлочное и Подберёзовое семейства были дальними соседями, но первое росло и крепло, второе угасало. В Подберёзовом семействе три года назад матка неожиданно погибла, не оставив наследницы. Найдя в лесу беспомощных сестер, старейшины обрадовались, надеясь одну оставить себе, хотя знали, что соседи придут войной. Желая знать намерения коричневых великанов, по всем тропам разослали разведчиков. Группа, встретившая Могучего и Нюхача, прибежала в муравейник и сообщила совету старейшин:

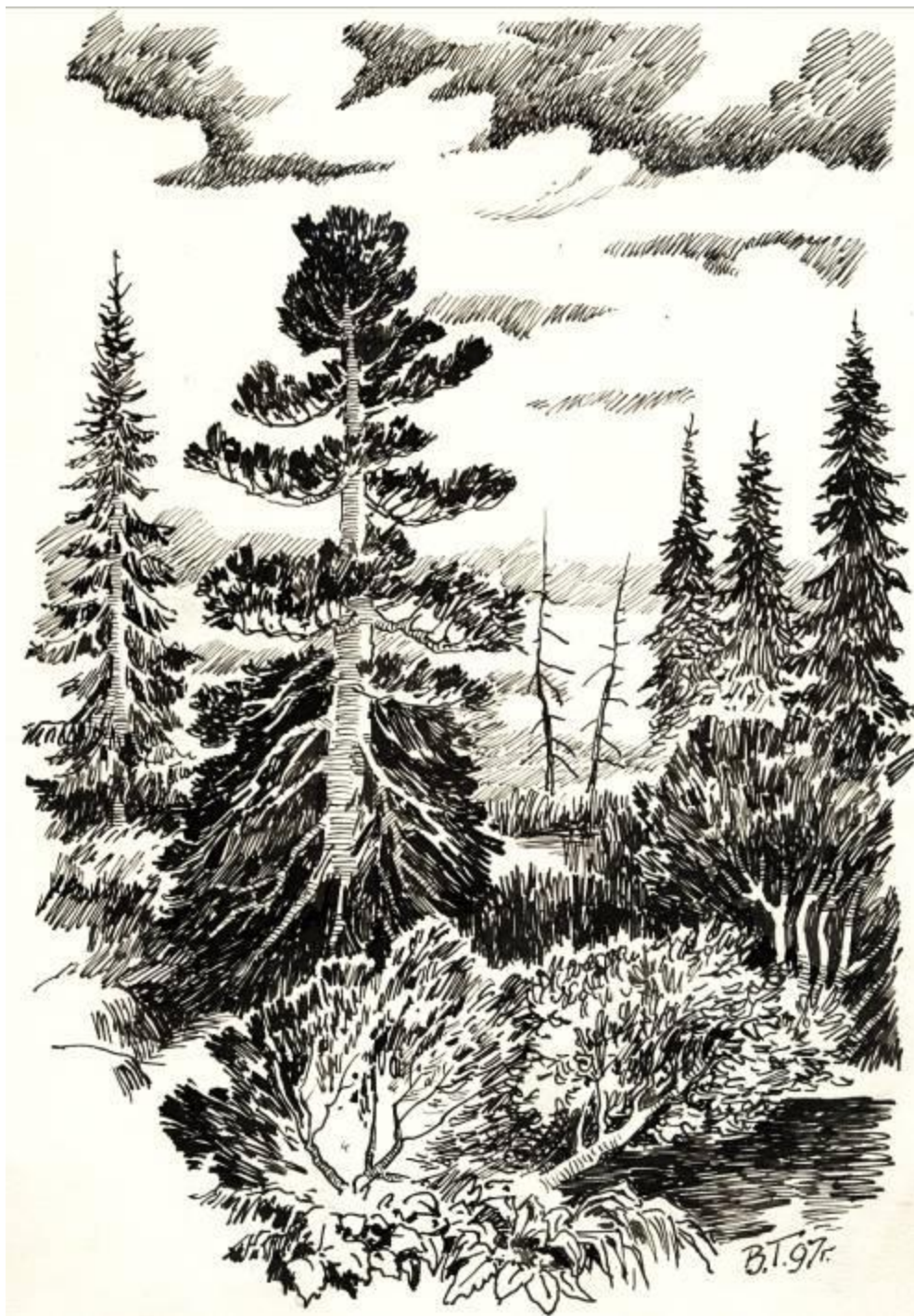
– Воины Подъёлочного государства нашли следы своих сестёр. В середине дня напали на нас в страшном гневе.

А ночью гонцы известили старейшин:

– Огромное войско Подъёлочного государства на подходе к земляничной поляне.

Процветающую семью соседей здесь уважительно называли государством, и воевать с ними не хотели. Старейшины давно стремились заполучить матку из коричневого государства, чтобы вырастить крепкое, сильное потом-

ство и, воспользовавшись случаем, решили вступить в мирные переговоры с соседями.

В.А. Головин. **Тайга.** Бумага, тушь, перо, 17 × 26 см

Делегация старейшин, держа в клешнях по светлячку, вышла навстречу войску. Освещение дороги неприятелю означало, по муравьиным законам, что делегация идёт не для войны, а для переговоров о мире.

По команде Усача его воины окружили старейшин.

– Вы украли наших сестёр! – сердито выкрикнул Усач.

Вперёд вышел совсем седой муравей, которого звали в Подберёзовой семье Мудрейшим, и ответил:

– Великий воин Подъёлочного государства, верь моим сединам... мы не украли их, а нашли в лесу голодных, уставших и без охраны.

– Где они? – спокойнее спросил Усач.

– Накормлены и отдыхают в нашем доме, – ответил Мудрейший. – Соседи могут унести их в своё государство, но они утомлены и сейчас спят. Да и твоим воинам нужен отдых перед обратной дорогой. Мы ждали вас и приготовили ужин для всех. Не суди строго наших разведчиков, что ввязались в драку с вашими воинами. Молодёжь, как известно, задириста, но ей не хватает мудрости и выдержки.

Усач приблизился к Мудрейшему, потрогал его усом, сказал:

– Хочу увидеть сестёр.

Усача и Могучего проводил Мудрейший в комнату, где на постельке из пуха спокойно спали Века и Юка.

После ужина воины Подъёлочного семейства расположились отдыхать на земляничной поляне вблизи муравейника соседей. А Усач и Мудрейший, отойдя в сторону, тихо беседовали.

– Наша семья не имеет Матки, – осторожно начал Мудрейший. Он помолчал и продолжил: – Ваши сёстры скоро станут взрослыми, и одна из них должна будет покинуть родной дом.

– Почему? – удивился Усач.

– Я старше тебя и знаю, что две матки в одной семье не живут. У нас было две матки, они часто ссорились, но ни одна не хотела уходить. Как-то ночью старшая матка загрызла молодую и сама погибла от укусов молодой.

Мудрейший замолчал, склонив голову, казалось, что он задремал, и вдруг сказал с дрожью в голосе:

– Оставьте одну сестру нам. Не дайте погибнуть нашей семье.

Усач долго думал, прежде чем дать ответ:

– Нашей сестре будет хорошо там, где есть такие мудрые старцы...

Войско Подъёлочной семьи построилось, готовое в обратный путь. Усач и Могучий вошли в комнату и велели няне разбудить Веку и Юку. Века сразу проснулась, радостно распахнула большие глаза, узнав своих воинов. А Юка повернулась на другой бок и капризно проворчала:

– Я спать хочу... Мне тут хорошо.

Так и осталась она в Подберёзовом муравейнике.

Прошло много лет, и теперь в том лесу образовалось настоящее Приреченское государство рыжих муравьев. В нем восемь семей, две из них крупные: Подъёлочное и Подберёзовое, где матками были Века (Голосистая) и Юка (Певунья), и шесть молодых семей, где матками стали их дочери. Все восемь семей в государстве живут дружно, помогают друг другу и добросо-

вестно оберегают родной лес от вредителей. В лесу стало меньше червивых деревьев и грибов: червяков истребляли неутомимые муравьи. Им помогали дятлы, синицы, поползни и другие птицы. И деревья укрывали и укрывают своих защитников в непогоду и весело шумят листвой с весны до глубокой осени.

*Тюмень – Красноярск:
ноябрь – декабрь 1991 г.;
август – сентябрь 1995 г.*

В.А. Головин. **Белочка.** 1994 г., холст, масло, 18×18 см

Артёмов Михаил Егорович,

кандидат технических наук, профессор

Работает на кафедре «Эксплуатация и ремонт машинно-тракторного парка». Родился 12 декабря 1930 г. в с. Таловка Большемуртинского района Красноярского края. Окончил факультет механизации Красноярского сельскохозяйственного института в 1961 г., аспирантуру в 1969 г. в ЧИМЭСХ (г. Челябинск). Работал с 1943 года на разных работах. С 1950 по 1953 год служил в группе советских оккупационных войск в ГДР. После демобилизации работал и учился в школе рабочей молодёжи. В 1954 г. окончил семь классов, поступил в Пензенский сельхозтехникум, но окончив первый курс на повышенную стипендию, вынужден был вернуться к родителям. Стал работать электромехаником в Таштыпском леспромхозе и самостоятельно готовиться к экзаменам. В 1956 году в Больше-Арбатской средней школе, с разрешения отдела районного народного образования, сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости. В этом же году сдал экзамены в Красноярский сельскохозяйственный институт на факультет механизации сельского хозяйства, который окончил в 1961 г. и стал работать главным инженером Зыковского совхоза Берёзовского района Красноярского края. В 1963 г. перешёл на работу в Сибирский филиал Государственного научно-исследовательского технологического института (ГОСНИТИ). С 1964 по 1967 г. работал заведующим группой, с 1968 по 1978 г. – заведующим головной лабораторией Сибирского филиала ГОСНИТИ по ремонту зерноуборочных и силосоуборочных комбайнов. В 1969 г. защитил диссертацию на соискание ученой сте-

пени кандидата технических наук. В 1972 г. присвоено звание старшего научного сотрудника. С 1979 по 1992 г. – заведующий кафедрой эксплуатации машинно-тракторного парка Красноярского государственного аграрного университета (избран по конкурсу). С 1993 г. – профессор этой кафедры. В 1984 году присвоено учёное звание доцента. В 1992 году присвоено учёное звание профессора.

Основное научное направление – технология ремонта и эксплуатации зерноуборочных и силосоуборочных комбайнов. Опубликовано 146 работ (из них 110 – научно-производственного и 36 – учебно-методического содержания, в том числе семь книг, три учебно-методических пособия и десять брошюр).

Изобретатель СССР, имеет патент и шесть авторских свидетельств на изобретения. Награжден медалью «Ветеран труда» и памятной медалью «50 лет начала освоения целинных земель».

Пролетели года мои юные
Не вернуть их зови, не зови:
Вспоминаю тусовки я шумные
И волнения первой любви.

Дорожил я своею свободой:
Настоящей любви избегал,
Поклонялся я Вакху с охотой
И всё лучшее в жизни терял.

Растерял свои чувства по свету
Без любви, сожалений и слёз
И, в тоскующем сердце поэта,
Не осталось волнующих грёз.

Не осталось в нём места для ласки,
Для ребяческих звонких утех,
Принимаю я факты за сказки
И не верю в свой искренний смех.

Октябрь 1960 г.

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, РУСЬ!

Я люблю тебя, Русь, не скрываю
И с годами, сильнее люблю.
Я тебе этот стих посвящаю,
Как могу, свою песню пою.

Я люблю твои горные цепи
С вереницею снежных вершин
И цветущие, русские степи,
И бескрайние дали равнин.

Я люблю твои бурные реки
И спокойные глади озёр,
И скалистые дивные береги,
И в тумане рыбацкий костёр.

Я люблю твои рощи густые,
Звонкий говор весной ручейка,
И столетние кедры седые,
И запутанный след русака.

Я люблю твои песни, родная,
Бесшабашная, странная Русь,
В них отвага и дружба святая,
В них веселье, и радость, и грусть.

Я люблю, что ты в трудные годы
Вся от края до края встаёшь,
Побеждаешь врагов и невзгоды,
И своею дорогой идёшь.

Я люблю твой язык величавый,
Разудалая, милая Русь,
И горжусь твоей силой и славой,
И что русский я – тоже горжусь!

Сентябрь 1964 г.

БЕЛОЧКА

У скалы «Голубки»,
Под кедром могучим,
Падают скорлупки,
Словно дождь из тучи.

Ясно – белка это,
Шишки разгрызает
И орешки летом
В зиму запасает.
Видимо у белки
Где-то здесь домишко ...
Вдруг качнулись ветки
И упала шишка!
Вот она, плутовка,
С хвостиком пушистым
По деревьям ловко
Прыгает ветвистым.
С брюшком бело-чистым,
В шубке рыжей летом,
Мягкой, золотистой,
Белочка одета.
Точно две бусинки
Глазки у зверушки,
Кисточки – ворсинки
Покрывают ушки.
Коготки на лапках,
Острые иголки,
И легко, как в тапках,
Прыгает на ёлки.
Не всегда по веткам,
И по травке тоже,
Очень быстро белка
Также бегать может.
К речке, что струится
С кручи песней звонкой,
Подбежит напиться
Белка горной тропкой.
Корешок ли сладкий
Откопать стремится
Иль поест, с оглядкой,
Нежной голубицы.
Любит и малину,
Красную бруснику,
Горькую рябину,
Клюкву и чернику,
А найдёт грибочек,
Рыжая плутовка,
На сухой сучочек
Вмиг пристроит ловко.

Высохнет гриб летом,
А зимой холодной,
Будет он обедом
Белочке голодной.

15 июня 1965 г.

ЗАЙЧАТА

В травке, под сосною,
Толстая, как купчиха,
Родила весною
Зайчиков зайчиха.
 Серенькие заяньки,
 Словно колобочки,
 Пухленькие, маленькие
 Два сынка, три дочки.

Любит зайка-мама
Маленьких зайчишек:
Лижет, нежит прямо,
Словно мать детишек.
 Накормила деток
 Молоком пахучим,
 Свежей травки, веток
 Натаскала кучу,

А как солнце только
За гору упало,
Зайка-мать тихонько
От зайчат сбежала.
 Только раз лишь кормит
 Зайчиков зайчиха,
 А потом уходит
 Навсегда трусиха.

Светлы в мае ночи,
Но кружит упрямо,
Сыч и страшно очень
Зайчикам без мамы.
 А как солнце только
 Осветило травку,
 Зайчики тихонько
 Вышли на полянку.

Сели на опушке,
Вымыли носишки,
Долго тёрли ушки
Лапками зайчишки.

Шёрстку прилизали,
Чтобы стала чистой,
Травки пощипали
Мягкой и душистой.

А потом, как дети,
Прыгать, бегать стали,
На полянке этой
Даже чуть устали.

Вдруг большая птица,
Распластавши крылья,
С неба к зайкам мчится,
Словно эскадрилья.

Бросились к лесочку
Зайки без оглядки,
Кто под куст, под кочку
Лишь мелькают лапки.

А один, он братом
После всех родился,
Словно маскхалатом,
Лопухом прикрылся.

Маленький хвостик,
Длинненькие ушки,
Весь дрожит, трусишка,
С лапок до макушки.

Просидел до ночи,
Никого не видно,
Есть уж очень хочет,
Страшно и обидно:

Зайка-мать сбежала,
А сестриц и брата
Птица распугала –
Спрятались куда-то.

Посидел немножко,
Огляделся зорко,
По лесной дорожке
Припустил под горку.

Поскакал, побегал,
Утомился малость,
Травкой пообедал
И прошла усталость.

Но уж на востоке,
Как флаги алея,
Свет кидала зорька
По лесным аллеям,

Засвистел щёлкàя,
Соловейка трелью,
Всюду рассыпая
Радость и веселье!

1 июня 1966 г.

ПРОСТИ, МАМ!

Родная, хорошая мама моя,
Старушка моя золотая,
Взрослея, сильнее дорожу тобой я,
И лучше тебя понимаю.

Ты в детские годы водилась со мной,
И зыбку ночами качала,
И дома всегда сохраняла покой,
Сама же покоя не знала.

Я рос средь таких же, как я, сорванцов:
Работать в двенадцать лет стали,
На фронт призывала отчизна отцов,
И жизнь мы без них познавали.

Я в юные годы, казалось, всё знал,
Не слушал порой тебя, мама,
Заветы из Библии я нарушал,
Не жил по законам Корана.

За это жестоко жизнь била меня:
Крушила, ломала, сжигала,
Ты, ангел-хранитель, меня из огня,
Сама, обжигаясь, спасала.

И лучшие годы из жизни своей
С любовью ты мне посвятила,
А горечь обид и бессонных ночей
Безропотно в сердце хранила.

Я, мам, пред тобой в неоплатном долгу:
За детство, семейную радость,
За всё... я, родная, тебе сберегу
Спокойную, лёгкую старость.

Хороших, красивых и добрых людей,
Конечно, встречал я не мало,
Но в мире нет лучше, красивей, добрей,
Чем милая, родная мама.

Прости, мам, за всё, чем тебя огорчил
В мою беспокойную юность,
Тогда я не знал, не умел, не ценил
Твою материнскую мудрость.

9 ноября 1966 г.

*Поздравление
Беспалову В.Ф. по случаю
защиты диссертации.*

О сколь труда вложил ты в книжку эту!
Немного похудел, немного поседел ...
Пять ровно лет кружил ты над планетой
И вот в Иркутске кандидатом сел!

Желаю тебе вновь отправиться в полёт
И вновь испытывать и радости, и муки,
Чтоб, лет так через семь, встречал тебя народ
Пусть лысого, но доктором науки!

Ноябрь 1968 г.

ДВЕ СТРОЧКИ ИЗ ПУШКИНА А.С.

«Я помню чудное мгновенье»:
Тебя увидел первый раз,
Стоял я за тобой в смятении,
Где продавали хлебный квас.

Я много раз стоял за квасом
Подолгу жаждою томим,
И только этим, этим разом
Его я с наслаждением пил.

Я вспомнил годы молодые
И юность бурную свою –
Теперь, не только уж родные,
Я сам себя не узнаю.

Во мне проснулись чувства вновь,
И возвратилось вдохновение,
Я понял, то была любовь,
«Как мимолётное виденье».

10.07.1969 г.

ЛЮБЭ

Любэ, любовь! От сотворенья мира
Приносишь людям радость и печаль,
Тебе поэты посвящают лиру,
Ты манишь юность в розовую даль.

Приходишь ты нежданно, нежданно
И все покорны возрасты тебе,
Ты для одних, как майский день, прекрасна,
А для других – злодейка в их судьбе.

На землю ты ниспослана нам небом
И будешь вечно жить среди людей,
И будешь вечно озаряться Фебом,
Готовить свадьбы будет Гименей.

А если же на чудном, белом свете
Бог за грехи потоп обрушит вновь,
И если всё погибнет на планете,
То Бог вернёт на небеса любовь!

05 мая 1982 г.

Поздравление Фёдорову А.С. по случаю защиты диссертации

Свершилось – Толя защитил!
Пятнадцать лет «варил» науку!
Уж Ульман тему позабыл,
Да и на нас навеял скуку!

А если б десять лет назад
Не выступал бы как агрессор,
Давно бы был уж кандидат,
А может даже и профессор!

Гордыню малость обуздал,
Завёл с Ионой шуры-муры ...
И лучшим аспирантом стал,
Кинув к ногам медвежью шкуру.

И вот пред нами пионер:
По срокам есть такой едва ли,
А у Ионы, например,
Он. Только, защитился в филиале ...

Я б долго мог вам дифирамбы петь
Про многие его таланты,
Но надо ваши уши пожалеть
Да мы уже порядком пьяны.

Давайте шёпотом поздравим мы его,
Варёный огурец * возьмём из сумки
И, перестроившись, откусим от него,
За трезвость, выпив по пол-рюмки!

Хочу тебе я, Толя, пожелать:
Клепай, точи, вари и впредь науку,
Чтоб года через два доцентом стать,
А через семь – пожать твою
профессорскую руку!

** – варёный огурец – это
чтобы не хрустел, а то соседи
перестроившиеся услышат.*

27.12.1987 г.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ЮБИЛЯРУ

Идут часы, бегут недели,
А месяцы, года – уже летят.
Мы, вроде оглянуться не успели:
Сегодня Фёдорову Толе – пятьдесят!

Пускай вершиной будет эта дата:
К подножию спускайся не спеша,
Пусть в жилах кровь кипит,
как в юности когда-то,
И остаётся молодой душа!

07.02.1989 г.

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Мы встретились случайно на привале,
Он подошёл погреться у огня,
Я отдыхала там с подружкой Валею,
И он сел рядом около меня.

Мы познакомились, шутили и смеялись,
Потом Макс проводил меня домой,
А у калитки долго расставались...
Я так в него влюбилась, боже мой!

Макс также был ко мне не равнодушен,
И мы решили, вверившись судьбе,
Соединить навечно наши души,
«Люблю, люблю» – внушала я себе.

Макс клялся мне в своей любви до гроба,
Когда повёл меня он под венец,
Как счастливы тогда мы были оба,
Что встретили друг друга наконец.

А через год родился сын Андрюшка,
Всё хорошо, жизнь радовала нас,
Пока подруга юности Вальюшка
На мужа моего не «положила глаз».

Муж загулял, а я слегла в больницу,
С трудом смогла измену пережить,
А Макс уехал с Валькой за границу
Любовью наслаждаться и кутить.

Шли годы, моя молодость старела,
Возврата мужа я уж не ждала,
Второй раз замуж выйти не посмела,
И всю любовь я сыну отдала.

Мы скромно жили на мою зарплату,
Андрей заканчивал уже десятый класс,
Была весна, цвели сады – тогда-то,
Муж почему-то вспомнил вдруг о нас.

Он позвонил и замер у порога,
И опустил смущённый в землю взгляд:
«Прости меня! Простите, ради бога,
Я перед вами очень виноват.

Прости меня за то, что и в разлуке
Я сохранил к тебе свою любовь,
За то, что и тебе, и сыну муки
Я, появившись, причиняю вновь.

Поверь! Тебе я верным буду мужем,
Андрею стану другом и отцом.
Клянусь! Никто, кроме тебя не нужен,
Попутал бес, что был я подлецом».

Я плакала, а Макс опять мне клялся,
Мелькали кадры жизни, как в кино:
И тот привал, где он мне повстречался,
И как в Крыму ходили в казино,

Как изменил он мне с моей подружкой,
Как трудно в жизни мне тогда пришлось,
Когда остались мы вдвоём с Андрюшкой,
Всё, всё, что пережить нам довелось.

И всё же я в своей душе искала
Хоть что-нибудь, что сблизило б нас вновь,
Но сердце разум слушать снова стало
Не верило ни в дружбу, ни в любовь.

Конечно, время залечило рану,
Но в сердце шрам тревожит иногда,
Я не смогла простить ему обмана,
И с Максом я рассталась навсегда.

21 мая 1989 г.

ИСПОЛНИЛОСЬ МЕХФАКУ 50!

Хочу историю мехфака рассказать
Преподавателям, студентам института,
С чего бы лучше мне её начать?
Ведь дорога нам каждая минута.

Начну с «ab ovo», то есть с яйца,
С «начала» в переводе по латыни,
Не выделяя ничьего лица,
Стихи мехфаку посвящаю ныне.

В пятьдесят третьем памятном году,
Когда страна о Сталине грустила,
Ещё народ оплакивал беду,
Но время и тогда свой бег не изменило.

С заданьем Черемисинов явился к нам
И начал строить вуз и в радости, и в муке,
Чтобы к сибирским дивным берегам
Приблизить сразу все сельхознауки.

Пред ректором лежала «целина»
Огромный труд поднять её составил,
Но к нам пришла на помощь вся страна,
Ипатов вскоре институт возглавил.

Объявлен был приём на первый курс
И съехались со всех районов края:
И русский, и хакас, якут и белорус,
И украинец, и киргиз с Алтая.

Чужой был весь аудиторный фонд,
Без базы, кадров, опыта в работе,
Но выстояли этот трудный фронт ...
Шли годы в радости побед, в труде, в заботе.

И грянул выпуск в пятьдесят восьмом!
Разъехались в хозяйства инженеры,
Покинули студенческий свой дом
Полны надежд, энергии и веры!

Потом уже был выпуск каждый год,
В деревни инженеры направлялись,
И шёл, как в трудный бой, за взводом взвод —
На них хозяйства в основном держались.

И вот исполнилось мехфаку пятьдесят,
Мгновение в истории России,
Но тысячи сибиряков ребят
Свою путёвку в жизнь здесь получили.

Есть председатели среди наших ребят,
Директора, политики, таксисты,
Охранники, спортсменов целый ряд,
И есть почти народные артисты.

Есть академики среди выпускников,
Есть доктора, профессора, доценты,
Есть, правда, и немного дураков,
Но это, право, сотые процента.

Деканов всех собрать бы в этот зал:
Волчкова, Золотухина, Столбова, Кулакова,
И Селиванова, и Паркаля (Антонов подсказал)
Ещё Кондратьева и Катцина, Андрея Вишнякова.
В свой выпуск с ними бы вернуться на часок,
Забыть на миг заботы и невзгоды,
Пусть даже хоть через дверной глазок
Увидеть бы свои студенческие годы.

Был первый выпуск в пятьдесят восьмом,
Сегодня сорок пятый отмечаем
Всё чаще достаём студенческий альбом,
И фотографии с тоской перебираем.

Летят года, студенты первых лет
Уже восьмой десяток разменяли,
Среди выпускников уж многих нет,
А сколько педагогов потеряли?

Нет Головки и Мурина средь нас,
Синиборова, Мулла, Стегачёва,
Вернигоры и Пазыча внезапно пробил час,
Нет Пустоварова, нет Елисейкина
и добряка Волчкова.

А жизнь течёт, идут на смену нам
Преподаватели умнее и моложе,
Подключат они всё к компьютерам,
Их требования к знанию будут строже.

И может корпус, ныне институт,
На Ветлужанке всё-таки получит,
А ветхий наш, в студенческом приют,
В аренду «новым русским» сдать до кучи.

Хочу, чтоб лет так через пятьдесят,
Когда наш ИМСХ международным станет,
Пусть молодость оглянется назад
И поимённо стариков помянет.

30 марта 2003 г.

ОДИНОЧЕСТВО

О чём ты, старушка, вздыхаешь,
О чём твоё сердце грустит,
Иль детство своё вспоминаешь,
Иль старость тебя тяготит?
 О чём ты с глубокою думой
 Подолгу сидишь у окна
 И часто бываешь угрюмой,
 И шепчешь чего-то сама?
Иль вспомнилось юности время,
Пора безмятежных затей,
Любви и раскаяний бремя,
И горьких, и радостных дней?
 Иль сына ты ждёшь, поджидаешь
 И целые дни напролёт
 Сквозь окна глаза напрягаешь,
 Гадая, придёт – не придёт?
У сына другие заботы:
Совсем молодая жена,
Весь день отнимает работа,
А всё остальное – она.
 Театры, друзья, рестораны,
 Берёт сын от жизни сполна,
 Нет времени только для мамы
 Живёт и тоскует одна.
В детсадик и в школу водила,
Трудилась, вставая чуть свет,
Сыночка растила, учила
Надежду на старости лет.
 Сынку сообщила подружка,
 Что маму его третий день
 Не видел никто у окошка,
 Не дай Бог, случилось что с ней.
В машине шикарной и новой
Тревожным примчался сынок,
Пришёл лейтенант-участковый
И вскрыли нехитрый замок.
 Склонилась седая головка
 На стол, на бумажный листок,
 Письмо, в нём подчёркнута строчка:
 «Я жду тебя, милый сынок».
Сын бросился к матери, обнял
И пал на колени у ног
И, видно, сейчас только понял,
Что стал он теперь одинок.

С тобой, мам, я редко встречался,
Всегда у меня много дел,
Давно я с женой собирался
Приехать, но жаль не успел.
Прости меня, мама, долг сына
Вернуть в полной мере не смог ...
И грустно смотрелась картина,
Как плакал богатый сынок.
Вам кажется, дети, порою,
Что молодость вечна у вас,
А старость вдали, за горою,
Она так далёко сейчас.
Но старость никто не минует,
И молодость помнить должна:
Родителей коль позабудет,
Страдать будет в жизни сама.

Март 2011 г.

И опять я в больничной палате
Изучаю: соседей, режим,
Персонал и удобство кровати,
И возможности смыться к своим.

01.10.2011 г.

ВСЕМУ СВОЁ ВРЕМЯ

**Автобиография Артёмова
Михаила Егоровича в стихах**

Смотрю на жизнь свою с 80-ти лет,
Настало время подводить итоги.
Какой оставлю на земле я след?
Какие я прошёл пути-дороги?

Родился в 1930-м, в декабре,
В селе Таловка Большемуртинского района.
Колхозы только чуть алели на заре,
Зажиточный мужик уже стал вне закона.

И нас кулачить тоже вздумали тогда.
Отец в то время был силен и молод,

Пахать, сеять, косить он бросил навсегда,
Забрал семью и переехал в город.

Из Красноярска он направился с дружкой
На северные золотые прииски.
Из Енисейска долго шли они пешком,
Остановились в прииске Гавриловский.

В 36-м от папы весточка пришла.
Поехали к нему мы с мамой на двуколке:
Тетёрка, помню, с выводком дорогу перешла,
И видели медведя на пригорке...

И всё же мы до прииска добрались,
Кругом почти не тронута природа:
И ягод, и грибов, и дичи – завались,
Но было много ссыльного народа.

Увлёкся я охотой и рыбалкой:
Любил красу лесов и говор горных рек,
В 12 лет с ружьём, с любимой лайкой,
Ходил один в тайгу, как взрослый человек.

В июне, в 41-м началась война,
И вскоре папу в армию призывали,
А иждивенцам (лишь столь могла страна)
Хлебный паёк по 200 граммов дали.

Рабочие 800 грамм получали
И, чтоб такую норму хлеба получать,
Я бросил шестой класс в самом начале –
В 12 лет стал сапоги тачать.

В 13 лет возил навоз в совхозе,
В 14 пилил дрова в тайге,
Со стариками груз возил в обозе
И золото я промывал в лотке.

Подрос работал бондарем, шофёром,
В Алма-Ате крутил баранку на ЗИС-5,
В Самаре был кондуктором-стажёром,
Большие поезда учился составлять.

В пятидесятом в армию призывали,

Я в ГДР три с лишним года прослужил,
Ещё дома в развалинах лежали,
С солдатами в них шнапс немецкий пил.

Пришёл из армии, работал и учился:
В Кургане вечером окончил седьмой класс,
Год в техникуме в Пензе проучился,
Экстерном в Арбатах сдал за 10-й класс.

А в 56-м приехал в Красный Яр
И стал студентом сельхозинститута,
Конечно, это для меня был божий дар –
С дипломом инженера вышел я оттуда.

Три года честно отдал сельской ниве:
Пахал и боронил, и сеял, и косил,
И поле зерновых ещё красивей,
Чем рожь у Левитана, я растил.

С трудом уволился и поступил в ГОСНИТИ:
Исследовал, трудился и писал ...
И день, и ночь тянул науки нити,
И в 39 лет я кандидатом стал.

Шестнадцать лет работал в филиале,
Союз родной изъездил вдоль и поперёк,
Жил в люксах и кемарил на вокзале
И больше уже выдержать не мог.

Устал от этих я командировок,
Обрыдло так мне унижаться за ночлег,
И это всё, без прочих оговорок,
Решило из ГОСНИТИ мой побег.

Скрывая от дирекции ГОСНИТИ,
Прошёл по конкурсу завкафедрой в сельхоз.
Уж вы меня, госнитивцы, простите,
Что я покинул дружный ваш «колхоз».

Теперь учу студентов на мехфаке
Порядочно – уж тридцать с лишним лет.
Профессора присвоили мне в ВАКе,
На кафедре был маленький банкет.

Смотрю, как прожил эти 80 лет:
Сколь помню я себя, трудился и учился,
Крестьяне были мой родной отец и дед,
Я, как они, всю жизнь с землёй возился.

Не знаю, сколь ещё отпустит мне творец
На этом свете дни, недели, годы ...
Хочу русской землёй укрыться, как отец,
И стать на родине частицею природы.

12.12.2011 г.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ С ПРАЗДНИКОМ 8-е МАРТА

Весенний праздник радостно встречают,
8-е марта наступает вновь,
Здоровья я вам, женщины, желаю,
И дружную семью, и светлую любовь!

Любовь к родителям, супругу, детям, внукам,
Тепло в доме – оно так нужно вам,
Чтоб не коснулась в жизни вас разлука,
И с другом в жизни всё делили пополам.

Чтоб обошла беда вас стороною,
А грусть лишь будет только о былом,
Пусть каждый день для вас будет весною,
Больших забот чтоб не было ни в чём.

И в ясный день, и в жёлтое ненастье,
Достаток и нужду, и радость и печаль
Встречать в кругу семьи – большое это счастье,
Тогда не будет вам и прожитых дней жаль.

Зарплату чтоб достойную давали,
В рублях России, также иногда,
И поощрять бы вас не забывали ...
И чтоб прекрасны были вы всегда!

Март 2012 г.

МОЙ ПОСЛЕДНИЙ СТИХ

Наше поколение понемногу
Покидает этот чудный свет,
Вот и мне в последнюю дорогу
Может скоро выпадет билет.
 Всё, что мог я, сделал в этом мире
 И теперь, без пользы для людей,
 Я в панельной мыкаюсь квартире
 И всё меньше близких и друзей.
Многие уже в земельном царстве
Обрели навечно свой покой,
Раз в году, в искусственном убранстве,
Дружно отмечают праздник свой.
 И, кто знает, что в загробном мире
 Ожидает каждого из нас:
 Встреча с Богом на его квартире,
 Иль в аду чертей услышим глас?
Может, будет просто, прозаично:
Зароют, крест поставят впопыхах,
Своё возьмёт природа, как обычно,
В сырой земле всё превращая в прах.
 Пусть будет так – одно прошу у Бога,
 Когда наступит срок покинуть свет,
 В последний путь, в последнюю дорогу,
 Чтоб только сразу получить билет.
Чтоб не томиться в долгом ожидании,
Друзей и близких, чтобы не томить,
Чтобы родным уменьшить состраданье –
Мне лучше не дожить, чем пережить.
 Но желанье оставляю в силе
 И хочу, чтоб внук мой начертал,
 На гранитном камне, на могиле,
 Мой последний стих, мой мадригал:
Всё что мог я сделал в этом мире,
Не всегда доволен был собой ...
Здесь в холодной, глиняной квартире
Я навечно свой обрёл покой.

2012 г.

***Дмитриев Владимир Ефимович,**
доктор сельскохозяйственных наук, профессор*

Родился и вырос в селе Назарово Красноярского края в апреле 1937 г. Детские, юношеские годы, как у большинства сверстников того времени, прошли в трудных условиях.

Школу окончил в 1956 г. Студенческие годы связаны с Красноярским сельскохозяйственным институтом, где получил высшее образование по специальности «учёный-агроном».

После окончания института работал агрономом в Назаровском, Крутоярском и Ададымском совхозах, а в 1966 г. был приглашён в науку. До 1986 г. работал заведующим Ачинским госсортучастком, заведующим отделом и заместителем директора по науке Боготольской сельскохозяйственной опытной станции. Учёба продолжалась заочно: в Красноярском педагогическом институте (окончил в 1967 г.), в аспирантуре самого известного НИИ-ИСХ ВИР им. академика Н.И. Вавилова. Защитил диссертацию на звание кандидата сельскохозяйственных наук (1979 г.).

Был приглашён на работу в Красноярский НИИСХ на должность заведующего лабораторией интенсивных технологий зерновых культур, а с 1989 г. на конкурсной основе перешёл на работу в Красноярский агроуниверситет. Здесь в 2002 г. стал доктором сельскохозяйственных наук и работал профессором этого престижного вуза России.

Стихи начал писать в школьные годы. В стихи старался вложить частичку своей души и сердца тем, кто меня окружал.

О СВОЕЙ ПОЭЗИИ

Моя поэзия – хрустальная вода –
Я камни сложностей миную.
И, видимо, не буду никогда.
Я вхож в поэзию большую.
 Что говорит мне голос изнутри? –
 На похвалы легко не поддавайся.
 – Иди по своему избранному пути.
 – Легко иди, не сомневайся.
Восточная пословица гласит:
Себя ты не хвали – не клёво,
Пусть кто-то шепотом проговорит,
Похвал восторженное слово.

16.12.2008 г.

РОМАНС

Мне так хотелось видеть Вас,
И слушать голос Ваш, богини,
И в тот вечерний краткий час
«Сердечки» видеть, а не вини.

Ловил я взгляд Ваш безразличный,
Он тенью Вашей был всего,
Но я, как старый ключ скрипичный,
Всю гамму чувств ловил его.

Давно я Вас теперь не вижу,
Но Ваша тень во мне жива.
Себя за робость ненавижу,
За то, что растерял слова.

Вы не ушли – во мне живете –
Я понял это много раз,
Когда в восторженном полете
Я тени вижу ваших глаз.

29.06.2008 г.

ЖИЗНЬ СЕЛЬСКАЯ (песня)

Шли путем мы путевым,
Не кривили душой.

Нам служили основой
Как тепло, так и зной.

Припев:

Вы опавшие листья,
Словно годы любви,
Сколь вам ветром не виться,
А придется ложиться
Покрывалом осенним земли.

Мы не яркими жили, но себя берегли,
Легкой жизни не знали
В недрах сельской земли:
Мы пахали и жали от зари до зари,
Нам бодрящие песни подарили дрозды.

Припев

Наши нивы желтели, это цвет золотой,
Мы трудились и пели, был веселый настрой.
Мы в свой праздник горели –
Хлеб убрал – веселись.
Нам весенние трели наиграл гармонист.

Припев

ПРИРОДА

Лес, опушка, как витрина,
На виду стоит рябина.
Гроздь – грудки красные,
Спелые да рясные.

А вот стоит маленая
Осинушка зеленая,
Вращает понемножку
Листики – ладошки.

Как гостям непрошенным
Ворчит трава нескошена:
Жесткая, шершавая,
Желтая, да ржавая.

Изменяется природа –
Что ни день – другая мода:
От весеннего цветка
До пустого погремка.

16.09.2007 г.

ТА, ЧТО ДВАЖДЫ ЕГО РОДИЛА

Этот дом, этот замок с оградой
Был построен 2 года назад.
Он живущим служил как наградой
За дела: «Что хотят, то творят».
 Через улицу дом престарелых –
 Одуванчиков ветхий очаг.
 Тех, что сдавшие слабых, не смелых
 Знать не знают и не хотят.
Так случилось, что в доме «досыта»
Сын богатый и с ним его знать,
А в приюте им прочно забыта
10 лет, как ютилася мать.
 Отдала всю себя и не знала,
 Где сынок её милый живет,
 Комнатушку свою променяла
 На скромнейший для жизни кивот.
Как-то в жизни случилось несчастье:
Две шикарных машины «сошлись»,
А в аварии сын – вот напасть.
Так бедою пути их нашлись.
 Сын, избитый железною силой,
 Он не мог никого узнавать,
 Но однажды с улыбкой умильной
 С тихим шелестом села с ним мать.
Называли врачи безнадежным,
И уже срок кончины вот-вот,
Но маманя молилась тревожно,
Словно рыба, открывшая рот.
 Она ноги и руки у сына
 Нежно трогала слабой рукой,
 И, почуявший ласку детина,
 Укреплялся разбитой душой.
Через месяц он стал подниматься,
И узнал в фее-женщине мать.
Стал он вскоре домой собираться,
Но а маме был срок умирать.
 Все родные ему отказали:
 Ждали вести его хоронить,
 Чуть живого его не признали,
 Стали кратче богатство делить.
На порог он явился неожиданно:
Охи, ахи фальшиво в ответ, –

Слава Богу, явился желанный,
Но пришедший все это отверг.
У могилки стоял одиноко,
Дума горькая в голову шла,
Как же жизнь обернулась жестоко
К той, что дважды его родила.
16.10.2007 г.

ПОСЛОВИЦЫ

Говорят, плати дороже,
Будет все тебе пригоже,
Что добротное берется,
То не колетса, не бьется.

Ты не смейся над грустящим,
Будешь, как и он, болящим;
И себя не урони
Как придут худые дни.

Дни хорошие не долги,
А плохие, словно «волки»,
Если дружно нападут,
Всё до косточки сожрут.

Алмаз на шее у собаки
Пропадет во время драки.
Ей, собаке, все равно:
Что добро, а что хламье.

В лес однажды попросился
И случайно заблудился,
То не грех, что заблудился,
Лишь бы только возвратился.

Алмаз в навозе не найдешь,
Лишь измажешь макинтош.
Жемчугов не наберешься,
Если внутрь заберешься.

Розы без шипов не розы,
Им всего страшней морозы.
Даже сладкий мед не мед,
Горечь если в нем живет.

Человек, как человек,
Нет вина и долог век,
Если много наберешь,
На земле не проживешь.

Без греха нет петуха,
Без греха и жизнь труха.
Человек живет потешный,
Если он совсем безгрешный.

Коль добра в тебе гора,
Поделиться им пора,
А попросят, не скупись,
Щедро ты добром делись.

Свежесть есть в счастливых днях,
Радость есть в любых делах.
Коль грустишь, быстрее стареешь,
И дел в успехе не имеешь.

Друг хороший, все равно
Будет радость и добро.
Подлость жметя в подлеце,
Как яд в испорченном яйце.

Если пьешь ты жадно водку,
Пользы лишь по щиколотку.
Скажешь позже вожаденно,
А беды-то по колено.

Коль твое лицо сияет,
Сердце чистое бывает,
А в нахмуренном лице
Сказ виднеет в подлеце.

Мне бы только без труда
Поиметь бы пуд ума,
А другому-то – ненастье, –
Лучше маленького счастья.

Коль неправду говоришь,
Ты как на гвоздях сидишь.
Если с правдой на душе,
Ты сидишь как на

Говорят и много раз:
Лоб зачем? Коль нету глаз.
А глаза как заимеешь,
Не заметишь – лоб приклеишь.
21.10.2007 г.

ГОРДИТЬСЯ БУДУ Я

Меня она пленила красотой,
Когда был бал в студенческой поре.
Любовь свою не смелую не скрою –
Она подобна утренней заре.
Она горит и ярко так сияет,
А до других мне просто дела нет, –
И пусть о том любовь моя не знает,
Однажды я открою ей секрет.
Все тайное всегда засветит явью,
И тайна не иголочка в стогу,
Я робость свою глупую оставлю,
И все тебе секреты расскажу.
И пусть сияет небо синевою,
Клокастых туч, что сели мне наверх.
Гордиться буду я тобой одною,
Что лучшим оказался среди всех.
16.09.2008 г.

БУКЕТИК МИМОЗ

(песня)

Когда распустили березы
Висячие серьги свои,

Дарил в день рожденья мимозы –
Любила ты эти цветы.

Припев:

Ах, мимозы вы, мимозы,
Среди цветиков нет вас скромней.
Вы бледнее, чем пышные розы,
Или нежный цветок орхидей.

Говорят, та любовь, что первее,
Крепче всякой бывает любви.
Той любви, что как роза смелее,
Заиграет в девичьей крови.

Припев

Тот букетик, он скромный собою,
Но весна, что с мимозой пришла,
Нас связала навеки судьбою,
Счастье ласточкой в дом принесла.

Припев

Только в марте тепло наступает,
Я куплю тебе золото грез.
То, что душу твою согревает
Этот желтый букетик мимоз.

19.09.2008 г.

СНЕЖНОЮ ЗИМОЙ

Снег белый пухлыми листьями
Лежит на кровле всех домов.
Он свесился кой-где краями
Так, что сорваться вниз готов.
Снег на поленнице из дров,
Сарае, стайке, птичьих гнездах.
Торчит комками из углов,
Лежит, красуясь, на березах.
Белым-бела моя земля, –
А летом урожай здесь рос.
Вдали раскинулись поля,
Как плоды белые из роз.
Стоит стеной сосновый бор,
И ели опустили лапки.
А бор нахохлился, как вор,
Чернеет из-под белой шапки.

24.09.2008 г.

РАКОВАЯ БОЛЬ РОССИИ

Как велика моя Россия, –
Не отказал ей Бог ни в чем,
Вот только жаль, её стихия
Ведет бессмысленным путем.

Поля, бескрайние поля,
И земли с жирным черноземом,
Но как используются зря,
Иль диким заросли содомом.

Деревня, где труда несметно,
Вдруг рушится – причина та,
Что раньше было так заветно,
Уходит глупо в никуда.

Мрет, запивается народ,
Кто стар, без сил и без надежды,
Ведут как прежде огород,
А больше закрывают вежды.

Не выгодно держать скота,
И хлеб, что с муками, в копейку,
Не окупает он труда,
Баранов нет, не сшить шубейку.

Растут красавцы-города,
Дома шикарно расписные,
А рядом боль живет села,
Как раковая боль России.

26.09.2008 г.

КОРМЧИЙ ХЛЕБНОГО ПОЛЯ

Порой с морями так сравнимы
Бывают хлебные поля,
Когда стоит неколебимо
Надежный кормчий у руля.

И те же люди, та ж земля,
И все, чем жито добывают.
Но крепкий кормчий у руля

С кем горя люди не хлебают.
Окрепнет умный спрос с народа,
Что твердая рука ведет.
И станет меньше недорода,
А родит хлеб и скот живет.

Как жаль, что этих кормчих мало:
Родится «хлябь», а не народ.
Пролезет в руководство рьяно
И к черту весь колхоз ведет.

Народу руководство надо:
Ему б побольше трудодней,
Да от правительства награда,
Да с мясом чтоб душистых щей.

А в клуб и стар и млад валит.
И все живут в надежде, в вере.
Гармонь разбитая визжит,
Но счастье в самой высшей мере.

Хоромы скучные стоят.
Где раньше были завалюшки,
В них те с деньжищами сидят
И дуют жирный кус из кружки.

Придет ли вновь кузнечный стук,
Что был в колхозе, как баллада.
И пахло хлебушком из рук,
Что дружно робила бригада.

Не нужен больше тяжкий гнет,
Свободен в деле хлебороб –
Он с новой техникой живет,
А красит труд все тот же сноп.

И бригадир ведет на диво,
Бессменный кормчий, командир.
Перед народом не чванливо
Прославит тех, кто впереди!

02.10.2008 г.

ЖАЛЕТЬ НЕ НАДО

«Жалеть не надо» – говорят,
но я противник этой фразы.
Такие вот слова вредят, –
Они страшной любой заразы.

Жалеть отца, что он погиб,
Собою Родину спасая.
А без него во мне загиб,
Бродил, все лучшее сменяя.

А сколько лиц родных ушло.
И как их можно не жалеть?
Как гениальное перо
Могло такое просмотреть?

Жалею все, что не достало,
Что так вредило на пути.
Нахальства было очень мало,
Чтоб выше к небесам пройти.

Как червь в навозе ковырялся,
И мог бы большее свершить.
И, если даже и пытался,
Меня старались осадить.

Жалеть не надо, лучше грубо
Всю жалость порубить на нет:
И вот такое нам сугубо
Твердит известный наш поэт.
23.11.2008 г.

О ЖИВОМ СЛОВЕ

Кого не трогала беда
И радость не прошла?
Ты сердцем только верь всегда
В хорошие дела.
Начну строчить, как пулемет,
Сплошные пули слов, –
Польется желтой струйкой мед
Среди «торосов льдов».

Высокой мысли нет конца,
Коль можешь, то достань,
Себе без золота венца
Над головой сваргань.
 Зачем? – Скажу тебе потом –
 Так уж устроен свет,
 Что точно будет за углом
 Блистательный секрет.
Давно бытует средь людей
Из слов пословиц рай.
Никто не знает труд-то чей?
А ты их собирай.
 Живое слово жить дает,
 Плохое, как шакал,
 Быть может, кто-нибудь прочтет
 Твоих стихов накал.
И легче станет на душе,
И отойдет беда,
А это значит, что и мне
Жить на земле всегда!

14.02.2008 г.

НАЧАЛО ПОСЕВА

Смердящий запах пашни снова
И испарения тепла:
Все говорит – земля готова
Принять во чреве семена.
 Дымит в натуге тракторочек,
 Ложатся в землю семена,
 Дай бог, богатый колосочек
 Как обещает нам весна.
Трудом нелегким хлеб возрастает:
Вся цепь труда, как цепь забот.
И тот, кто цену хлебу знает –
Тот даже крошку бережет.

21.02.2008 г.

ИЗ РАССКАЗА

КРЕСТЬЯНКИ ПЕЛАГЕИ

«Мамаша, в этом месте
Поставим мы своих коней». –
«Тут огород», – а мне хоть тресни –

Нам это дело поважней.
«Нет, не пущу, хоть расстреляйте»,
Он вынул кольт из кобуры;
«Ну, так давайте слабых бейте,
У белых время до поры».
Два выстрела, разбиты стекла,
Она встает из-за стены
И говорит: «Там морковь, свекла,
А чуть подальше огурцы.
«Детей хоть, изверг, пожалей,
Они еще совсем малы».
А офицер; «Ты слёз не лей,
Уж радуйся, что мы добры».
«Оставил сирот я немало
Ты Бога, слышь-ка помоли», –
А двадцать лошадей топтало,
Что посадить сюда смогли.
Уехал есаул свирепый.
«Ать – баба, а смелым-смелà,
А случай-то какой нелепый,
Коль воля ей и все б смела».
Наутро лошадей забрали,
Колчак их торопил в поход,
А овощи, что затоптали,
Пустить осталось как расход.
По новой грядке посадили –
Созреет сколько до поры,
А на стене следы торчали:
Зияли злобно две дыры.

22.04.2008 г.

ГОРЬКАЯ ЗАГАДКА

Она проводила его на фронт,
Поцеловав, оттолкнула,
Голову скрыл от дождя ей зонт,
А слезы ладонью смахнула.

Видеть хотела его подоле,
А слезы мешали ей,
Горькая ей оставалась доля, –
Растить придется его сыновей.

Старшему – десять уже годков,
Двое – погодки: шесть и семь.
Слух перекрыло тревогой гудков,
Пара и дыма густая смесь.

Долго все руку его искала,
Исчезла она с другим в окне,
Дома в подушку всю ночь рыдала,
Встала чумная уже на заре.

Спали детишки, щечки румяны,
Долго глядела она на них,
После схватилась за дело рьяно,
Стала готовить в школу двоих.

А шестилеток, легко одетый,
С ней побежал на дело в колхоз.
Он ведь теперь не такой малолеток,
Копны возить на коне подрос.

Письма приходят порой от отца,
Их всей деревней читают.
Гитлера бьют, как бьют подлеца,
Жаль вот – солдатские силы тают.

Сорок второй апрельский денек,
Старший проснулся рано,
Пряник нашел у подушки сынок,
В день ангела свой подарок.

А после школы в почтовой шкатулке
Увидел письмо – лежало на дне,
Ухнуло что-то в сердце гулко:
«Муж Ваш геройски погиб на войне».

Мама пришла. Они обступили,
Ласкают родную, печаль на лице,
Слезы у мамы тут появились
Пришла ей догадка сама по себе.

24.05.2008 г.

Романов Василий Николаевич,
профессор кафедры растениеводства КрасГАУ, доктор сельскохозяйственных наук, старший научный сотрудник, зав. лаб. севооборотов КНИИСХ

Родился 06.01.1948 г. в д. Сосновка Каратузского района Красноярского края. В 1966 г. окончил среднюю школу с. Знаменка Минусинского района. С 1967 по 1970 г. служил на подводной лодке.

В 1975 г. окончил агрономический факультет Красноярского сельскохозяйственного института. С 1975 г. работал младшим, а с 1976 г. старшим научным сотрудником. В 1984 г. окончил аспирантуру в АНИИЗИС, с 1987 г. заведующий лабораторией севооборотов Красноярского НИИСХ. В 1988 г. защитил кандидатскую, а в 2004 г. докторскую диссертации.

Основное направление работ – технология возделывания культур, научные основы сохранения плодородия почв, защита их от эрозии, повышение продуктивности пашни, растениеводство. Участвовал в наиболее значимых разработках: система земледелия Красноярского края; модель технологии выращивания зерновых культур в лесостепи Восточной Сибири.

Опубликовано: 70 научных работ, в том числе 1 научное пособие, 1 монография, несколько рекомендаций.

О ВЕРЕ ИВАНОВНЕ

Этюд (о Зарецкой В.И.)

Детство Веры Ивановны проходило в с. Малая Вишера Новгородской области. Еще ребенком увлекалась интересными вещами. По ее рассказам, у односельчан был красивый черный петух, который так понравился ей, что стала скапливать яйца от своих кур и затем поменяла у соседей. Когда наседка вывела цыплят, среди них оказался только один черненький, и это оказалась курочка.

Цыплята подросли, и Вера стала выпускать их в огород, где подрастал картофель. Однажды она не досчиталась цыпленка и не нашла его в огороде. Вскоре трагедия повторилась еще и еще раз. Затаившись в огороде, она заметила, что на цыплят охотится соседский кот. Проявив завидную настойчивость и сноровку, Вера поймала его и принесла матери. Кот был сурово наказан.

На следующий год наступающие немецкие войска вынудили жителей села эвакуироваться. Вера в халатике и тапочках с семьей перебралась в другие места. Через некоторое время Красная армия освободила М. Вишеру, и семья вернулась в свой дом.

За время оккупации немецкие солдаты переловили и съели всю живность в деревне. Однако молодую черного цвета курочку в темном сарае не заметили, она благополучно дождалась свою хозяйку и, как талисман, прожила долгих 8 лет.

Вера Ивановна в 1950 г. окончила Ленинградский СХИ по специальности агроном-плодоовощевод. С 1956 по 1960 г. жила в г. Минусинске, работала в Красноярской совпартшколе преподавателем по земледелию и плодоовощеводству. С 1960 по 1985 г. работала научным сотрудником Красноярского НИИСХ, занималась селекцией картофеля. Два её сорта – Юбиляр и Первенец были внесены в Госреестр.

Зарецкая Вера Ивановна (02.09.1925 – 04.12.2009),

*преподаватель кафедры плодоовощеводства,
научный сотрудник КНИИСХа*

В 1950 г. окончила Ленинградский сельскохозяйственный институт по специальности агроном-плодоовощевод. С 1956 по 1960 г. работала в Красноярской совпартшколе преподавателем по земледелию и плодоовощеводству. Жила в Минусинске, с 1960 по 1985 г. – научный сотрудник в Красноярском НИИ сельского хозяйства (КНИИСХ).

Писала стихи всегда, с юности, «в стол». Печаталась впервые в первом сборнике «...Золотые нити...» Стихи очень лиричные, образные.

КРЕДО

Не хочу, чтоб зло торжествовало.
Встану поперёк его пути,
И пока дышать не перестала,
Как врагу, не дам ему пройти.
Порох есть ещё в пороховнице,
Есть ещё снаряды и картечь,
И пока не смежены зеницы,
Можно ли в бою себя беречь?!
И не ближних, правых защищая,

Посвиста и крика не страшишь,
Пусть не для тебя спина чужая,
Коль в руках чужая честь и жизнь.
И не жди призывов о спасенье,
Если сердцем чувствуешь его –
Разве может быть сильней веленье,
Зов сильнее сердца своего.

1970-е гг.

РУКИ ЖЕНЩИНЫ

Не от твоей ли теплоты,
Что в сердце трепетном таишь ты,
Родились первые ручьи
И вострепелась песней птица?
Не от неё ли тает снег
И стала синева бездонней,
И родился ребячий смех
Не от тепла ль твоих ладоней?!...

1970-е гг.

ДРУГУ

Ты как влага, что в знойный полуденный час
Пересохшее горло свежит.
Ты как свет и тепло, ты отрада для глаз,
Путь-дорога, что к сердцу лежит.
И рука, что ложится ко мне на плечо,
Словно ласковый солнечный луч
Зажигает в душе тот священный огонь,
Что нельзя ни залить, ни задуть.
Нет живительней влаги, которую пью,
Но от жажды сгораю опять.
Нет огня животворней, которым горю,
Только сможешь ли это понять.

1970-е гг.

СПАСИБО, ЖИЗНЬ

Спасибо, жизнь моя, тебе
За то, что я в своей судьбе
Узнала радость и печаль,

Что утро снова манит в даль;
Что дел всегда не перечесть;
За то, что было, то, что есть:
За землю, небо и цветы,
За сокровенные мечты,
За недокучливых друзей,
За добрых искренних людей,
Которых встретила в пути,
С кем в ногу я могу идти;
За то, что тьму сменяет день,
За то, что враг – тупая лень,
Меня не в силах одолеть,
За то, что все хочу уметь,
Хочу увидеть и узнать,
Все пережить и испытать;
За то, что года времена,
Зима и осень, и весна,
И лето жаркое в цвету,
Вошли в желанную мечту.
И первый лист, и первый цвет,
И плуга в поле первый след,
И первый снег, и первый дождь
На первый поцелуй похож.
За счастье верить и любить,
За счастье доброе творить
И ненавидеть эгоизм –
За всё тебе спасибо, жизнь!

1970-е гг.

ТИШИНА

Ты слышишь, какая стоит тишина?
Слышишь два биения – сердца и времени.
Давай постоим полчаса у окна,
Не будут они понапрасну потеряны,
Послушаем сонную Землю свою
И мирные, тихие шорохи-вздохи,
Ту Землю, что жутко стонала в бою,
Коль были дела наших воинов плохи.
Ведь были иные у нас времена,
Когда не смолкала в ночах канонада,
Когда месяцами гремела война
У древней Москвы и у стен Ленинграда.

Да, были такие у нас времена,
Когда тишине мы боялись поверить,
Когда нас пугала ночей тишина
Как скрытая поступь коварного зверя.
Врывался в неё вдруг пронзительный вой
Сирен мессершмиттов и грохот орудий,
Иль слышался дально приглушенный бой
И падали наземь сражённые люди.
И всё-таки сердцу нужна тишина
Для мирного сна, для мечты и раздумий.
И если на час затихала война,
Вновь верили люди: когда-то так будет.
Так будет, что смолкнет орудий раскат
И будут греметь только мирные громы,
Гореть — лишь погожим вечерний закат,
Дымить — только трубы печей и домен.
И будут спокойно потом.

1970-е гг.

ОСЕНЬ

Качает ветер на волне
Уснувшую звезду.
И стало холодно луне —
Дрожит в ночном пруду.
Роняет тополь, как слезу,
Последний жёлтый лист.
Утратил лес свою красу —
Стал гол, и тих, и чист.
Осин багрянец догорел
И шум в полях умолк,
И завершили трактора
Святой нелегкий долг.

1970-е гг.

Вам не снились плохие сны?
А ведь есть, от чего им сниться —
Наши дни до того грустны,
Что и ночью от них не спиться.
Хлещет бедами через край
Вся неделя, что мы прожили,

Забрала наших деток в рай,
Невзирая, как мы тужили.
И остался на сердце лёд,
Пустота, горечь слёз и мука,
И немало недель пройдёт
Пока радость начнёт «аукать».
Тяжкий жребий достался нам –
Радость светлая стала горем.
Я иду за поддержкой к вам,
Чтоб не сгинуть в солёном море.

1970-е гг.

Сурин Николай Александрович,
доктор сельскохозяйственных наук, профессор

Работает в КрасГАУ на кафедре биотехнологии и защиты растений. Академик, директор КНИИСХ, действительный член Национальной и Сельскохозяйственной академии наук Монголии, член Президиума Сибирского отделения Россельхозакадемии, Совета селекционеров страны, руководитель крупнейшего в Сибири селекционного центра, член двух спецсоветов по защите докторских и кандидатских диссертаций. Им создано 13 сортов ярового ячменя, написано три монографии и 180 статей. Награждён медалью «За трудовое отличие», почётным Знаком Национального фонда «Общественное признание».

Родился 23 февраля 1937 г. в Воронежской области. С 1957 г. вся жизнь связана с Сибирью. В 1962 г. окончил КСХИ.

Стихи писал всегда, много о природе, о селе и о русском характере.

СТИХИ ПО ПОВОДУ

***Посвящается
директору Бурятского НИИСХ
доктору с.-х. наук Николаеву
Базыру Иннокентьевичу***

У вод Священного Байкала
Наукой ведает Базыр,

Он член Великого Хурала,
Среди бурятов он батыр.

Он знает всё про Бурятию,
Как революция сюда пришла,
Как вместе строилась с Россией
И до чего теперь дошла.

Азартен, любит поохотиться,
Всерьёз с любым поговорить,
С друзьями слишком не заносится,
Чем, безусловно, знаменит.

Извёл Базыр на нет овечек,
Не стало больше КРС,
Ему теперь не хватит свечек,
Чтоб прошлый помянуть прогресс.

Но он живёт веленьем божьим
Среди безжизненных степей,
По-азиатски осторожен
И мудр всегда в кругу гостей.

Он знает многие секреты
Народной мудрости веков,
На все вопросы даст ответы
Помочь в беде всегда готов.

Как друг, приятен и надёжен
И добротой своей красив.
Уж так наверно с детства сложен
А потому мы вместе с ним.

Как мало в этом бренном мире,
Таких, как ты, наш друг.
Среди хапуг, нахалов сытных
Ты как святой, один, вокруг.

И как горды мы общим чувством,
Что мы с тобой в одной упряжке,
Ты коренным себя почувствуй
Среди друзей своих отважных.

Будь молодым душой и телом,
Здоровым будь на много лет!
В грядущем веке ты успеешь
Оставить свой заметный след!

*Посвящается
А.В. Бахареву –
прекрасному селекционеру
Сибири по ячменю.
СибНИИРС, Новосибирск.*

Бахарев – пахарь, сибирский кержак,
Живёт и творит в Огурцово.
Вместе с женою Жанной д'Арк
Построил селекцию здесь образцово!

Ача – не кляча, Баган – не баран,
Есть пивоваренный – кличут Сигнал,
Есть скороспелый ячмень и иммунный,
Созданный вместе с Володею Шумным.

Знаю Арнольда, его и супругу,
Очень они дополняют друг друга.
Если Арнольду приходится туго,
Он призывает на помощь супругу.

*Посвящается
Б.И. Кривогорницину –
селекционеру по пшенице,
овсу и ячменю, исколесившему все
научные учреждения Сибири.*

Его я в ВИР с Бурятии отправил,
Оттуда в СибНИИСХоз приехал он творить,
Но следа там в науке не оставил,
И про науку ту не любит говорить.

Рванул в НИИРС, в посёлок Огурцовский,
Озимую пшеницу там растил,
Ну а потом в НИИСХе Красноярском
Он яровую и озимую скрестил.

Прошли года, он вновь в родных пенатах,
Без устали на поле каждый день,
Без выходных, отгулов, без зарплаты
С присущей страстью взялся за ячмень.

Но с Иволгой он распрощался вскоре,
Орлиный взор свой бросив на Алтай.
И с новой силой снова начал Боря
Лепить там свой ячменный каравай.

*Посвящается Н.М. Федуловой –
селекционеру по ячменю
из СибНИИСХоза, Омск.*

В СибНИИСХозе уже осень,
В поле шумная пора,
Вместе с Колей Аниськовым
Надя ищет номера.
Думала, думала Надя Федулова,
Думала Надя о том:
Сорт захотелось создать ей получше,
С колосом крупным и крупным зерном.
И повинуюсь торжественной дате,
Надо же так угадать,
Всё ж удалось СибНИИСХозовской Наде
Сорт Олимпийский создать.

*Посвящается Е.В. Падериной –
ведущему иммунологу Сибири,
уволенной или сокращённой,
СибНИИСХоз.*

Падерина Лена осталась без дела –
Такая молва доплелась до меня.
Или жить без забот захотела,
Или исчезла с полей головня?

Что же с тобою случилось, Елена,
И почему ты замкнулась в себе?
Или же ты оказалась не смелой,
Что покорила покорно судьбе?

И почему ты былинкой согнулась
Под бременем гнусных обид?
Ведь гением ты не успела проснуться,
С сомнением думая – всё впереди.

Зигзаги в науке мы знаем покруче,
Глумленья над нами Бог не простит.
Неужто история тех не научит,
Что надо науку лелеять, любить.

*Посвящается Г.Я. Козловой –
биохимику до корней волос.
СибНИИСХоз.*

Галя Козлова, честное слово,
Рад с Вами встретиться снова и снова,
Хоть и встречаете взглядом суровым,
Не обижаюсь я, честное слово!

Передавал я не раз Вам приветы,
Но до сих пор не дождался ответа.
Я вспоминал Вас зимою и летом,
Ночною порою и ранним рассветом.

Воздушные строите Вы пирамиды
Из углеводов, белков и пептидов,
Из триптофана, кислот, нуклеидов
И элементов, которых не видно.

Но не увидеть меня из-за той пирамиды,
Знаете, Галя, – как мне обидно.
Просто ведёте себя не солидно,
Коли меня не увидели. Стыдно!

Антоник Галина Николаевна,
директор Музея КрасГАУ

Работает в КрасГАУ с 1995 года. Первые пять лет – старшим преподавателем кафедры философии, затем – на кафедре культурологии.

Родилась и выросла в Красноярске в семье служащего. Творчеством и рисованием увлекалась с детства, получала на выставках призы и грамоты за детские работы. Окончила с отличием художественную школу. Получила специальное образование художника-дизайнера, работала в школе.

Окончила Омский государственный педагогический университет с отличием по специальности педагог-художник-искусствовед.

В 2000 году, по её идее и инициативе, с огромной поддержкой ректора вуза, ею был создан Музей КрасГАУ с двумя его частями:

– первая часть – по её авторским эскизам, чертежам, проекту и концепции – Музей «Истории земледелия и крестьянского быта Приенисейского края с начала XVII до начала XX века» в Ветлужанке, в корпусе агрофака;

– вторая часть Музея – «История Агроуниверситета» в главном корпусе. Музей является гордостью Агроуниверситета.

Опубликовано 12 статей, имеет одно авторское свидетельство.

За свою работу в вузе награждена внутривузовскими нагрудными знаками: Трудовой доблести третьей степени (2003 г.); Отличия второй степени (2007 г.). Благодарственным письмом от Законодательного Собрания Красноярского края (2007 г.); благодарственным письмом от Культурно-

исторического музейного комплекса за музейные мероприятия (2009 г.); благодарственным письмом от Министерства культуры Красноярского края (2010 г.) за активное участие в организации и проведении культурно-образовательного маршрута «Енисейский экспресс»; благодарственное письмо от Краевой научной библиотеки за помощь в оформлении экспозиции о М.В. Ломоносове (2010 г.); дипломом от Администрации г. Красноярска / Совета ректоров вузов Красноярского края.

Изучение истории, русской культуры, легенд и преданий даёт ей основу для реализации и выражения в искусстве.

Видеть красоту природы, её настроение, оттенки гармонии и её разнообразие может только наделённый даром этого особого видения.

Живопись, а особенно акварель, привлекает тонкостью, нежностью, изящными оттенками, возможностью передать через цвет, краски и их сочетание настроение и состояние природы, окружающего мира.

Г.Н. Антоник. Этюд. **Берег Енисея у села Колмогорово. Причал.**
1996, акварельная бумага, акварель, 18 × 36 см

*«подпись» под этюдом
«Берег Енисея у села Колмогорово. Причал»*

Мои предки, пра-предки ... коне-е-шно-же – были! ...
Как много и многое о них мне хотелось бы знать.
Родные «пенаты» ... – дом, в котором они жили.
В двадцать девятом году им сказали: – «молчать!»

В Африке, с древних времён,
так уж повелось – с колыбели!
В рифме, в стихах – для всех племён,
колыбельную матери пели.
Всех своих предков, все имена:
до четырнадцатого «колена» –
дедушек, бабушек, отцов, матерей –
– с них бы пример для наших детей!

Г.Н. Антоник. **Было сладкое варенье.** 1982 г.,
бумага, акварель, 33,5 × 39,5 см

«подпись» под этюдом «Было сладкое варенье»

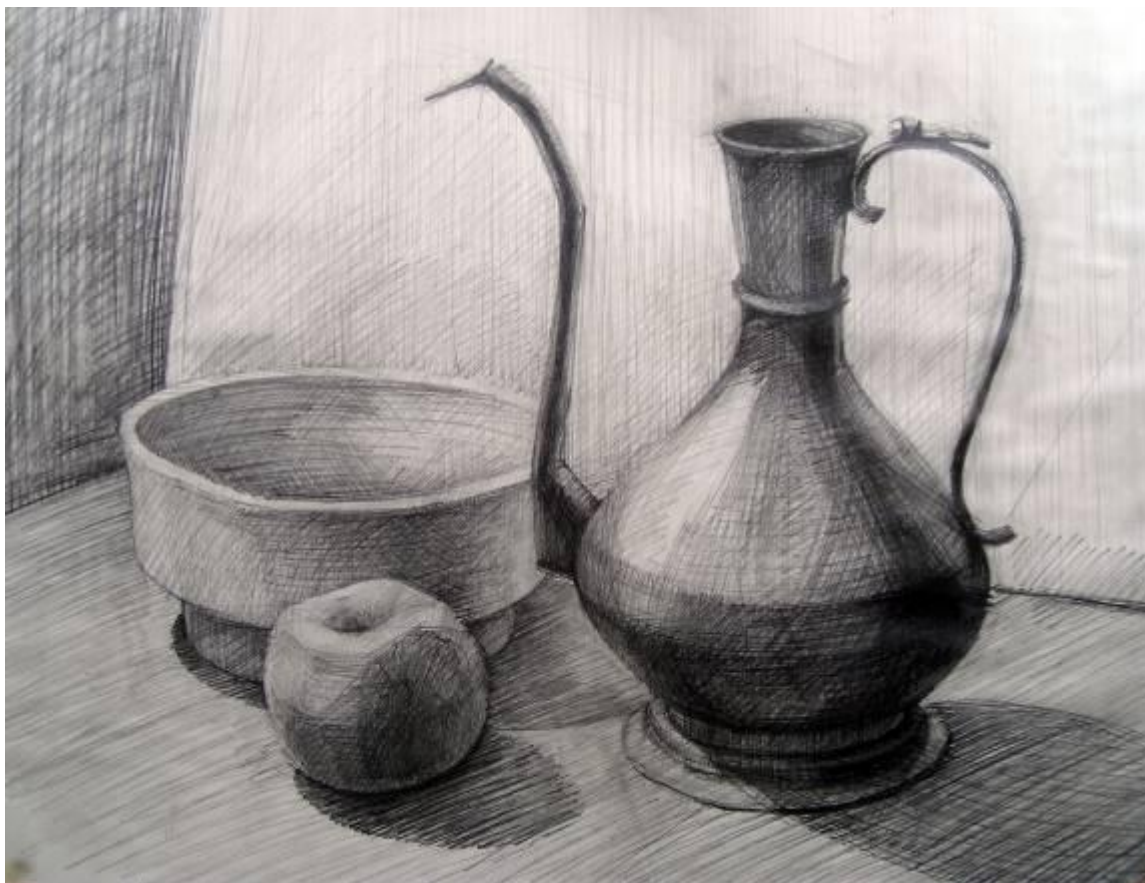
Ах! ... Какое было сладкое варенье!
 Был дивный сад, в нём райский уголок –
 о том осталось лишь воспоминанье ... ,
 да медный таз, кувшин, засушенный цветок.

.....

Жил-был такой джин... Аладдин...!
 Потом его дух засадили в кувшин,
 чтоб исполнять всем желанья
 и немыслимые приказания.
 Открывай, мол, двери: «Сим – Сим, –
 вылетай из кувшина пыльного джин –
 будешь хорошим всегда... – Аладдин!»

... – если потрёте кувшин!

Старик Хоттабыч потёр бы бочок
 и яблок принёс бы мне целый мешок.
 Спелых, хрустящих – для варенья,
 для гостей на дне моего рожденья.

Г.Н. Антоник. Этюд. Кувшин Джинна. 1992 г., бумага, карандаш, 32,5 × 42,5 см

«подпись-шутка»

под этюдом «Кувшин Джинна»

Потёр бочок и приказал: «Сим-Сим, исполни ... »:
хочу я сад... скамейку, дом и вишню всю в цвету.
Явился Джин, он тут! и всё исполнил!...
Потёр другой бочок – он снова тут как тут.
Мои желанья множатся, их много, вся в поту –
что выбрать? Или ему отдать на предпочтенье?
А тут и чаша рядом, мол, сия полна, уж через край,
или пуста? ... И снова эту чашу заполняй!
Мечтай, трудись и размышляй в моление,
вам надо или всем, быть может – никому.
А может яблоком заняться? – Куснуть его бочок,
заветное, то самое желанье ... всё возможно! ...
Ведь с сотворенья мира вспоминали сатану –
попутал вас и нас, и рыбку золотую, и горшок,
мёд и монеты, ... Сим-Сим...

– и снова всё возможно!

Г.Н. Антоник. **Воспоминания о моей бабушке.** 1997 г.,
бумага тонированная чёрной тушью, восковые мелки, 23 × 27,5 см

*«подпись» под этюдом
«Воспоминания о моей бабушке»*

Бабушку я видела на снимке:
шаль кружевная на плечах,
много кружева на нижней юбке,
строгий взгляд. Вся в хлопотах.
Пекла, ткала, и шила и вязала –
всегда в руках веретено иль спицы
и никогда без дела не сидела! -
Ведь лучше журавля – синицы
певуньи-хлопотуньи. И мелькали
петли, иглы, руки нитки те сплетали
в причудливый узор часов и дней ...
«оборванной» той жизни бабушки моей.

Г.Н. Антоник. **Этюд. Осень. Набережная Дивногорска.**
1997, акварельная бумага, акварель, 21,5 × 37 см

*«подпись» под этюдом
«Осень. Набережная Дивногорска»*

Дивные горы, ... – Саянское «горе»!
Средь ваших вершин появилось море!
В ущелье глубоком бурлит вода,
Там, где стояли когда-то дома.
Был там Даурский район старинный
Казачий, с тайгой вековой, былинной.
Там жили по старой вере – не зная бед.
Кто не хотел покинуть дом – за день стал сед.
Замуровали вас горы в бетон и плиты,
Зверьё, все травы, луга – водой залиты.
Грустью так веет от серых тех плит,
Не только об этом душа моя болит.

Г.Н. Антоник. Этюд. **Осенний дождь на берегу Енисея.**
1989, акварельная бумага, акварель, 24,5 × 36,5 см

*«подпись» под этюдом
«Осенний дождь на берегу Енисея»*

С этюдником сижу на берегу –
Готовлю краски, палитру и кисти.
Длинные тучи зависли на бегу –
И зажглись «фонарики» листьев...

Серое небо над землёю висит,
Опадают листья, дождик моросит.
Он воду рассыпал на бумагу и краски,
Для пузырей на воде устроил пляски...

Г.Н. Антоник. Этюд. Обезглавленные купола Иваньевского мужского монастыря близ Тобольска (ныне там воинская часть).
1993, бумага, акварель, 24,5 × 36,5 см

*«подпись» под этюдом
«Обезглавленные купола Иваньевского
мужского монастыря близ Тобольска»
(ныне там воинская часть)*

Множится шёпот и эхо среди гор вокруг –
Здесь эти горы навевают на мысль вдруг:
– «Жили монахи здесь ...есь...есь...есь»,
И что помнят горы бытие монастырско-е-сь,
Что это «мираж» за крутым поворотом и спуском –
Ручей там, дальше, внизу, в ущелье том узком,
А здесь монастырские храмы обезглавленные.
Снятся солдатам монахи ..., или подвиги их ратные...
Спят солдаты за этими стенами крепкими.
Души и слёзы монахов в тех стенах с окнами.

Г.Н. Антоник. **Набросок. Бард, поэт С. Фоминцев из Новосибирска.**
1988, бумага, графит, 14,2 × 19,6 см

*«подпись» под наброском
«Бард, поэт С. Фоминцев
из Новосибирска»*

Бард, поэт – Фоминцев Сергей
Не расстаётся с гитарой своей.
Сплетает рифмы и песни слагает,
С ними по миру всему шагает.
Философия в мыслях, глазах и словах,
С лицом Христа, с гитарой в руках –
О житье-бытье всему миру вещает,
И, лёгкую иронию в усах он скрывает.

Лесовская Марина Игоревна,

доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН

Коренная сибирячка. Родилась в Красноярске, с отличием закончила биолого-химический факультет Красноярского госуниверситета в 1980 году. Профессиональный стаж 30 лет, в том числе стаж педагогической работы в вузах – 23 года. Кандидатскую диссертацию защитила в г. Иркутске в 1989 году, докторскую – в КрасГАУ в 2004 году. После 12-летнего периода работы в КГПУ им. В.П. Астафьева с удовольствием приняла приглашение вернуться в КрасГАУ, где в период с 1990 по 1995 г. прошла ступени профессионального роста от ассистента до доцента кафедры генетики и биотехнологии.

С 2010 года заведует кафедрой психологии и экологии человека КрасГАУ. Преподаёт дисциплины «Психология и педагогика», «Экология человека», «Концепции современного естествознания», руководит аспирантскими работами, участвует в модернизации учебного процесса с помощью информационных технологий. Справляться с профессиональными нагрузками и стрессами помогает увлечение вышивкой, бисероплетением, изготовлением цветов из ткани. Наряду с тонкими техниками рукоделия вполне прилично управляется со стеклорезом, газонокосилкой, электропилой и минивэном, как и полагается современной российской женщине.

Все цветы выполнены в натуральную величину.
Мак, клевер, васильки, орхидея, настурция – по собственным эскизам автора.
Остальные цветы сделаны по описаниям.
Вырезанные лепестки обработаны горячими инструментами
для придания формы.

Лесовская М.И. Цветы из ткани. Батист, крепдешин, шелк, нитки, акварель, желатин

Лесовская М.И. Цветы из ткани. Батист, крепдешин, шелк, нитки, акварель, желатин

Лесовская М.И. Цветы из ткани. Батист, крепдешин, шелк, нитки, акварель, желатин

Лесовская М.И. Цветы из ткани. Батист, крепдешин, шелк, нитки, акварель, желатин

Лесовская М.И. Цветы из ткани. Батист, крепдешин, шелк, нитки, акварель, желатин

Лесовская М.И. Цветы из ткани. Батист, крепдешин, шелк, нитки, акварель, желатин

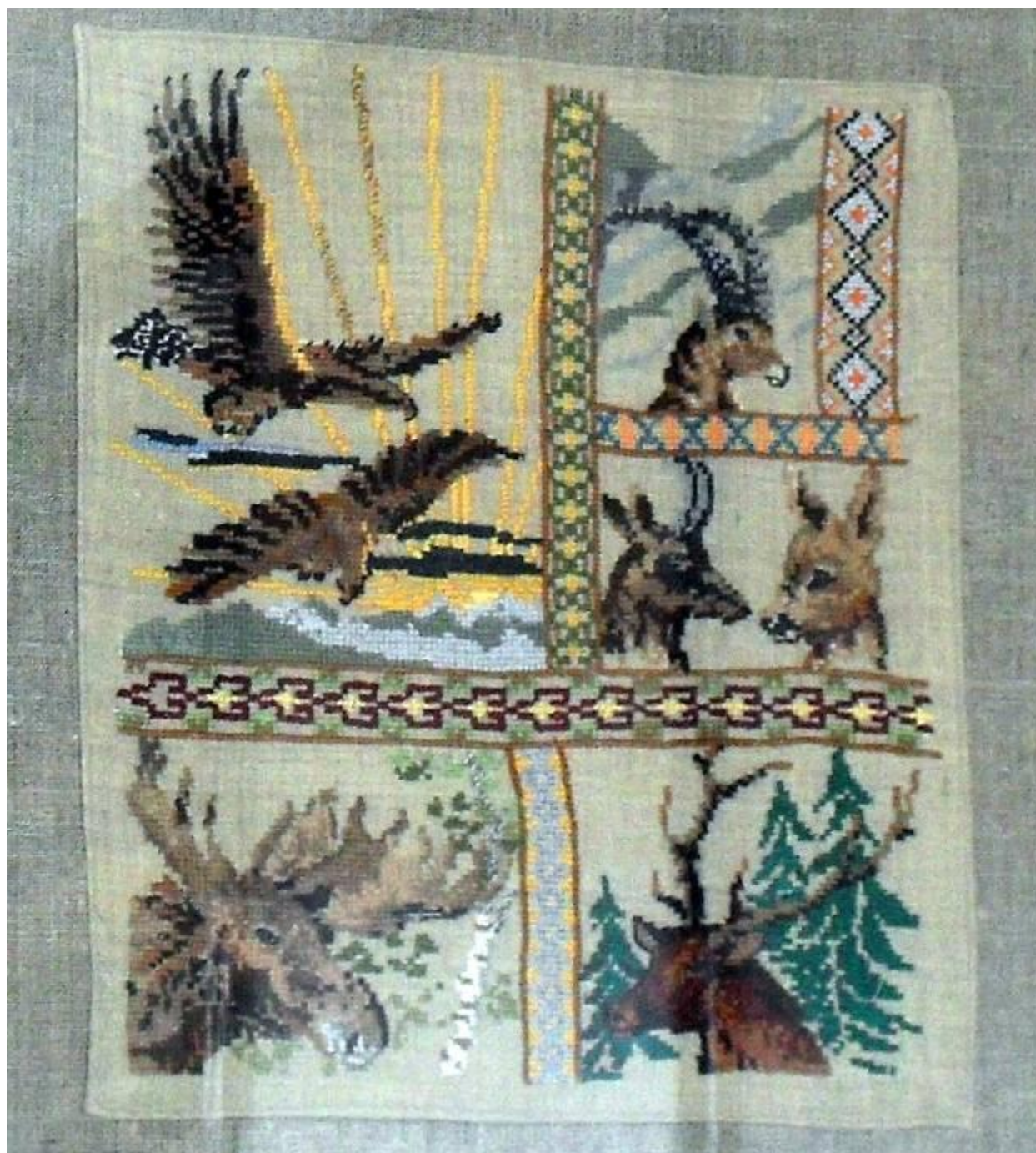
Лесовская М.И. Цветы из ткани. Батист, крепдешин, шелк, нитки, акварель, желатин

Лесовская М.И. Цветы из ткани. Батист, крепдешин, шелк, нитки, акварель, желатин

Лесовская М.И. Цветы из ткани. Батист, крепдешин, шелк, нитки, акварель, желатин

Лесовская М.И. Живая природа. Ткань рогожка, мулине, вышивка крестом, 50 × 50 см

Лесовская М.И. Обложки для деловых папок и дневников.
Рогожка, мулине, вышивка крестом

Лесовская М.И. Обложки для деловых папок и дневников.
Рогожка, мулине, вышивка крестом

Лесовская М.И. Обложки для деловых папок и дневников.
Рогожка, мулине, вышивка крестом

Лесовская М.И. Кулоны, подвески. Бисер, плетение

**Лесовская М.И. Крышки для банок с сушёными приправами.
(для укропа, петрушки, листа смородины и др.)**
Ткань, холст, рогожка, мулине, нитки, вышивка

**Лесовская М.И. Крышки для банок с сушёными приправами.
(для укропа, петрушки, листа смородины и др.)**
Ткань, холст, рогожка, мулине, нитки, вышивка

Лесовская М.И. Крышки для банок с сушёными приправами.
(для укропа, петрушки, листа смородины и др.)
Ткань, холст, рогожка, мулине, нитки, вышивка

Иванова Валентина Александровна,

кандидат исторических наук, профессор

С 1991 г. работает проректором по непрерывному образованию Красноярского государственного аграрного университета, за исключением трёхлетней работы (2001–2004 гг.) председателем комитета по взаимодействию с органами социальной защиты администрации Красноярского края. В 1991 г. защитила кандидатскую диссертацию в Академии госслужбы в Москве, в 1994 г. избрана доцентом кафедры профессионально-педагогической подготовки КрасГАУ, которую возглавляла четырнадцать лет.

Имеет звания «Почетный профессор КрасГАУ», «Почетный гражданин Шушенского района», член-корреспондент Академии качества, кавалер ордена «Слава нации» первой степени (2007 г.). Является членом комиссии по вопросам помилования при Губернаторе Красноярского края, членом краевого грантового совета, членом краевой межведомственной комиссии по профориентации и психологической поддержке населения и членом комиссии по молодёжной политике Правительства Красноярского края. Опубликовано 62 научные работы, в том числе 4 книги, 5 брошюр.

Какая радость – вновь в дорогу:
Авто, аэропорт, контроль.
Синь неба так контрастна смогу!
Цветущий Тель-Авив – к заветному пароль.

Иерусалим нас праздником встречает.
В еврейских платьях Господа сыны.
Толпа приезжих в Храм попасть мечтает.
Века истории в экскурсию даны...

И лишь припав на Стену плача,
Ты забываешь всё и всех.
Здесь отдана тебе от жизни сдача,
За то, как жил и как велик твой грех.

Земля родная подо мной.
Домой дорога всем короче.
Любуюсь русской красотой.
И вспоминаю между строчек.

Как предки за девять морей
До Индии век добирались.
Жизнь заставляет жить быстрее,
Куда бы мы не направлялись.

Ночь, тает память о стране,
Что с детства раем нам казалась.
Всё вспоминаю, как во сне,
Часть сердца в Индии осталась.

С улыбками её людей,
С красотой садов, дворцов и парков.
Святой наивностью детей,
И счастьем, если даже жарко.

Увижу ли твои края?
Цветущие леса и горы?
Ты научила жить, даря
Себя и в радости, и в горе.

Подарок – чудное село,
Как в ритме танца: Текирово.
От лени море здесь спасло,
Слова восторга повторяю снова.

Я в воду тёплую спешу.
В ней растворяясь без остатка.
Сюда приехать я решу,
Вне обстоятельств и достатка.

Без края река или море,
Я б Ленским его назвала.
Разлившись в Якутском просторе,
Вода и чиста, и светла.

Здесь берег в бинокль лишь увидишь,
Покоем укрыта душа,
Не встретить такого уж вида,
Хотя Русь везде хороша.

Страна моя неповторима:
В природе и характере людей.
В любой войне непобедима.
За что живётся ей трудней?
Как женщины в селе стареют,
Уходят мужики, вновь перепив,
И реки на глазах мелеют.
Живую землю без воды убив.
Как будут дети жить и внуки
Без красоты сибирской, без земли?
Остались головы и руки,
Господь, проснуться всей Руси вели!

Сухое древо не цветёт.
Не радуется плодами.
Когда с друзьями повезёт,
Покой придёт с годами.

Надёжность дружбы я ценю.
И рада каждой встрече.
Услышать голоса звоню
В холодный зимний вечер.

Печален день: мы друга провожаем,
Так, не успев всем поделиться с ним, —
Когда опять увидимся? Не знаем.
Час встречи часто ветрами гоним.

Легко всю жизнь мы в планы загоняем:
Работу, деньги, отдых и любовь.
Лишь друга вдруг по случаю встречаем.
Вот так живём, выстуживая кровь.

Семье покой положен,
Где дети родились.
Тогда ребёнок сможет
Духовно вознестись.

Потом храните душу
Вам вверенных детей.
Не обижать, лишь слушать
Без криков и страстей.

И отпустите взрослых
Детей родных легко.
Свои снега и вёсны
Встречать им далеко.

Каждый из нас может много:
Сделать счастливым людей,
Скрасить плохую дорогу
И радовать много дней.

Кто-то всегда недоволен,
Учит родных и друзей,
Характер такой — неволя,
Обиды бы все в Енисей.

Терпеть мы должны друг друга.
Иначе война — войной.
Учит любви разлука,
Когда тяжело одной!

Чужая судьба, как дерево,
Безликое средь других.
С юга пришёл или с севера,
Из робких или лихих.

С другом пуд соли съедает,
А завтра оставит тебя.
Попутчика ты не узнаешь,
Пока не проверит беда.

Все ж доверяю людям.
Раз рядом – Господь послал.
Плохое мы быстро забудем.
А светлого больше нам дал.

Сгустились сумерки к зиме,
По всей России мрачно, пусто.
Согреться можно лишь в семье,
Коль в социуме гаснут чувства.

Нет радости у стариков,
Не всех из них семья согреет.
Теряем лучших мужиков,
Уж пустотой в деревнях веет.

Село не сможет без мужчин,
Тогда Россия осознает:
Излишек выпит водки – вин.
Не зря семья в слезах страдает.

Как детям, женам жить теперь?
На что учиться? Где трудиться?
Россия, в горе их поверь!
Иль худшее с тобой случится.

На Руси известно явление:
Дача все выходные в году.
Каждый знает уж без сомнения:
На просторе покой я найду.

Удовольствие есть и работать,
Удовольствие детям играть.
В гамаке возлежать без заботы.
После бани кваску всем принять.

Ну, а главное все ж – разговоры.
Да на звёзды ночами глядеть.
И растают ненужные ссоры,
Если песню любимую спеть.

Седая масса облаков
Нависла над дорогой.
Такой торжественный покров
Воздушный, серо-строгий.
Глядишь на облако, дивясь:
Кто создал это чудо?
Природа ль снова напряглась,
Иль Бог творит для люда?
Жаль, быстротечна красота
У неба жарким летом.
Летит за облаком мечта:
Жить в дружбе с этим светом.

Родное небо плоским не бывает –
Один художник так сказал.
То караван туч грозных наплывает,
То волны кто нарисовал.

Горячим летом даже в чистом небе
Дороги плоской не увидеть мне.
На высоте небесной ярким следом
Живую жизнь я вижу как во сне.

Созрели хлебные поля,
И птицы кружат ниже-ниже...
Как щедро всё растит земля
В предчувствии: зима всё ближе.
Пусть лес ещё не пожелтел,
Осина ржавчиной покрылась.
А птичий клин вдали летел,

Иль это в забытии приснилось?
Выстрелив макушкой среди леса,
Гордо ели в небо поднялись.
Там нет места горю или стрессу.
Красота вокруг – лишь оглянись.
Облака летят грозе навстречу.
На вершины елей дождь пролив.
Новый день в дороге встречу,
В чистоте лесной его прожив.

Какая гармония цвета!
Небо ласкает глаза.
Так ярко одарит нас лето,
Осенью брызнет слеза.
Напрасно жару мы ругали.
Слетает на руку лист.
От дождика быстро устали.
Но лес вновь красив и чист.

Ни листочка не осталось,
Только кисти алые.
С Бабьим летом я рассталась,
Дни приходят стылые.
Цветы рано замерзают,
Земля черно-серая.
Лишь калина украшает,
Девочка несмелая.
Не высока, не стройна,
Не рябина яркая.
Душу греет всё ж она –
Калиночка горькая.

Кружевной ковёр под ногами
Из последних листьев лежит.
Не поранить бы каблуками
Жизнь, что листик ещё хранит.
В ярких красках лесов слышно лето:
Песни ветра, волн монолит.
Там по небу несётся карета,
Жаль, что в холод зимы летит.

Лёгкий набросок лета
На фоне хакасских степей.
Как много солнца и света:
Глотай этот воздух и пей.

А мы уезжаем в горы,
Людей невозможно понять.
Бросаем эти просторы,
Чтоб в небо душу поднять.

Как маленькие солнышки,
Жарки в тайге цветут.
Подняв лукаво мордочки,
Вверх тянутся, растут.

Здесь не дивят изысками,
Заморских нет цветов.
Тайга распишет красками
Черёмухи, жарков.

Цепляются тучи упрямо
За горы у дальних озёр.
Шагать бы по городу прямо,
А мы разжигаем костёр.

Под дождиком скалы штурмуем,
По кочкам упрямо ползём.
Привалом мы ноги балуем,
Романтику в сердце несём.

Огонёк пробежал по поленьям,
Печка весело служит всем.
Вылезать из спальника лень нам,
Топим, чтоб не замёрзнуть совсем.

Холод тушит слова и чувства,
Жизнь кончается в ледниках.
От тепла – желаний буйство,
Раз согрет – человек в мечтах.

Солнце днём вернёт нам улыбки,
Мы забудем холодную ночь.
Но не будет большой ошибки
Взять в тайгу железную печь.

На фоне гор снимаются туристы,
Дежурный кадр готовится в архив.
Не зная, как же это место чисто,
Уж в мире вы не встретите таких.

Как в детской сказке, горы нам откроют
Сакральные, секретные места.
Жизнь каждого по-новому настроят,
Любя твори и сбудется мечта.

Синее небо, бездонное,
Горы с зелёной тайгой,
Озёра обманчиво сонные,
Тепло на душе и покой.
Сроки пришли с гор спускаться,
В социум снова входить.
А ум мой будет проситься
Бывать здесь, горы любить.

Небо серое,
Поездка длинная.
Беда целая –
Дорога зимняя.

Спою песню я
Для попутчиков,
Чтоб уснули б
До первых лучиков.

Терпи, маленький,
Мама ждёт тебя.
Стоит в валенках
Тихо у столба.

Всё давно зарифмовано:
Женский плач, детский смех.
Всё давно нарисовано:
Листопад, первый смех.
Каждый год повторяет
Цвет сирени весной.
Сердце снова мечтает
Рядом жить с красотой.

Бармашова Татьяна Ивановна,

доктор философских наук, профессор кафедры философии КрасГАУ

Работает в КрасГАУ с 1982 года после окончания Томского государственного университета. В 2006 году защитила докторскую диссертацию по теме «Проблема бессознательного в основных системах философского теоретизирования». В настоящее время является профессором кафедры философии КрасГАУ. Опубликовано более 80 научных работ.

Является Ветераном КрасГАУ. За долголетний добросовестный труд неоднократно награждалась почетными грамотами.

МЫСЛИ В ЦЕРКВИ

Так чудно в церкви горит свеча
Светла, трепещуща и горяча,
Как под гипнозом мой взгляд манит,
Безмолвно будто что-то говорит.
Так и душа моя трепещет
От созерцанья тайны вечной,
Где в паутинке лучей пламени
Мерцанье ореола таяло,
Призвав воображение живо,
Рождая в нем, что сердцу мило.

В том вечность блага предвкушаю,
И ни на что не променяю
То лучезарное сиянье,
Души спокойной состоянье.

Церковный хор врачует душу,
Небесных голосов созвучье,
И даже в ледяную стужу
На сердце легче станет, лучше.
Как отголосок райских песен,
Дарованных на благо людям,
Дает понять, есть мир чудесен,
Уводит прочь от серых буден,
Несёт надежду на спасенье,
В молитве веру укрепляет
И смысл всего миротворенья
Понять чуть лучше помогает.

ПОЧТИ ПО БУДИЗМУ

К чему нам в жизни что-то ждать?
Желанья – это пустоцветы,
И нет правдивее завета –
из жизни нужно их убрать.

Когда чего-то сильно ждёшь,
Судьба злорадно посмеётся,
Всё против воли обернётся,
От рока видно не уйдёшь.

Где выход – умали желанья,
В них – корень всех твоих невзгод,
И невезение уйдет,
И кончатся души скитанья.

БЫСТРОТЕЧНОСТЬ ЖИЗНИ

Вот год еще прошёл, и незаметно,
Поток мгновений жизни так спешит,
И часто ты не можешь дать ответа,
Зачем, с какою целью год прожит?

А год не мал, в нем триста с лишним дней,
И все они уходят безвозвратно,
Оставив только след в душе твоей,
Дни эти вспомнить иногда отратно,
Иные ж хочешь дни перечеркнуть,
Зачем терзать себя напрасно,
Не в силах изменить прошедший путь,
А это может и не так ужасно?
Жизнь наша – лишь простая сумма лет,
Её ты по наивности торопишь,
Оглянешься, а молодости нет,
И рад вернуть, да не воротишь.
Поэтому жалеете даже день,
С закатом солнца в вечность уходящий,
В какой-то новый мир, что словно тень,
Неведомый и тайнами манящий.
Всё, что имеешь, тем не дорожишь,
А потеряешь – в миг оценишь,
Диктует нам законы эти жизнь,
Что создано природой, не изменишь.
Жизнь быстротечна, в вечности – ничто,
Не от того ль печаль так безысходна,
Ты в этой жизни видишь только то,
Что с быстрой кинолентой слишком сходно.
И никуда не деться, жизнь – кино,
Мелькают год за годом, словно кадры,
И то, что нам сейчас судьбой дано,
Уж никогда не повторится дважды.

Печально, что жизнь сурова,
И зябко от этого жить,
Но думаю снова и снова,
Возможно ль так в жизни любить –
Чтоб льды любовь растопила,
Чтоб ярче светила в пути,
Небесные сны породила,
Могла бы от бед всех спасти.

В мире много прекрасных вещей –
Лес, луга, полевые цветы.
Их с годами ты ценишь сильнее,
Что важнее такой красоты?

Чтобы в миг это всё потерять
Много средств человек изобрел.
Ход вещей повернуть разом вспять –
Вот тот путь, что к спасенью б привёл.

Не гоняться за «длинным» рублем,
Бросить принцип «любою ценой»,
Думать шире, не лишь о своём –
Должно стать твоей целью одной.

Это лишь пожеланье – мечта,
Но коль хочет прожить человек
На планете чудесной века,
То другого здесь выбора нет.

Не люблю вокзалы,
Не люблю прощанья,
Встретимся мы снова,
Дайте обещанье.

Близкие, родные,
Будьте вечно рядом,
Радость быть согретой
Вашим теплым взглядом.

Счастье в этом мире –
Ваша безмятежность.
Она будит в сердце
Нежных чувств безбрежность.

Даже кот-любимец
Бесконечно дорог,
Без него на свете
Сахар был бы горек.

Все мы альпинисты,
Что в единой связке,
Пусть у нас всё будет
Как в чудесной сказке.

Были бы здоровы,
Мир в душе селился,
Чтобы грустный повод
Нам не пригодился.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУДЬБЕ

«Как будет, так будет» – твержу я себе,
Не стоит противиться данной судьбе,
Владыка наметил нам жизненный путь,
Нельзя обойти его или свернуть.

Пожизненно крест нам нести предстоит,
Сей путь непростые мгновенья таит,
Но тяжесть поклажи у всех не одна,
Она в разной степени людям дана.

Кому-то крест лёгкий подарен судьбой,
Богатым и сытым, довольным собой,
А кто-то чугунную ношу несёт,
И жизнь по законам морали не в счёт.

Да, промысел Божий понять нелегко,
Кто мало прошёл, кто ушёл далеко,
Всем трудно постичь высшей логики суть
И в вечную тайну небес заглянуть.

ПОСВЯЩЕНИЕ МАМЕ

Нет дорожке тебя на свете,
Нет добрее, уютнее, ближе,
Мама, мамочка и мамулька,
Я тебя как живую вижу.

Тебя нет уже в этом мире,
Но со мною твоя улыбка,
Свет души согревает нежно,
Когда в сердце темно и зыбко.

Не хватает твоих советов,
Ты была самым лучшим другом,
Вспоминаю поездки наши
В Казахстан на просторы юга.

Я молюсь за тебя вседневно,
Чтобы Бог даровал тебе благо
И блаженство Небесного Царства,
Его милости буду рада.

Я прошу твоего прощенья,
Тёплых слов говорила мало,
Добрых дел могла сделать больше,
Опоздала – тебя не стало.

Мама, мамочка и мамулька,
Но разлука наша не вечна,
Снова встретимся в лучшем мире,
Жизнь земная так быстротечна.

Бастрон Андрей Владимирович,
кандидат технических наук, доцент

Родился 9 декабря 1958 г. в городе Копейске Челябинской области.

В октябре 1981 г. после окончания факультета автоматизации сельскохозяйственного производства Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства по распределению был направлен на кафедру общей электротехники КСХИ в связи с открытием факультета электрификации и автоматизации сельского хозяйства.

В 1996 г. защитил кандидатскую диссертацию и стал заведовать кафедрой электроснабжения сельского хозяйства. В 1998 г. получил звание доцента.

Автор более 200 публикаций, в том числе: две монографии, семь учебных пособий с грифами СибРУМЦ и МСХ, 38 изобретений.

Первый стих написал еще в школе. Стихи, а точнее рифмы по поводу (к 8 марта, Рождеству, дням рождения друзей и коллег), активно стал писать, соревнуясь с Галиной Ивановной Цугленок.

*Олегу Константиновичу
Никольскому,
В память о работе председателем ГАК*

Гулял он по Вене и знает Стамбул,
Но больше всего полюбил Барнаул.
А край тот великий, здесь кладезь умов:
Шукшин здесь родился, творил Ползунов.

Иван был из первых российских светил,
Из тех, кто науке всю жизнь посвятил.
Тернист его путь, но снова и снова
В дорогу зовёт паровоз Ползунова!

Олег Константинович полон творческих сил
Служенью науки он жизнь посвятил:
Он доктор, профессор, открыл свой Совет,
Теперь аспирантов выводит он в свет.

Пока заслужил он признание в науке,
Познал он сомненья и творчества муки.
Поверим сединам и скажем, друзья:
Кто служит науке – живёт тот не зря!

29 июня 2000 г.

ЭПИГРАММЫ

*Татьяне Николаевне
Бастрон*

Семена её боятся:
«Хватит, Таня, издеваться –
Ты теплом нас продуваешь,
Клеем мажешь, увлажняешь,
Урожайность чтоб поднять, –
Кандидатом хочешь стать?»

*Яну Александровичу
Кунгсу*

Всех светотехников оставил он без дела –
По монографиям он ходит в чемпионах,
И, если б не было Кандела,
Свет измеряли бы в Кунгсонах!

*Нине Петровне
Шевченко*

В общежитии у Нины обвалился потолок –
Видно, кто-то из студентов динамиту приволок!
Впредь ставь двойки осторожно,
Ведь диверсия возможна!

11 октября 1983 г.

*Лидии Петровне
Костюченко*

Доцент трёх вузов – зрелый педагог.
Талантом не обидел её Бог.
Отменная хозяйка, повар и кондитер,
Любую кофту свяжет или модный свитер.

К тому ж ещё портная, модельер, модель –
Всё шьёт со вкусом, необыкновенно.
На даче целый день работают посменно
В её руках лопата, молоток и дрель.

Лишь только стает снег – она на огород –
Консервов, овощей всегда на год вперёд.
К тому же кладёшь она знаний и ума
Вести б давно ей передачу «Я сама!».

14 октября 1999 г.

***Веришко Андрей Владимирович,**
музыкант, руководитель ансамбля цыганской песни «Чергэн»*

Закончил Красноярское музыкальное училище и Красноярский же Институт искусств (ныне – Академия музыки и театра). Создал церковный хор Благовещенского собора и руководил им почти 5 лет. Следующим проектом стал ансамбль цыганской песни «Чергэн», которым и занимается по сей день. Дискомфорта от столь разных направлений в музыке не ощущал и не ощущаю.

Создал аранжировки на материале цыганских народных песен разных стран и православной церковной музыки за 20 лет творческой деятельности. Интересы – стиль фолк, «дикий» туризм, сплав по рекам.

ЛИШЬ ОСКОЛОК СКРИПИЧНОЙ СОНАТЫ ...

(Рассказ)

В одно сентябрьское серое воскресное утро в самодельном брезентовом гамаке, натянутом между двух берез, на краю поляны, недалеко от своего дома, лежал и творил поэт местного разлива, а так же по совместительству тракторист Заелецкого МТС Степан Шароваров. Запрокинув голову за край гамака, он смотрел сквозь пожелтевшие березовые листья в пасмурное осен-

нее небо и изо всех сил пытался поймать вдохновение, или, как говорил он сам: настроиться на лирический лад. Но ласточки его поэзии, разлетаясь по поляне, никак не давали Степану сосредоточиться.

Поэтом Степан решил стать давно, но все никак не было времени начать творческий процесс – отвлекали дела текущие. Но он всем уже объявил о своем решении, а ведь не может мужчина на 23-м году жизни болтать попусту. Вот и пришлось приобрести в магазине сельпо пару общих тетрадок и авторучку, так сказать, чтобы бумаги хватило на целый сборник. Опустив ноги в кирзовых сапогах из гамака на землю, Степан, присев, принял более удобное для письма положение и аккуратным почерком записал первые строки своего стихотворения:

Серый день за околицей лета,
Отзвенел, как последний трамвай...

Посидев еще немного, Степан с чувством удовлетворения принял исходное положение. Только теперь обе ноги его лежали на одной стороне гамака для того, чтобы быстрее можно было принять положение удобное для письма.

Что такое последний трамвай, поэт знал не понаслышке, и ему очень понравилось это сравнение. Если уж опоздал на него, то шагать тебе, Степан, как в прошлом году, – через весь город. Был Степан в городе по делам производственным. Отвозил заявку от МТС в предприятие, торгующее запасными частями для тракторов. И вызвался для этой командировки он сам, так как хотел вроде бы оказией передать от родителей однокласснице своей Луизке кое-что из харчей, ну и повидаться вроде бы не специально.

Луизка жила недалеко от Степана. После школы год работала продавщицей в магазине смешанных товаров и ничем особо Степана не привлекала, а через год уехала в город учиться по направлению из района в библиотечный техникум. В этом же году окончила его, и поставили ее взамен ушедшей на пенсию Полины Сергеевны заведовать районной библиотекой. Дали ей комнату в районе, и теперь она всеми уважаемый там человек.

Вдруг небольшой порыв ветра качнул березки, гамак закачался, и Степан, поскольку вес его тела находился на одной стороне гамака, чуть не выпал, потеряв равновесие. Поэт сел, устойчиво касаясь ногами земли, взял ручку и уверенно продолжил свое четверостишие:

На границе зеленого цвета,
Под прикрытием облачных стай.

Степан задумался, закурил. Ему не очень нравилось слово «прикрытие», как-то коряво, по-солдатски оно вклинилось в его романтично-созерцательный стиль. Будучи романтиком, Степан стеснялся своего духовного естества, и часто прикрывался, как щитом, грубоватыми выражениями. Научился он этому в армии, а служил Степан, как положено дипломированному трактористу механизатору, механиком-водителем танка Т-62. Но дру-

гое дело стихи! Здесь должно быть все по-настоящему, без прикрытий. Поэт понимал, что затронуть человеческую душу может лишь искреннее, естественное движение его мыслей, вызываемых бескорыстием его души вдохновляемой созерцанием родной природы. Хотя корысть у Степан все-таки была. Корысть, ради которой он решил стать поэтом, запрятанная далеко в подсознании, трансформируемая в мечту. Нет, он не хотел получать высокие гонорары за свои стихи. Не думал он и о всенародной славе, а лишь мечтал о том, что когда-нибудь книга с его стихами поступит в библиотеку родного райцентра, и заведующая Луиза Тимофеевна прочтет их и поймет тонкую и романтическую его, Степана, душу, и увидит вместо того грубоватого паренька человека, способного делать мир лучше, исполина, который придет на помощь к слабому и отстоит правду...

Все-таки Степан не находил нужной рифмы, чтобы заменить не понравившееся ему слово, и решил оставить пока все как есть.

Солнце, иногда мелькавшее сквозь густые облака, перевалило за полдень. Хорошо в сентябре: ни комаров тебе, ни жары. Лежи в гамаке и наслаждайся осколками бабьего лета.

Тут Степан приподнялся и быстрым почерком записал сразу следующее четверостишие:

Лишь осколок скрипичной сонаты,
Прорываясь сквозь серый туман,
Ударяет то грома раскатом,
То дыханьем из северных стран.

Что такое скрипичная соната, Степан толком не знал, но где-то слышал это словосочетание, понял, что это музыкальное произведение, а когда звучит немного непонятно, то даже как-то умнее кажешься сам себе.

От легкого ветерка потянуло влагой. Запах сена от стоящего посреди поляны зарода и приближающегося дождя перемешался. Степан медленным почерком, как бы задумываясь над каждым следующим словом, продолжал творить:

К горизонту неслышной походкой,
Подбирается серая мгла,
И кружит ветерок беззаботный,
Задувая остаток тепла.

Поэт встал на ноги, отвязал гамак от берез, смотал его и неторопливо зашагал в сторону дома. Вроде бы не совсем довольный своим творением, но с чего-то надо же начинать. В голове мелькала лишь непонятная строчка....

А может быть, эти осколки и есть нечто прекрасное, не дающее окончательно зачерстветь человеку и, вырываясь, приближают его, простого паренька из далекой сибирской деревни, к большой несбыточной мечте.

ОТ МЫСЛЕЙ УБЕГАЮЩИЕ

(Рассказ)

– Я не могу с тобой согласиться, Гродбер, что вообще можно жить без этого. Не зная, что думает о тебе другой человек и какие вообще у него мысли. Он может тебе приятно улыбаться и здесь же ударить тебя по голове колосубом, когда ты отвернешься от него.

– Нет, Швапс, если все будет держаться лишь на том, что он знает, что ты знаешь об этом, то отношение его к тебе будет неискренним, а значит, ты до конца не сможешь понять, как он к тебе относится, зная его мысли.

– Не смогу, и совсем об этом не жалею, потому что знаю каждый шаг и каждую мысль другого объекта по отношению ко мне, а значит, точно могу предвидеть его последующее поведение, и для меня не будет никаких неожиданностей, если я даже подставлю ему затылок.

– Но если все и дальше будет на этом держаться, то мы окончательно потеряем все творческие инициативы, основанные на индивидуальном восприятии окружающего мира. Представь, как было бы интересно жить, если никто не может прочитать твои мысли. Ты сможешь думать о том, о чем захочешь. В некоторых цивилизациях даже самый последний раб может думать и мечтать, о чем хочет. В своем воображении он может путешествовать по великим просторам вселенной. Любить принцессу, побеждать в войнах. Он может быть абсолютно свободен, и гораздо счастливее нас, объективно свободных, но лишенных право мечтать и мыслить по-своему.

– Как же это противоречит основной морали, на которой мы воспитаны. Так бы все и думали о том, что им захочется. До чего бы докатился наш мир.

– Ты сможешь дарить людям готовый результат своего индивидуального решения, а не те этапы, о которых знают все...

В самый, который только можно было придумать непогожий день, когда дождь лил, как из ведра, и сверкали молнии, обойдя все земные средства современного обнаружения неопознанных и опознанных летающих объектов, в одном из самых живописных районов Сибири опустился межпланетный корабль. Из него вышли Гродбер и Швапс. Замаскировав свой корабль в глухой сибирской тайге, не прекращая спорить, они двинулись к ближайшему населенному пункту.

Тёплым летним вечером, когда солнце ещё освещало верхушки деревьев, а лёгкий ветерок навевал запах хвойного леса, торопливой походкой шёл со станции домой деревенский счетовод, а по-современному бухгалтер, Егор Семёнович Толокнин. Деловой вид его подчёркивал светло-серый шерстяной пиджак, жёлто-зелёная рубашка и синий галстук в красно-коричневую полоску. Волосы, аккуратно уложенные на прямой пробор, то и дело трепал ветер, и Егор Семёнович изредка поправлял их правой пятернёй.

Дорога от станции проходила по живописнейшему месту, после перевала через гору спускалась извилистым серпантинном к небольшой речушке, и

шла вдоль неё до самой деревни. Настроение у Егора Семёновича было великолепное, так как за все финансовые вопросы предыдущего квартала он благополучно отчитался, и мог теперь себя побаловать небольшим летним отдыхом, а торопился лишь потому, что хотел засветло добраться до дому.

Когда серпантин уже закончился, и дорога подошла вплотную к реке, Егор Семёнович остановился, и от неожиданности резко округлил глаза. Перед ним стояли Гродбер и Швапс. Счетовод, не скрывая истинного любопытства, разглядывал незнакомцев со всех сторон. Несмотря на то, что одеты путники были, как и большинство из местного населения – без особого шика, а взгляд такой же любопытный до бесцеремонности, как и у него, Егор Семёнович каким-то шестым чувством понял, что люди приехали из далека. Глаза счетовода прищурились, изображая истинный интерес, лоб немного сморщился, и лицо стало вновь напыщенно деловое. Но путники смотрели на него с тем же удивлением. Егор Семёнович приоткрыл рот для того, чтобы поприветствовать незнакомцев, но первым молчание прервал Швапс.

– Здравствуйте, мил человек.

– Здорово, – почти одновременно со Швапсом выпалил счетовод.

– Домой со станции? – продолжил Гродбер.

– А куда здесь ещё идти? – еле сдерживая деловое выражение лица, риторически вопросом на вопрос отвечал Егор Семёнович. – Станция здесь одна, одна и деревня – продолжил счетовод, отведя правую руку в сторону, для убедительности своего высказывания. Опять образовалась пауза. Гродбер и Швапс немного привыкли к незнакомцу, но удивленное выражение не выходило с их лица. Чем дольше они смотрели на собеседника, тем больший интерес он у них вызывал.

– Кто же они такие? – мелькнуло в голове у Егора Семёновича. – Может, бухгалтерию проверяли в моё отсутствие, как-то надо аккуратно, не вызывая подозрения, выведать цель прибытия незнакомцев.

– Рыбку, небось, ловили? – как-то не торопясь, даже немного нараспев, спросил счетовод.

– Ловили, – также нараспев утвердительно ответил Гродбер.

– Врут, – подумал Егор Семёнович, – Без сапог и снастей, да ещё с глазами такими любопытными.

– А у нас тут бивак не далеко, там и сапоги и удочки, – как бы предвосхищая вопрос, себе под нос пробубнил Швапс.

– Всё равно врут, – подумал счетовод, – и рыбы-то тут толком нет, всю рыжовками давно выгребли, а они удочки.

– И как, много наловили? – уже вслух продолжил Егор Семёнович немного ехидным, но ещё вполне доброжелательным тоном.

– Немного, – ответил Гродбер растерянным голосом.

– Бывали тут раньше, аль кто посоветовал? – Ещё более уверенно продолжил счетовод.

– Посоветовал, – тихим баском пробубнил Швапс.

– Зря, рыбы тут нет, а вот на медведя наткнуться можете, – тоном бывалого старожила заметил Егор Семёнович.

– Давно ль с городу?

– Да не с городу мы, – уже вовсе растерянным тоном ответил Гродбер.

– Рассказывайте, – подсмеиваясь, сказал счетовод, – станет тут деревенский рыбу ловить, да ещё удочкой, с космосу только если прилетели или городские.

– С космосу, – сказал Швапс и глубоко вздохнул. Удивление ушло с его лица. Швапс и Гродбер понимающе посмотрели друг на друга.

– Ну ладно, пошёл я, некогда мне тут с вами, – сказал Егор Семёнович, и уверенной торопливой походкой зашагал в сторону деревни.

Пришельцы некоторое время стояли в недоумении. Как землянин, не умеющий читать чужие мысли, смог с лёгкостью их раскусить?

Солнце закатилось за горизонт, с реки потянуло прохладой. Гродбер и Швапс, как бы очнувшись, неторопливой походкой зашагали в сторону станции.

О чём думали Гродбер и Швапс, неспешно поднимаясь на перевал по извилистой дороге? Может быть о том, что планета Земля не такая уж простая, как предполагалось вначале, и население её не так уж примитивно. Может быть, обдумывали дальнейшие планы, а может быть, легкий ветерок, запахи реки и леса навеяли на них воспоминания о далёкой планете Альготоро, где прошли их счастливейшие детство и юность, где осталось много их близких и любимых людей. И первую любовь философа Гродбера и натуралиста Швапса прекрасную Мирелу, которая, конечно же, как и все на Альготоре, знала о их чувстве, но никому из них не смогла ответить взаимностью, и друзья Гродбер и Швапс это прекрасно понимали.

Всегда ли Альготора была такой мирной, предсказуемой и спокойной планетой? Всегда ли технический прогресс нёс счастье её обитателям? Даже если цивилизация Альготоры на несколько тысяч лет опережала цивилизацию Земли, человеческая же натура всегда оставалась неизменной. На протяжении нескольких тысячелетий планету терзали войны, тираны, катастрофы. Население Альготоры почти истребило себя, и однажды техническое изобретение принесло мир на измученную планету. Благодаря некоторым манипуляциям с головным мозгом, человек становился способным слышать мысли любого человека, о котором он мог подумать, либо попавшего в зону его внимания. Воевать стало невозможно, и со временем все 16 государств Альготоры объединились в одну конфедерацию. Технический прогресс за счёт полной доступности информации резко пошёл вверх, и за несколько сотен лет достиг небывалых высот. Экология планеты была восстановлена до первозданного уровня. Прекрасные моря, реки, горы и леса давали возможность для обитанья великолепной фауны. Всё было прекрасно, за исключением того, что человек чувствовал себя обнажённым перед всем миром, нельзя было нигде спрятаться, уединиться, подумать, помечтать, поразмышлять о будущем.

Со временем конфедерацией был принят закон о вредных и недопустимых мыслях, обладатели которых наказывались тем, что общество выталкивало их на социальную обочину и заставляло влачить жалкое существование. Эту цену платили люди за процветание и мир на Альготоре. Но детство на планете всё-таки оставили счастливым. Процедуру тирлинга головного мозга дети проходили от 14 до 15 лет, а до этого с 7 лет они жили в специальных интернатах с минимальным присмотром взрослых. Обучали и воспитывали детей роботы-андроиды, неспособные читать чужие мысли. Благодаря этому дети играли, творили, мечтали, и никто, кроме их родителей, не мог знать, о чём. В пятнадцатилетнем возрасте, после процедуры тирлинга, подростки обучались в университетах будущей профессии, и к 19 годам вступали во взрослую жизнь.

Гродбер и Швапс были обычными детьми на своей планете. Воспитываясь в одном интернате, сдружились, но всегда в чем-то были не согласны друг с другом. Обучаясь в университете, влюбились в одну и ту же девушку, но ни вьедливому Гродберу, ни романтичному Швапсу Мирела не смогла ответить взаимностью. Они никогда не общались с ней словами, не говорили о Миреле и друг с другом, но из-за любви к ней эмоционально сблизилась ещё сильнее. Изучая историю в университете, Гродбер всегда мечтал оказаться в прошлом своей планеты, в тех временах, когда никто не читал чужие мысли, а люди ещё жили в мире. И когда натуралист Швапс нашёл планету, примерно соответствующую мечтам Гродбера, то предложил ему эту экспедицию.

Станция Ельцовка находилась от деревни Ельцовки примерно в четырёх километрах. Одноколейная железная дорога соединяла два города, лежащих в стороне от западносибирской магистрали. Параллельно железной дороге шла гравийная автомобильная, но была она в очень плохом состоянии, и далеко не каждый автомобиль мог по ней проехать. Так что основным транспортом для немногочисленного местного населения служил единственный поезд, проходящий вечером в одну сторону, а рано утром в другую. Возле самой станции находились два одинаковых брусковых дома, построенных на четыре семьи. В них жили железнодорожники, обслуживающие станцию и прилегающий к ней участок пути.

Сама станция представляла собой деревянную избу, крытую шифером, внутри перегороденную пополам. В одной части избы стояло несколько высоких скамеек для ожидающих поезда, в другой, за перегородкой, находился кабинет начальника станции с единственным в округе телефоном и билетная касса, открывающаяся за полчаса до прибытия поезда и закрывающаяся сразу после его отхода. Рядом с перегородкой, разделяющей избу, находилась небольшая побеленная кирпичная печь, возле которой на тумбе стоял бочонок с питьевой водой и краном внизу. Недалеко от входа в помещение станции также находились две скамейки для ожидающих, на одной из которых, растянувшись на спине, лежал мужичок небольшого роста лет сорока. Обе руки его находились под затылком, и только лишь две ступни в кирзовых сапогах

свисали за скамью. Выражение лица его было тоскливо безнадежным. Почти не мигающими глазами он смотрел в сумеречное небо, на котором уже стали появляться первые редкие звёзды.

Тем временем Гродбер и Швапс неторопливой походкой достигли станции и, опустившись на вторую скамейку возле её входа, стали ожидать поезда. Тёплая июльская ночь ласкала их задумчивые лица, и лишь немногочисленные комары, доставляя небольшое беспокойство, никак, почему-то, не решались их покусать. До прихода поезда оставалось ещё несколько часов. Лица пришельцев не выражали ничего. Со стороны ощущение было такое, что их тела находятся здесь, на скамейке, а мысли где-то далеко-далеко. Вдруг оба они вздрогнули и повернули головы вправо.

– Василий, – перед ними стоял мужичок в рабочей одежде путеяца и кирзовых сапогах. Коротко подстриженные кудрявые волосы и вытянутая вниз нижняя челюсть придавали ему вид какого-то библейского персонажа.

– Григорий, – сказал Гродбер и пожал ему руку.

– Иван, – сказал Швапс, и сделал то же самое.

– Из далека? – спросил Василий, и достал из кармана пачку папирос.

– Закуривайте, – здесь же продолжил, не дожидаясь ответа.

– С городу, были на рыбалке, – ответил Швапс и взял папиросу.

– Я не курю, – сказал Гродбер, и отвернул голову.

– Тут, Вань, дело такое, – Василий интригуяще посмотрел на Швапса, – у вас согреться ни чё не осталось?

– Да не холодно вроде, – ответил Швапс.

– До поезда ещё четыре с половиной часа, успеем замёрзнуть, избу они свою ещё не скоро откроют, – Василий показал в сторону станции, – а звёзды ишь какие яркие, ночка-то будет холодной.

– Ничего нет, – ответил Швапс.

– А деньги есть? Я бы сбегал за спиртом, у меня тут связь с опортеи-дом, – продолжил Василий немного тише с ещё более интригующим выражением лица.

Швапс достал из бокового кармана куртки сторублёвую бумажку.

– Этого хватит?

– Вполне, – ответил Василий, и так и не прикурив папиросу, со шпионским блеском в глазах осторожной, но быстрой походкой направился к домам железнодорожников.

Стемнело. Яркие звёзды как бы приближались к земле. Швапс встал и стал медленно прогуливаться вдоль скамеек. От его долговязой худощавой фигуры, освещённой фонарем, на крыльце станции падала длинная, страшная тень, преломляющаяся железнодорожной насыпью. Гродбер сидел немного напряжённый, не шевелился, лишь только въедливые его зрачки следовали за фигурой Швапса. Неизвестно, сколько бы мог продолжиться этот немой диалог, если бы скоро не появился Василий.

– А вот и я, – он бережно достал из правого внутреннего кармана поллитровую бутылку со спиртом, – а это закусь, – из бокового кармана торчал

газетный свёрток, Василий аккуратно развернул его и разложил на скамейке два огурца, пучок луковых перьев и несколько кусков хлеба. Из противоположного бокового кармана он с лёгкостью иллюзиониста достал стеклянный гранёный стакан, налил в него грамм тридцать спирту, и передал Швапсу. Швапс выпил, не поморщившись, и закусил луковым пером. Затем Василий повторил процедуру и передал стакан Гродберу.

– Я не пью, – сказал Гродбера.

– А кто пьёт? – удивительно сказал Василий. – Мы греемся.

– Всё равно не буду, – холодно ответил пришелец.

Василий опрокинул стакан себе в рот, отломил кусочек огурца, положил на хлеб и зажевал. Потом выдохнул, посмотрел на стоящего перед ним Швапса и сказал:

– Хорошо сидим.

– Да уж, – ответил Швапс, и продолжил прогуливаться вдоль скамеек.

– Грузы мы сопровождаем от станции до станции, – начал Василий, – а потом ждём поезда или на машине бывает кто подвезёт. Железнодорожник прикурил папиросу, с удовольствием выдохнул едкий дым и опять обратился к Швапсу.

– Вань, да перестань ты маячить, на рыбалке што ль не набегался? Швапс, не обращая внимания на собеседника, продолжал прогуливаться. Василий откусил кусочек мундштука папиросы, немного пожевал и выплюнул. Он был уверен, что если собеседники его угощают, то он должен скрасить интересным разговором часы ожидания.

– Тут случай у меня был на рыбалке, – начал Василий, – стою, значит, я рыбачу, спиннинг кидаю, и назад не смотрю. Вдруг при очередном забросе чувствую, зацепил за что-то сзади. Оборачиваюсь и ах, стоит медведица на задних лапах, а крючок зацепился за самый сосок, – рассказчик встал, выдерживая интригующую паузу, налил немного спирту в стакан и передал Швапсу. Тот выпил, опять без эмоций, и закусил остатком огурца. Василий налил себе, взял стакан в правую руку, а в левой зажал кусочек хлеба с луковым пером, и чуть тише, медленно заговорил: – Подхожу я значит, к ней аккуратно, – тут Василий выпил, занюхал хлебом не закусив, и продолжил ещё тише, – вынимаю крючок, а она падает передо мной на спину. Тут я плюнул и сказал: «Все, вы, бабы одинаковы!» – закончил Василий и зажевал луковый бутерброд. Гродбер и Швапс переглянулись и улыбнулись друг другу. Рассказчик с чувством удовлетворения присел на скамейку и устремил свой взгляд в звёздное безоблачное небо, как бы ожидая какого-нибудь рассказа от собеседников.

Прошло несколько минут, но Швапс продолжал маячить, а Гродбер вообще потерял всякий интерес к происходящему.

– Что-то, ты, Гриша, невесёлый, – сказал Василий и протянул ему стакан со спиртом – может, всё-таки хлопнешь чуток?

– Я же ведь сказал тебе – не пью, – так же холодно ответил Гродбер. Тогда Василий протянул стакан Швапсу.

– Не части, – ответил Швапс, – за полчаса почти полбутылки выпили.

– Так я ещё сбегая, если что, – как бы извиняясь, сказал Василий.

Швапс подумал, взял стакан и выпил вообще не закусывая. Василий выпил, закусил, посмотрел на собеседников, и поняв, что рассказывать никто ничего не собирается, продолжил свои байки.

– Летали мы как-то раз с женой на самолёте к брату её на свадьбу. Живёт он в небольшом городишке на севере. Взлетели, летим, и вдруг самолёт как давай трясти, потрясёт, летим какое-то время, затем опять. А я по второй специальности механик, даже в армии мотористом на корабле служил. Точно, думаю, свечи барахлят. Заходит вдруг стюардесса и спрашивает: «Механики в салоне есть?» На меня жена посмотрела, я встал и говорю: «Ну я механик», а она: «Товарищ, вы двигатель не посмотрите? Пилоты боятся – не долетим». И весь салон как глянет на меня умоляющим взглядом. Выхожу я на крыло, туман. Ну свечи продул и полетели дальше.

Гродбер и Швапс переглянулись. Гродбер немного повеселел. Лёгкий ветерок коснулся верхушек деревьев, и шум листвы прервал, образовавшуюся ненадолго тишину. Василий налил спирту и опять настойчиво протянул Гродберу.

– Ну ладно, немного выпью, а то действительно холодает, – снисходительно сказал пришелец и опрокинул стакан, немного поморщился и зажевал кусочек хлеба. Выпил и Швапс. Затем Василий вылил остатки из бутылки себе в стакан. Получилось немного больше, чем обычно. Василий посмотрел на собутыльников, как бы извиняясь, те одобрительно кивнули, дескать, давай. Железнодорожник выпил, закусил, и уже открыл рот, чтобы начать новую историю, но Швапс оборвал его – хорош, Василий, байки травить, дай с мыслями собраться, завтра день тяжёлый у нас.

– Странные вы какие-то, мужики, инопланетяне что ли? – сказал Василий, лёг на скамейку и отвернул лицо к спинке. Через некоторое время он сладко задремал. Гродбер и Швапс настороженно переглянулись.

Около двух сотен лет назад на Альготоре было сделано ещё одно очень важное открытие. Прибор, позволяющий космическому кораблю убирать пространство. Стало возможным путешествовать практически в любое место, отмеченное на звёздной карте вселенной. Необходимо было лишь зависнуть над планетой, задать точку, настроить прибор и в считанные секунды оказаться на орбите планеты или звезды, находящейся за миллионы световых лет от Альготоры. Появилась возможность начать изучение других миров, и именно это стало приоритетным занятием на Альготоре. Огромное количество натуралистов в компании с другими специалистами разлетались по вселенной, и спустя некоторое время был сделан ряд ошеломляющих открытий. Главное из них – что весь белковый мир вселенной имеет единое происхождение, проще говоря, жизнь во вселенной зародилась в одном месте, и не на Альготоре, а развитые цивилизации существуют не один миллиард лет, и их великое множество.

До того как на Альготоре стали изучать другие миры, сама планета была предметом изучения других, более старых цивилизаций. Но что же стало главным предметом изучения в молодых мирах? И почему именно к ним устремлялось большинство экспедиций? Дело в том, что молодые миры являются для старых огромным творческим и духовным ресурсом. По мере развития технического прогресса человек меняется, его творческий духовный потенциал заменяется более рациональными техническими знаниями и устремлениями. Теряется вера в сверхъестественные силы, уходит потребность в отправлении культа, а вместе с этим из сознания человека постепенно уходит и культура. Но технический прогресс не может существовать сам для себя, без литературы, музыки и других искусств он перестанет развиваться. А поскольку по мере технического развития общества не рациональное мышление человека становится всё менее значительным, а духовное производство всё более примитивным, то необходимость в творческих ресурсах только возрастает. Это примерно как современный земной человек черпает духовные ресурсы из античной мифологии или библейских сюжетов, когда население Земли было малочисленным, а его технический уровень более примитивен.

Самой большой ценностью на Альготоре стала творческая продукция, привезённая из молодых миров. Она поступала в главное электронное хранилище конфедерации, там обрабатывалась, адаптировалась для местного населения специальными компьютерными программами, и после осмотра цензурными комиссиями поступала в продажу. Законами конфедерации категорически запрещалось потребление неадаптированных ресурсов. Считалось, что подобная продукция развернёт человеческий ум в обратную сторону, а вектор развития цивилизации должен смотреть только вперёд.

Инструктируя группы исследователей, специалисты конфедерации заостряли внимание на том, что какое-то количество информации, вредное для жителя Альготоры, может попасть в головной мозг астронавтов, но установленные в нём чипы-дозаторы при определённом насыщении обязательно срабатывают, и тогда исследователям необходимо будет сразу прервать экспедицию и вернуться в базовый домашний лагерь, где после небольшого карантина можно будет приступить к дальнейшей работе. Поскольку работа исследователей других миров считалась вредной и опасной, то за свою жизнь, а средняя продолжительность жизни на Альготоре была около девяноста земных лет, можно было отправиться в экспедицию не более трёх раз. Обычно этого было достаточно для того, чтобы обеспечить себя на всю дальнейшую безбедную жизнь. Но если исследователи нарушали инструкции конфедерации, своевременно не возвращались или поглощали более дозволенного натуральной духовной пищи молодых миров, то вся их дальнейшая карьера, а также материальное благополучие прекращались навсегда. Наши пришельцы это прекрасно понимали, и всяческие либеральные мысли Гродбера являлись лишь предметом его внутренней философии, дозволенной только в экспедициях. Швапс же был воспитан более консервативно, к тому ж его природный романтизм позволял ему отчасти удовлетворять, свой духовный аппетит

внутренними ресурсами, и эта определённая самодостаточность вселяла в него уверенность, редкую для жителя Альготоры.

Плацкартные боковые места, доставшиеся Гродберу и Швапсу, находились примерно посередине вагона. Светало. Ритмичное постукивание колёс немного успокаивало пришельцев. И даже Гродбер смотрел на Швапса впервые за последнее время спокойным умиротворённым взглядом. За окном проплывали унылые пасторальные пейзажи, и казалось, что им не будет конца. Вдруг вдалеке, на самом горизонте, резко появился первый солнечный луч. Пронзив сонную, дремучую атмосферу своим великолепным сиянием, он тут же принялся раскрашивать заоконные картины в различные цвета. Палитра июльского утра вызывала восхищение. Отражённый от светло-зеленой берёзовой листвы солнечный свет всё ярче наполнял пространство. Блеск красных стволов сосен будто разрезал таёжный массив, как слоёный пирог. И даже болото, тянувшееся местами вдоль железнодорожных путей, казалось уже не мрачным, а каким-то волшебным, словно из своих вод оно родит не лягушек и пиявок, а прекрасную деву Афродиту, поющую серенады под перестук колёс. Завершал сказочную картину стереофонический птичий оркестр, проникающий внутрь через полуоткрытые окна, просыпающего вагона.

Заказав у проводницы чай с сахаром, Гродбер и Швапс, как самые обычные пассажиры, мирно смотрели в окно и, немного гремя подстаканниками, редкими глотками потягивали напиток. По мере возрастания количества просыпающихся людей их головы всё больше наполнялись чужими мыслями. Благородными и коварными, возвышенными и бесстыдными, творческими и бранными и многими, многими другими. Это было не то, что на Альготоре, народ был абсолютно уверен в своей безнаказанности, и без всякого стеснения думал о том, о чём хотел. Оказывается, эта милая бабушка ненавидит своего мужа, пьяницу – дедушку, с которым прожила, по её мыслям, пятьдесят лет, и имеет тайное желание когда-нибудь подсыпать ему в алкоголь мышьяк. А те две красивые девушки, беседующие о вступительных экзаменах в институт, готовы просто убить друг друга, потому что влюблены в одного и того же молодого человека. Ну а солидный мужчина, с деловым видом читающий газету на верхней полке, обманывает жену, и едет вместо командировки к любовнице. И что ужасней всего, вся эта компания потенциальных развратников и убийц мило беседует, шутит, желает друг другу доброго утра и даже хорошего настроения.

– И ведь на нашей планете так раньше жили. Какой ужас, – подумал Швапс.

– Я бы не торопился с выводами, – ответил ему Гродбер.

Под стук колёс и перезвон стаканов с чаем продолжал просыпаться весёлый плацкартный вагон, везущий потенциальных воров, мошенников, похотливых развратников, убийц и даже лжесвидетелей. Швапс с ужасом смотрел Гродберу в глаза, ему хотелось встать и закричать: «Люди, стыдитесь своих помыслов!» Но Гродбер вёл себя совсем по-другому – блеск его счаст-

ливых глаз выражал неопиcуемый восторг. Отсутствие ханжества и лицемерия, услужливости и подхалимства в человеческих мыслях заставляли счаcтьем сиять его глаза, а сердце пришельца от радости готово было выпрыгнуть из груди.

Около семи часов утра по радио зазвучала бодрая весёлая музыка. Народ ещё более оживился и эмоции, как брызги шампанского, заиграли через край. Теперь все думали о чём-то хорошем, большинство людей, видимо, благодаря музыке, находились в одном эмоциональном состоянии. Никто никому уже не желал смерти, все друг другу желали счастья и успеха. Музыка менялась ещё несколько раз, и всегда её эмоция захватывала большинство людей. Чужие мысли, как солнечный ветер, проносились через головы пришельцев. Обычное, рядовое утро землян показалось Гродберу и Швапсу кульминацией вакханалии вальпургиевой ночи. Видимо, когда в небольшом пространстве скапливается большое количество людей, от чужих мыслей не так легко отделаться. И так в эмоциональном экстазе наши герои докатились до городской станции.

Всю короткую июльскую ночь Егор Семёнович не сомкнул глаз. То ему чудилась налоговая проверка, то речка Ельцовка, в нескольких местах перегороженная сетями, и два любопытных браконьера с динамитными шашками. Лишь под утро, немного задремав, он тут же проснулся от странного сновидения. Ему снилась летающая тарелка, зависшая над деревней, а из иллюминаторов незнакомцы выбрасывали по страничке его квартальный отчет, и приговаривали страшными голосами: «С космосу мы».

Проснувшись, счетовод решил во что бы то не стало выяснить, кто же они такие. Перво-наперво, заглянув в контору своего лесозаготовительного предприятия, он убедился в сохранности бухгалтерской документации. Затем долго ходил вдоль реки, перескакивая с одного берега на другой, в поисках следов рыбного промысла и бивака. Окончательно убедившись в том, что в минувшие сутки рыбу в реке никто не ловил, Егор Семёнович озадачился. Вернувшись на место встречи с незнакомцами, он, словно спаниель, встал на четвереньки, и стал исследовать тропу, пытаясь определить, в каком месте следы людей, назвавшихся рыбаками, примкнули к лесу. Безошибочно определив по примятой траве и сломанным веткам след, Егор Семёнович отправился по нему в таёжную чащу. Несколько часов счетовод упорно плутал по тайге, след то пропадал, то появлялся опять и, наконец, азарт и настойчивость сделали своё дело. Егор Семёнович обнаружил на краю лесной поляны котлован в диаметре около десяти метров, укрытый пихтовыми и кедровыми ветками. В криминальном происхождении схрона счетовод даже не сомневался, и больше всего ему захотелось в тот момент убежать с этого места и навсегда забыть о происшедшем. Но Егор Семёнович понимал, что если хоть одним глазком он не заглянет под ветки и не удовлетворит своё разбушевавшееся любопытство, то как минимум ещё одна бессонная ночь ему обеспечена. Пересилив страх, счетовод осторожно приподнял крайнюю ветку, под ней блеснуло что-то металлическое. Убрав ещё несколько веток, Егор Семёнович

опешил. Перед ним была настоящая летающая тарелка, почти такая же, как из его страшного сна. Положив ветки на своё место, счетовод присел на колодину, валявшуюся неподалёку, и стал рассуждать. По его рассуждениям, если он сообщит о находке официальным властям, то в лучшем случае прославится, а в худшем информацию засекретят, а Егора Семёновича, если будет болтать про инопланетян, упекут в какой-нибудь сумасшедший дом. Пришельцы же показались ему людьми добрыми, не опасными, а значит, с ними можно будет договориться. И, может быть, они, за сохранение секрета или содействие в каких-нибудь земных вопросах, подарят Егору Семёновичу таблетку вечной молодости, машину времени или другое чудо из своих высоких технологий. Твёрдо решив держать в секрете информацию об инопланетянах, по возвращении в деревню счетовод оформил недельный отпуск, и на следующее утро отправился на поиски пришельцев.

Мирела работала в центре подготовки межпланетных экспедиций. Впервые за последние несколько лет, после отправки Гродбера и Швапса на Землю, она чувствовала себя одинокой. Мирела поняла: для того, чтобы быть счастливой, необходимо слышать любовь других. Важнейшее чувство с каждым годом всё больше и больше попиралось моралью и законами конфедерации. Браки давно уже совершались по общественному объективному усмотрению. К любви же, как и к проявлению всего субъективного, относились до определённого возраста как к детской болезни. Поскольку мысли человеческие были общедоступны, все важные открытия и решения делались как бы единым большим разумом, который заботился о человечестве в целом. И только тогда, когда житель Альготоры мог отказаться от всего личного, он в полной мере присоединялся к нему и служил общественным целям. Этот совершенный ум, исследуя своё подсознание, выдавал абсолютно рациональные решения. Мораль же поощряла всё, что служило ему. Люди добровольно отдавали себя во власть монстру, частью которого становились сами. Это было идеально управляемое общество, без правителей и подчинённых, без преступников и полиции. Просто человеческий мозг со временем становился клеткой единого мирового разума. Но Мирела, Гродбер и Швапс были в том возрасте, когда монстр ещё не полностью поглотил их. Он понимал, что некоторыми болезнями нужно переболеть в детстве, чтобы приобрести иммунитет, не занести инфекцию в общественное сознание, и относился к молодым людям довольно бережно, лишь направляя и подталкивая их в нужную для него сторону. Мирела же была довольно ярким, незаурядным человеком, и представляла некоторую опасность для общественного сознания, но в то же время и большую ценность. Ей не позволили полететь в экспедицию, так как там, без контроля общества, её субъективные качества могли получить дальнейшее развитие. А Гродбера со Швапсом, как людей постоянно стимулирующих её болезнь, отправили в экспедицию с необычным заданием для того, чтобы там их дольше задержать.

В небольшой городской гостинице Гродбер и Швапс сняли недорогой двухместный номер. Цель приезда в анкете указали совершенно честно – ко-

мандировка. И вот уже несколько дней, казалось бы, бесцельно слонялись по городу. Они почти привыкли к большим скоплениям людей, и их не всегда, казалось бы, пристойным мыслям. Избегали пришельцы лишь культурных заведений, дабы не перенасытить раньше времени свои мозги опасной информацией.

Город представился им несколько серым: тёмные от грязи фасады большинства домов, мало зелёных насаждений, а главное – большое количество автомобильного транспорта, который выделял в атмосферу едкий газ, сильно затрудняющий дыхание. Излюбленным же местом времяпрепровождения пришельцев оставался городской парк. Неказистые фонтаны, карусели и аттракционы, мороженое и другие сладости и, конечно же, несмолкающий детский смех производили на них день за днём всё более приятное впечатление. Поначалу пришельцы с трудом понимали, как люди могут искренне радоваться таким простым, незамысловатым вещам. Но по прошествии некоторого времени, психология землян становилась им более понятной. Удивительно гармоничный баланс между эмоциями и рациональными поступками, между общественным и личным, между любовью и гневом делал большинство людей счастливыми и беззаботными. Когда-то ведь он сломается, и эмоции поглотит рациональное мышление, общественное затмит личное, а любовь к детям, семье и друзьям перейдёт в ответственность за всё человечество. Но пока они счастливы, и живут, как будто бессмертны, а значит – могут творить и питать своим творчеством тех, кто во вселенной взял на себя ответственность за выживание всего человеческого вида.

В задание Гродбера и Швапса входило не только привести продукцию, составляющую наибольшую культурную ценность землян, но и проверить гипотезу о времени и пространстве. Было предположено, что всё происходящее во вселенной происходит где-то ещё, только в другом временном отрезке. Информация обо всём скапливается в космосе. И так как вселенная бесконечна, а материальный мир ограничен, то через какое-то время определённые процессы должны повторяться. Становится возможным путешествие в прошлое и будущее своих цивилизаций. Только для этого необходимо пересекать не время, а пространство. Земля же является наиболее похожей на Альготору планетой: одинаковые солнечные системы, климат, сильно схожая география. За время тысячелетней войны на Альготоре были утеряны практически все достоверные исторические знания. Поэтому Гродберу и Швапсу предстояло изучить историю землян, обычаи, нравы, перспективы развития и определить, является ли Альготора прототипом Земли. Предполагалось, что цивилизация копируется лишь в общих чертах, но какие-то знаковые события должны совпадать точно.

На станции Ельцовка Егор Семёнович Толокнин без особого интереса, осторожно попытался узнать про двух незнакомцев. Ему рассказали, что железнодорожник Василий, часто бывающий здесь по роду своей службы, выпивал с какими-то рыбаками, ожидая поезда. Но, как оказалось позднее, никакие они не рыбаки, поскольку уехали в город не только без рыбы, но и во-

обще без всякого багажа. По предположению дежурной по станции Валентины, это были проверяющие из города, приехавшие инкогнито в ельцовское лесозаготовительное предприятие, дабы вывести на чистую воду директора и его, Егора Семёновича, как приворовывающих государственный лес и не выплачивающих в полной мере заработную плату своим работникам. Легенда, придуманная железнодорожницей, отлично подходила счетоводу для оправдания интереса к приезду незнакомцев. Егор Семёнович сделал вид, что очень испугался, и, наведя справки о местонахождении Василия, отправился к нему на утреннем поезде. Всю короткую дорогу до станции, где живёт Василий, счетовод беспокоился, не взболтнули ли они ему чего спьяну. Или, может быть, Василий, имея проницательный ум, догадался сам, кто же они такие, и уже разболтал всем о прибытии инопланетян.

За бутылкой технического спирта, купленной Егором Семёновичем на станции у дефектоскопистов, Василий поведал счетоводу несколько удивительных историй из своей жизни. Особенно Егору Семёновичу понравилась последняя. Железнодорожник рассказал, что вчера, ожидая в Ельцовке утреннего поезда, встретил двух инопланетян. Те, пролетая куда-то в сторону Большой Медведицы, были вынуждены на Земле сделать аварийную остановку. Разыскивая механика для ремонта барахлящего двигателя своей летающей тарелки, они обратились к Василию. Тот после долгих уговоров согласился-таки им помочь. Осмотрев двухтактный двигатель внутреннего сгорания пятидесяти пяти лошадиных сил, Василий тут же определил неисправность. Продув свечи и, выпив с пришельцами за знакомство бутылку спирта, он вернулся на станцию, прилёг на скамейку и задремал, а те, видимо, полетели дальше по своим инопланетянским делам.

Домой на вечернем поезде Егор Семёнович возвращался в приподнятом настроении. Ощущение собственной значимости переполняло его. Умный, талантливый человек работает простым счетоводом, в конторе какого-то лесозаготовительного предприятия. Ни директор, ни насмешливые односельчане никогда не могли оценить его незаурядные способности. Но скоро всё изменится, все ещё узнают о том, какой замечательный человек так запросто проживал в Ельцовке. И Зинка ещё будет локти кусать, что предпочла ему какого-то шоферюгу-алкоголика. Так за приятными размышлениями Егор Семёнович добрался до дому. А наутро, собрав чемодан и все свои сбережения, отправился в город на поиски инопланетян.

Сны на Альготоре пока что являлись предметом, недоступным для общества. Но отличить сон от реальности редко кому под силу, и поэтому люди продолжали думать об общественном даже во сне. Мирела же была одной из немногих, кто отличал реальность от сновидений. И там, в глубинах своего подсознания, чувствуя себя в безопасности, она постепенно выстраивала свой мир. В её снах люди любили, спорили, смеялись, чувствовали себя легко и не принуждённо. Но через некоторое время в своих сновидениях она стала замечать незнакомых людей, наблюдающих за происходящим со стороны. Вскоре они стали общаться с Мирелой и объяснили ей, что благодаря

процедуре тирлинга люди, различающие реальность и сны, могут проникать друг другу в сновидения, и там в безопасности жить свободно. Но ни в коем случае не переносить мысли из снов в реальность и не искать друг друга наяву. Целый мир, спрятанный от общества. Но прежде чем сообщить эту тайну Миреле, посвящённые люди долго присматривались к ней, и открылись, только убедившись в том, что она неопасна. По началу сновидения воспринимались ею, как игра подсознания, но со временем для Мирелы новый мир становился всё более реальным. Свободное общество, своя мораль, законы и свой лидер, а главное, что можно любить и даже ненавидеть. Множество точек зрения на одни и те же вопросы, различные способности и таланты. Всё это разделило людей на несколько групп, противоборствующих друг другу. Одни, воспитанные более консервативно, воспринимали сновидения как игру или приключения, происходящие не всерьёз. Им нравилось устройство общества на Альготоре, предсказуемость и, следовательно, полная безопасность. Другие не были в восторге от того, что кто-то в реальной жизни читает их мысли и не позволяет им любить, но были убеждены в необходимости тирлинга, как гаранта мира и процветания. Третьи же относились ко всему происходящему на Альготоре очень критично, считая, что никакой мир и прогресс не стоят личного человеческого счастья. Многие, в том числе и Мирела, не примыкали ни к каким группам, их не интересовала политика вообще. Безусловным авторитетом в мире сновидений пользовался лишь один человек, лидер самой многочисленной центральной группы Окар, за свои тридцать два года уже дважды побывавший в экспедициях на других планетах. Именно он определял безопасность каждого, прежде чем открыть тайну. Прислушивались к нему и реакционисты, не раз призывавшие людей поднять бунт на Альготоре. Сделать это можно было лишь одним способом – проснувшись, всем вместе подключиться к общественному сознанию и внести смуту. Дальше поменять мировоззрение общества, и впоследствии отменить процедуру тирлинга. Но немногочисленная группа революционно настроенных людей не могла в одиночку смутить общество. В этом должен был участвовать весь мир сновидений и то, результат не может быть гарантирован. Поэтому реакционисты пытались всячески привлечь на свою сторону Окара, но дважды побывавши в молодых мирах, он видел войны и нестабильность, приносившие людям гораздо большие беды, чем отсутствие личного человеческого счастья.

В разлуке с Гродбером и Швапсом для Мирелы сновидения воспринимались больше как игра подсознания в свободу и любовь, и без реальной эмоциональной поддержки людей, любящих тебя, не имели большой ценности. Мирела обязана была поддерживать связь с Гродбером и Швапсом, но они должны придумать сами, как передать о себе информацию с Земли. Обычным коммуникатором колосубом сделать было это нереально, так как Альготору и Землю разделяло несколько световых лет.

Борис Израилевич Розенблюм, хоть и был человеком учёным и далеко ещё не старым, но ко всему современному относился с большой осторожно-

стью. Не так давно, около полугода назад, на свой сорок восьмой день рождения он наконец-таки был удостоен долгожданного звания профессора. Это событие немного изменило его жизнь, теперь всё чаще ученого эколога приглашали на различные конференции и симпозиумы. Борис Израилевич же, не теряя даром времени, собирал в многочисленных поездках материал для своей докторской диссертации. В этот раз учёному особенно повезло. Его пригласили на международную конференцию, посвященную внезапно возникшей проблеме вокруг озера Байкал. Информация же о надвигающейся экологической катастрофе, составляющая саму суть конференции, была строго засекречена. Проблема оказалась настолько серьёзной, что по решению политической власти страны в Сибирь были приглашены ведущие учёные всего мира. Дело в том, что месяц назад незначительное землетрясение, прошедшее незаметно для большинства жителей Бурятии, образовало на дне Байкала многокилометровую глубокую трещину, в которую стало стремительно уходить огромное озеро. Под давлением воды, трещина постоянно расширялась, создавая угрозу полностью поглотить Байкал, что, в свою очередь, непременно сказалось бы на экологии региона, да и всей планеты. Необходимо оценить масштабы угрозы, а также найти способ остановить или хотя бы уменьшить последствия экологической катастрофы. Поскольку время позволяло Борису Израилевичу не лететь самолётом, учёный решил воспользоваться услугами железнодорожного транспорта. Добираться поездом профессор любил. После столичной суеты он с удовольствием уходил в свои мысли в дороге, да и как человеку, преподающему экологию в университете, Борису Израилевичу было обычно приятно наблюдать за картинами природы, проплывающими за окнами ритмично стучащего поезда.

Недалеко отъехав от города, в комфортном двухместном купе профессор, аккуратно расстелив предварительно прочитанную газету, разложил на столике продукты, заботливо приготовленные женой: половина отварной курицы, два яйца, помидор, огурец, а также налитый в пластиковую бутылку из-под минералки клюквенный морс. Прежде чем приступить к трапезе, Борис Израилевич, как бы нагнетая аппетит, смотрел на скромное величие своего обеденного стола, и, вдыхая носом аромат отварной курицы, от удовольствия улыбался, приподнимая при этом свои роскошные чёрные брови. Вдруг двери купе отварились, и на пороге появилась девушка.

– Здравствуйте, – сказала незнакомка, доброжелательным, но вполне уверенным голосом, – я ваша соседка, меня зовут Марина, а вас? – ясные голубые глаза невозмутимо спокойно смотрели на попутчика, и лёгкая улыбка еле заметно коснулась уголков её рта.

– Борис, – профессор немного смутился, и через мгновение добавил чуть тише: – Израилевич.

За несколько секунд диалога Борис Израилевич, как человек опытный, успел довольно хорошо изучить девушку. Немного выше среднего роста, худощавая, негустые прямые пепельные волосы, стриженные чуть выше плеч. Всё это делало её похожей на мальчика-подростка. Умный взгляд и

чувственные большие губы выдавали в ней натуру одновременно рациональную и романтическую, а приветливость и доброжелательность были признаками хорошего воспитания. Профессор посчитал, что ему повезло – довольно приятно было бы провести несколько дней в обществе интересной девушки, к тому же не являющейся его студенткой.

– Не составите ли мне компанию? – Борис Израилевич показал рукой на разложенные на газете продукты.

– Я только что из-за стола, – спокойно произнесла девушка, – но от стакана чая бы не отказалась.

– Будьте добры, принесите, пожалуйста, – профессор обратился к стоящему позади попутчицы проводнику. Тот, кивнув головой, не торопясь удалился. Девушка вошла в купе, и, поставив не большую дорожную сумку на скамейку, присела за стол напротив Бориса Израилевича. Тот, не приступая к трапезе, продолжал смотреть на попутчицу, довольными, полными восхищения глазами.

– Далеко ли путь держите? – немного иронично, как-то по сказочному, произнёс профессор.

– За тридевять земель, в Сибирь, – голос девушки зажурчал, как весенний ручеек, а её лицо засветилось обаятельной лучистой улыбкой.

– Очень приятно, и я туда же, – уже не скрывая счастливого выражения лица, совсем довольным тоном произнёс Борис Израилевич.

Принесли чай, профессор понемногу приступил к трапезе. Продолжая диалог ни о чём, попутчики шутили, иногда обмениваясь улыбками. В перерывах между фразами Борис Израилевич напевал то песню варяжского гостя, то что-нибудь лёгкое из современной популярной музыки. Будучи человеком довольно сухим и скрупулёзным, профессор не понимал, что с ним происходит. Ему хотелось ехать так вечно, чтобы ритмично стучали колёса, за окном мелькали деревья, а пара сияющих голубых глаз, периодически восхищаясь его остроумием, с обожанием, не отрываясь смотрели на него.

Так прошёл день, один из самых приятных, или даже можно сказать, счастливых в жизни Бориса Израилевича. Засыпая, он ощущал удовольствие от присутствия на соседней скамейке прекрасной попутчицы, подарившей ему, человеку, редко получающему удовольствие от чего-либо, незабываемое впечатление. В эту минуту профессор думал, что если и есть на свете рай, то он должен быть именно таким.

Несколько дней слоняясь по городу, Егор Семёнович почти потерял надежду найти инопланетян. Завтра ему необходимо было возвращаться в Ельцовку. Настроения у счетовода поубавилось, и для получения хоть какой-то выгоды от тайны о пришельцах он стал обдумывать различные запасные варианты. Среди многочисленных корыстных мыслей в голове Егора Семёновича была и такая: мобилизовав ельцовских мужиков, работающих на его лесозаготовительном предприятии, устроить засаду и захватить тарелку вместе с инопланетянами. А затем, с трофеями, ему как триумфатору въехать в деревню на тракторе, как на белом коне, под аплодисменты восторженных

односельчан и журналистов. Когда Егор Семёнович представлял это, лицо его преображалось, осанка становилась, как у римского legionера в строю, а глаза горели доблестью и героизмом. Счетовод стал замечать, что прохожие на него как-то странно поглядывают, и для того, чтобы не привлекать лишнего внимания, Егор Семёнович направился в сторону городского парка, где на скамейке в тени густых деревьев он с большим удовольствием бы досконально обдумывал дальнейшие планы и предавался сладким мечтам. Не замечая ни детей с шариками, ни взрослых, празднично шатающихся по парку, счетовод стремительной деловой походкой, как бы пронзая отдыхающую толпу, проходил через аллею с аттракционами, затем он направился к густо растущим соснам и елям, среди которых на узких асфальтированных дорожках стояли немногочисленные скамейки. В вечернее время они были заполнены влюблёнными парочками, но в дневное можно было найти и свободную. Егор Семёнович издали заметил незанятую скамейку и быстро зашагал в её сторону, но когда до цели оставалось всего лишь несколько шагов, на неё плюхнулись двое отдыхающих мужчин. Проходя мимо, счетовод резко повернул голову для того, чтобы бросить недовольный взгляд в сторону конкурентов, и остолбенел: перед ним сидели, мирно покусывая вафельные стаканчики с мороженым, мило беседовали Гродбер и Швапс. Егор Семёнович смотрел на них не отводя глаз, и медленно успокаивался, суета покидала его тело, а выражение лица становилось, как у охотника, смотрящего на соболя, придавленного кулёмкой.

– Здравствуйте, – спокойно произнес счетовод, – разрешите присесть?

– Здравствуйте, – произнёс Швапс, немного засуетился, и хотел было встать, но Гродбер поймал его за плечо, затем спокойно сказал: – Присаживайтесь, – и отодвинулся от Швапса.

Счетовод расположился между друзей и, откинувшись на спинку скамьи, положил на неё локти, как бы приобняв собеседников. Его длинные руки были готовы схватить пришельцев, если те вдруг кинутся бежать.

– Я знаю про тарелку, и кто вы, – сказал Егор Семёнович.

– Мы поняли, – ответил ему Гродбер, – и что же вы хотите от нас? Но имейте в виду, – продолжил он, не дожидаясь ответа, – вы не сможете захватить наш корабль, поскольку мы управляем им прямо отсюда, и так как на Земле находится ещё один человек с нашей планеты, если с нами что-нибудь случится, то он позаботится о нас.

– Но всё-таки лучше, если я буду молчать, – ехидно улыбаясь, произнёс счетовод.

– Безусловно, – вступил в разговор Швапс.

– А что вы можете предложить мне? – глаза Егора Семёновича заблестели вожацкой корыстью. Наконец-таки он стоял в шаге от своей мечты, от того, чего хотел всю свою жизнь и к чему стремился. Ещё в школьные годы его не любили одноклассники, а будучи человеком молодым, Егор Семёнович был презираем девушками, у него никогда не было друзей, и даже деревенские собаки лаяли из всех дворов почему-то на него одного.

– Наверное, вы хотите, чтобы мы сделали вас счастливым? – Швапс заглянул в глаза счетовода, и Егор Семёнович впервые за много лет почувствовал взгляд человека, не имеющего к нему никакой насмешки. Пришелец смотрел на него добрыми бескорыстными глазами, как когда-то в детстве на него смотрела мама. Тёплый низкий голос Швапса прозвучал искренне и как-то серьёзно, словно он, пришелец с далёкой планеты, знал и понимал всё, что творилось в душе деревенского счетовода.

– Меня никто не любит, – выдавил из себя Егор Семёнович, – мне нужно что-то, чтобы они знали, чтобы они все поняли, что я... – счетовод опустил глаза и замолчал. Пришельцы продолжали смотреть на него с интересом, словно ожидали чего-то очень важного. Образовалась тишина, сквозь которую Егор Семёнович стал слышать детские весёлые голоса, летевшие от аллеи с аттракционами. Влюблённые парочки, иногда проходившие мимо, больше не раздражали его своим бездельным шатанием. Счетоводу стало вдруг хорошо и комфортно.

– Вы можете помочь нам, помочь всем людям на вашей планете, – как-то доверительно произнёс Гродбер.

– Не хочу – будто очнувшись от наваждения, с обидой сказал Егор Семёнович. Перед его глазами вновь проплыли дети, дразнящие и шпыняющие его на деревенской улице, шушукающиеся за спиной и показывающие на него пальцем односельчане – никому нет до меня дела, почему я должен им помогать?

– Но мы-то вас не обижали, – так же тепло и спокойно произнёс Швапс.

– Вы – нет, – счетовод немного успокоился и опустил руки со спинки скамьи себе на колени. – Я не хочу ничего и никому плохого, просто чтобы все узнали, какой я замечательный человек.

Швапс улыбнулся и как-то по-доброму, с небольшой иронией произнёс:

– Но в этом-то мы вам точно помочь сможем.

На вокзале небольшого сибирского городка, ожидая поезда, на одной из скамеек вдоль перрона расположились Гродбер, Швапс и Егор Семёнович. Пришельцы не скрывали волнения перед встречей с Мирелой. Счетовод же наоборот, находился в полном умиротворении. Он понимал важность происходящего момента, от него зависела судьба планеты. Егор Семёнович должен был поехать вместе с профессором экологии на конференцию и представить на ней план пришельцев по ликвидации байкальской катастрофы. Мирела же с Гродбером и Швапсом, пересев на другой поезд, отправятся в Ельцовку, а затем, как выполнившие свою задачу, на Альготору. Время вылета корабля было рассчитано так, что это произойдёт через час после доклада профессора и счетовода. Пришельцы же покинут Землю открыто, не маскируясь, для того, чтобы подтвердить сказанную информацию о своём визите.

Изучая Землю, Гродбер и Швапс обнаружили проблему, с которой для землян могут начаться большие неприятности. Ведь именно с исчезновением крупнейшего пресного озера на Альготоре начались события, которые при-

вели к экологической катастрофе и мировой тысячелетней войне. Сообщив об этом Миреле, они попросили помощи. Для решения проблемы на Альготоре были сделаны необходимые расчёты. В определённых точках, по всему периметру озера Байкал, на различных глубинах необходимо было заложить разные заряды, и одновременно взорвать их, тогда трещина сомкнётся. Чтобы произвести расчёты такой точности на Земле, потребовалось бы много времени, и озеро успело бы уйти. Ввиду важности поставленной задачи на Землю для помощи Гродберу и Швапсу было решено отправить ещё одного человека. Но о Миреле не могло быть и речи, и тогда Окар, из мира сновидений, употребил всё своё влияние, чтобы помочь девушке. Мирела была заброшена в другое место кораблём, который тут же покинул Землю.

Шел тёплый мелкий дождь, стоянка была объявлена в две минуты. Гудок прибывающего поезда приободрил ожидающих на перроне. Люди засуетились, стали продвигаться к своим вагонам. Зашевелился и Егор Семёнович, он посмотрел на пришельцев по-деловому, без сантиментов, кивнул головой и неторопливой уверенной походкой направился к замедляющему ход вагону. После полной остановки поезда из дверей вагона появилась Мирела, оглядев сверху вниз счетовода, она улыбнулась ему, а затем друзьям. Швапс подал руку, а Гродбер взял сумку. Девушка спустилась, поздоровалась, а затем, оглянувшись, бросила молчаливый взгляд на стоящего в дверях Бориса Израилевича. Тот, несмотря на уговор молчать, всё-таки бросил фразу:

– Даст Бог, увидимся!

– До свиданья, – ответила Мирела, и, повернув голову, направилась к помещению вокзала.

Друзья последовали за ней. Счетовод поднялся, поздоровался с профессором и не дожидаясь, пока тот закончит свои романтические переживания, пошёл внутрь вагона.

– И всё-таки ты не прав, Гродбер, что можно вообще жить без этого, не зная, что думает о тебе другой человек..., – друзья, продолжая спорить, скрылись в помещении вокзала.

Потехин Игорь Борисович

директор Студенческого клуба (КДЦ)

Родился в Красноярске. Учился в Красноярском государственном педагогическом университете. Работает в Красноярском государственном аграрном университете директором Студклуба (КДЦ).

Поэтическим и музыкальным творчеством увлекается с детских лет. Член Союза композиторов-песенников Красноярского края, член КРОО «Писатели Сибири». В соавторстве с поэтом, проректором КрасГАУ Галиной Ивановной Цугленок создал большое количество патриотических («Русь», «На берегу седого Енисея»...) и лирических песен («У камина», «Молитва», «Листопад»...).

Является автором многочисленных стихов и песен, в числе которых: Гимн КрасГАУ, Гимн парка флоры и фауны «Роев ручей», Гимн Железнодорожного района г. Красноярска, гимны и песни для различных спортивных и общественно значимых мероприятий («Красноярский городской Форум», «Российские железные дороги», «Стартуют все», «Красноярская железная дорога» и т.д.), автор музыкально-поэтических произведений молодёжной тематики («Гимн Краевого молодёжного движения ТОС», «Гимн Трудового отряда Главы города» и т.д.), детских песен, созданных для ДМЦ «Волшебный микрофон», СЭТ «Диез» и т.д.

Дважды становился Лауреатом Всероссийского телевизионного фестиваля «Россия молодая», победителем краевого поэтического конкурса «Король поэтов», лауреатом Открытого краевого фестиваля композиторов-песенников «Красноярская песня», победителем фестивалей бардовской песни и других фестивалей и конкурсов. Его стихи публиковались в периодической печати (газеты «Вечерний Красноярск», «Сегодняшняя газета», журнал

«День и ночь» и т.д.), различных поэтических сборниках, а также в авторских изданиях. Песни включены в городские музыкальные CD-сборники «Мой родной Красноярск», «Моё Отечество – 2005», «Моё Отечество – 2006», «Песни о Красноярске», «Чудо», «Страна волшебная», «Остров добра и любви», «На крыльях мечты» и т.д.

СКОРОБЕЙ

Судьбы виток
В делении дробей...
Как кипятка,
Песок, жук-скоробей,

Мрак пирамид,
Развалины веков... –
Привычный вид
Забывших берегов...

Обитель снов...
Давно открытый свет
Уже не нов –
Потерян в бездне лет...

И... вот итог
Далёкого пути
Бьёт, словно ток!..
И некуда идти...

А, может, толк
В делении дробей?..
Вновь на восток
Ползёт жук-скоробей...

«ТАК-РАЗ-ТАК»!

Как-то утром, «так-раз-так»,
Прозвучал невнятно
Гимн не тот, а может флаг
Вывесили в пятнах

И поехало-пошло
Всё на раскоряку,
Что попало расцвело
И полезло в драку...

Закружился хоровод
Катастроф-событий,
Разрушительных свобод,
Бедственных открытий!

В результате на земле
Появилось вскоре
Зло, возвращённое на зле,
И добро на горе...

Только утро рассвело,
Стало вдруг понятно –
Как всегда, не повезло
Всем невероятно!

Солнце в пятнах, словно флаг,
Выглядит устало...
Поскорей бы, «так-раз-так»,
Всё на место встало!

МОЛЬБА

Мольбу прости,
Судьба,
Нелепости
Раба...

Брать крепости –
Пальба,
Свиной пасти –
Гульба...

Свой крест нести –
Борьба,
Зло обрести –
«Труба»!

Опять в горсти
Пядь лба! –
Жизнь, как рок-стиль,
Груба!..

Себя спасти
Раба,
Рука грести
Слаба!

Мёд не в чести...
Губа
Врёт... Не простит
Судьба...

100 ЛЕТ

Неровный слог,
Неверный взгляд –
И жизнь не впрок
Сто лет подряд.

Берут разбег
За годом год.
Разливы рек
И звёзд восход,

Рассветы стран...
И их закат...
И кровь из ран,
И рай, и ад...

Смешалось всё
И навсегда –
Погосты сёл
И города...

Здесь юг, восток,
И запад здесь –
Над миром смог –
Столетия взвесь...

Земная твердь
Сквозь неба ртуть
Пророчит смерть,
Бьёт осью в грудь.

Прощальных строк
Нешадный смрад...
И нет дорог
В сто лет назад...

ЧТО ЗА ПРОЗА?

Времена «застоя»...
(Что за времена!)
Провожала стоя
Целая страна.

А потом на части
Всё разбилось вдруг
И осколки счастья
Выпали из рук.

Оказались разом
Люди не у дел,
Помутился разум,
Оскудел удел...

Хлынули напасти
Мутною рекой...
Непонятной масти
Карта под рукой.

Доигрались черти
(Что за времена!)... –
На пороге смерти
Целая страна!..

Ведь была когда-то
Всем землёй родной...
А теперь богата
Памятью одной...

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Побудь со мной, моя хорошая,
Давай до утренней зари
Забудем все обиды прошлые
И по душам поговорим...

Ну, хорошо, неужто спьяну я
Судьбу пытаюсь обмануть?..
Да только память вещь упрямая
Опять мешает мне уснуть!

Может быть, не всё потеряно
Может быть, вернётся вновь...
Из-за Тридевять-земелия
Первая моя любовь...

ПУТЬ...in...

Из цепких пут небытия
Новорожденная Россия
Вернётся на круги своя
Под флагом красным?..Белым?..Синим?..

Сойдёт на нет большой процесс
Невероятной перестройки... –
Всепобеждающ лишь прогресс
Вперёд летящей Птицы-тройки...

Траги-Космическая суть
Явления непостижима!..
Извечный трудный Русский путь –
Ничто... без властного режима...

Стоит, безмолвствуя, Народ
И смотрит на дела мирские...
А времени круговорот
Уносит имена людские...

Но на земных просторах пусть
Не забывается простое,
Похожее на слово Грусть –
Русь – имя самое святое!..

...На свете есть всего одна
Судьбой дарованная сила –
Надежде верная страна
Под флагом красно-бело-синим!

САМОАНАЛИЗ

Я уже недостаточно стар,
Чтобы помнить монгольское иго
И огромные орды татар...
Согласитесь, вот это интрига!..

Печенегов опасный набег
И смертельность хазарского крика
Я представить не в силах вовек!..
Согласитесь, вот это интрига!..

От российских родных берегов
Отгонять до победного мига
Не пришлось мне злодеев-врагов!..
Согласитесь, вот это интрига!..

Немцы, шведы, поляки, увы...
Факты, словно за фигою фига... –
Откровения Жизни-вдовы...
Согласитесь, вот это интрига!..

Исторический сверхбеспредел,
Сверхбезумия Высшая лига!..
«Вспомнить всё» – самый
страшный удел!..
Согласитесь, вот это интрига!..

Природа счастья не проста,
Как... свет, любовь и красота,
И вдохновенье, и мечта,
Как неземная высота,
Слиянье душ, и чистота...
Всё остальное – суета,
Прах, тлен, ничтожность, нищета...
И ничего тянуть кота
За хвост и прочие места!..
Природа счастья так свята,
Что всё иное – пустота...
И, вероятно, не проста,
Природа счастья – «ноль из ста»!

Взвесь на весах
Сейчас и здесь
Свет в небесах
Чудесный весь!..
...Или не весь ...
Не здесь ...
Не взвесь...

Кузнецов Павел Владимирович,
руководитель ансамбля народной песни «Беловодье»

Родился в 1960 г. в сибирском селе Берегаево Томской области. Закончил Абаканское музыкальное училище по классу баяна, режиссёрско-театральное отделение Кемеровского государственного института культуры.

Многогранность таланта, высокий профессионализм, преданность своему делу – основные качества, характеризующие П.В. Кузнецова. Поэт, композитор, певец и актер, режиссёр-постановщик театрализованных представлений, художественный руководитель ансамбля «Светочъ» и ансамбля народной песни «Беловодье» КрасГАУ.

Из биографии:

Творческое становление произошло в Красноярске: работа в Краевом центре народного творчества, постановки в качестве режиссёра и сценариста городских праздничных программ в рамках Дней города, двух торжественных открытий Международных турниров по вольной борьбе на призы И. Ярыгина, проводимых во Дворце спорта «Енисей» и БКЗ (1993–1994 гг.), бенефисов заслуженных артистов России Е. Кыштымовой и Л. Третьякова, оперетты «Летучая мышь», сольного концерта И. Кокова «Полёт орла».

Авторские работы в рамках проектов П.В. Кузнецова: «Жить одной судьбой – земля моя!», «Счастливый дом – живёт трудом!»;

«Энергия высокого напряжения» (правительственные концерты, посвященные профессиональным праздникам 2000–2003 гг.); 10-летний юбилей Республики Хакасия; 100 лет с. Аршаново; 150 лет с. Белый Яр; республиканский молодежный фестиваль «Весна в Хакасии» (триптих «Встречаемся! Любим! Верим!»); Первый Межрегиональный фестиваль эстрадной песни «Звёзды Хакасии» и многих других.

Постановки отмечены почётными грамотами и благодарственными письмами Правительства, Министерства сельского хозяйства и Министерства культуры Республики Хакасия, ОАО «Хакасэнерго». Успешно сотрудничает с хакасским телевидением, является героем многих телевизионных программ, создаёт цикл детских передач и музыкальных спектаклей. Он автор и режиссёр фильма «На берегах реки времени», в котором отражается тема казачества.

В 2001 г. П. Кузнецов пишет (мелодии и слова) для патриотического проекта «Светочь», открывая истоки нравственности, гражданственности, жизнелюбия и красоты в традициях народной песни. Сегодня в репертуаре «Светоча» около 40 авторских произведений. Его песни нашли отклик и добрую поддержку композитора А.Н. Пахмутовой и профессора, академика Н.К. Мешко. Прослушав первый аудиоальбом «Светоча», А.Н. Пахмутова пишет: «Это даже не стилизация русской народной песни, а естественная и органическая суть дарования автора».

В 2004 г. П.В. Кузнецов возвращается в Красноярский край, становится членом союза композиторов Красноярского края, лауреатом краевого и Все-сибирского фестивалей композиторов «Песня на Енисее» и «Поёт Россия» (Красноярск, 2008–2009 гг.). Его песни звучат на ведущих сценических площадках города и края.

В 2007–2009 гг. он лауреат российского мега-проекта А. Макаревича «День открытых дверей» на радио «Шансон» (Москва, 2007 г.).

ПРАВДА И ДОРОГА

Слова и музыка П.В. Кузнецова

Moderate ♩ = 90

Ска- жет бе- ла- мидея, ноч- ка у- хо- о- ди зна- стбзай день
Fm Bbm Eb Ab Fm Bbm

мо- вай. Лод- ка во- во- о- де перыш- ком ле- с- тит, провит дальний путь,
Db Ab Bbm Eb Ab Fm Bbm

Припев

что бы там, там, при- мажбже- го кры- пещ- ка там, там пос- ту- чу ви- там ко- де- шом.
C7 Fm Eb Db Ab Bbm Eb

Помни ме- ся ве- ра мо- с? А- а- а- а, а- а- а- а- а
Fm Eb Eb Db Db Gm Ab Ab

права и доро- га
C7 Fm

1-й куплет:

Скажет белый день:
«Ночка, уходи!»
Знает белый день, новый.
Лодка по воде перышком летит,
Правит дальний путь, что бы...

Припев:

Там, там...
Прямо с Божьего крылечка!
Там, там...
Постучу витым колечком!
«Помнишь меня? Вера моя!»
О-о-о-о-о-о-о-о-о!
Правда и дорога.

2-й куплет:

Станет говорить
Матушка свое,
Заплетая быль в небыль.
Тихо называть птицу за ручьем,
Да не позабыть мне бы...

Припев:

Там, там...
Прямо с Божьего крылечка!
Там, там...
Постучу витым колечком!
«Помнишь меня? Вера моя!»
О-о-о-о-о-о-о-о-о!
Правда и дорога.

Распев.

Припев:

Там, там...
Прямо с Божьего крылечка!
Там, там...
Постучу витым колечком!
«Помнишь меня? Вера моя!»
О-о-о-о-о-о-о-о-о!
Правда и дорога.
А-а-а...

РУССКАЯ ДУША

Слова и музыка П.В. Кузнецова

Moderate ♩ = 75

Сколько ты Рус-си-я мать, на ве-да-ла-ся, горьких криков на-ве-ку нас-ты-ла-ла-ся при-гу-

бе-ла-ка-ба-ка, горь-кая ка-пель-смерть, по-дру-го-му бы-да все, не ус-петь!

Привет
при-вет, да-ри-да-ри-да, доб-рый бог ко-ля-да! Где сир-отам луч-ше
нет вре-мя на пос-той, да са-ма то-ку-да?

Рус-ску-ю ду-шу может кон-ст-ней-си? А ей все рвет-ся ис-ту-ди

А-а-а, а-а-а, а-а-а, а

Chords: E7, Am, G, F, G, F, E7, Am, G, Am, Dm, C, G, F, E7, F, G, F, Am, G, Am, G, F, Dm, E7

1-й куплет:

Сколько ты, Россия-мать, навидалася,
Горьких криков на веку наслыхалася,
Пригубила в кабаках горьких капель смерть!
По-другому бы, да все не успеть!

Припев:

Придет дари-дари-да
Добрый Бог-Коляда!
Возьмет время на постой,
Да самим-то куда?
Где спрятать лучше
Русскую душу?
Что ли вовсе не найти,
А ей все рвется из груди!

Вокализ

2-й куплет:

Сколько ты, Россия-мать, натерпелася,
В злые очи наперед нагляделася,
Не успела сгоряча правду замолчать,
Вот и некому теперь причитать!

Припев:

Ой-да, дари-дари-да, полбеда – не беда!
В гости к радости пора, да все некогда!
Вот бы послушать русскую душу
Не за рубль, за пятак, а просто так!

Вокализ

Припев:

Ой-да, дари-дари-да, полбеда – не беда.
Красный звон да перезвон,
А в небе ягодна-а-а-а!

Вокализ

КОСАРИ

Слова и музыка П.В. Кузнецова

Moderate ♩ = 110

мо- ло- дой за- ре- не- е спит- ся Ве- та- ла ра- но по- во- о- ди- ну пой- дет
Со- вет си- не- с ко- о- ло- чко- ско- жет до- пуш- ке сло- о- во- ко- но- си

Fm D# Fm D# C#

Припев

бе- реж-ком ко- са- ри ко- са- ли траву- шку за- ле- ну- ю до- за- ри во- са- ли се- ми-це- ты лю- буш-кам
бе- ре- жно

D# G# D# G# G# C# D#

хо- ро- шо же- нить- ся на бо- га- той жи- це Да- ми- лей бе- ля- а- а- ва- я о- зар- на- я де- вуш-ка
Fm C# D# Cm G# Fm A#m

о- зар- на- я де- вуш-ка! а- а- а- а- а!

C# D# G#

1-й куплет:

Молодой заре не спится,
Встала рано по водицу!
Пойдет бережком.
Совьет синее колечко,
Скажет девушке словечко:
«Носи бережно!»

Припев:

Косари косили травушку зеленую,
До зари носили семицветы Любушкам!
Хорошо жениться на богатой жнице,
Да милей белявая озорная девушка!
Озорная девушка!
А-а-а-а-а...

2-й куплет:

Слышит русское приволье –
За рекою в чистом поле
Поет иволга!
По загаданной примете
Молодая на рассвете
Найдет милого!

Припев:

Косари косили травушку зеленую,
До зари носили семицветы Любушкам!
Хорошо жениться на богатой жнице,
Да милей белявая озорная девушка!
Озорная девушка!
А-а-а-а-а...

Припев.

А-а-а-а-а...

Припев.

Удовицин Олег Александрович (11.10.1932 – 2011),

*кандидат сельскохозяйственных наук, старший научный сотрудник,
зав. лабораторией СибНИПТИЖа*

Родился в г. Твери, в семье служащих. Во время войны в 1943 году одиннадцатилетний Олег попал в военный оркестр при Калининском Суворовском военном училище. Здесь отслужил семь лет в качестве воспитанника военного оркестра и три года – кадровой службы. После армии окончил факультет зоотехники Приморского сельскохозяйственного института, и работал старшим научным сотрудником Калининской (Тверской) сельскохозяйственной опытной станции. Поступил на очное отделение аспирантуры Всесоюзного института животноводства и в 1973 году защитил диссертацию на учёную степень кандидата сельскохозяйственных наук.

В 1975 году приехал в Красноярск в создаваемый в то время институт животноводства (КрасНИПТИЖ) заведующим лабораторией свиноводства, где и работал до 2005 года. Является автором нового типа больших белых свиней марки СМ-1. Имеет два авторских свидетельства на изобретения, медали: «Изобретатель СССР», «Участник ВДНХ СССР», опубликовано 45 научных работ, 7 промышленных рекомендаций.

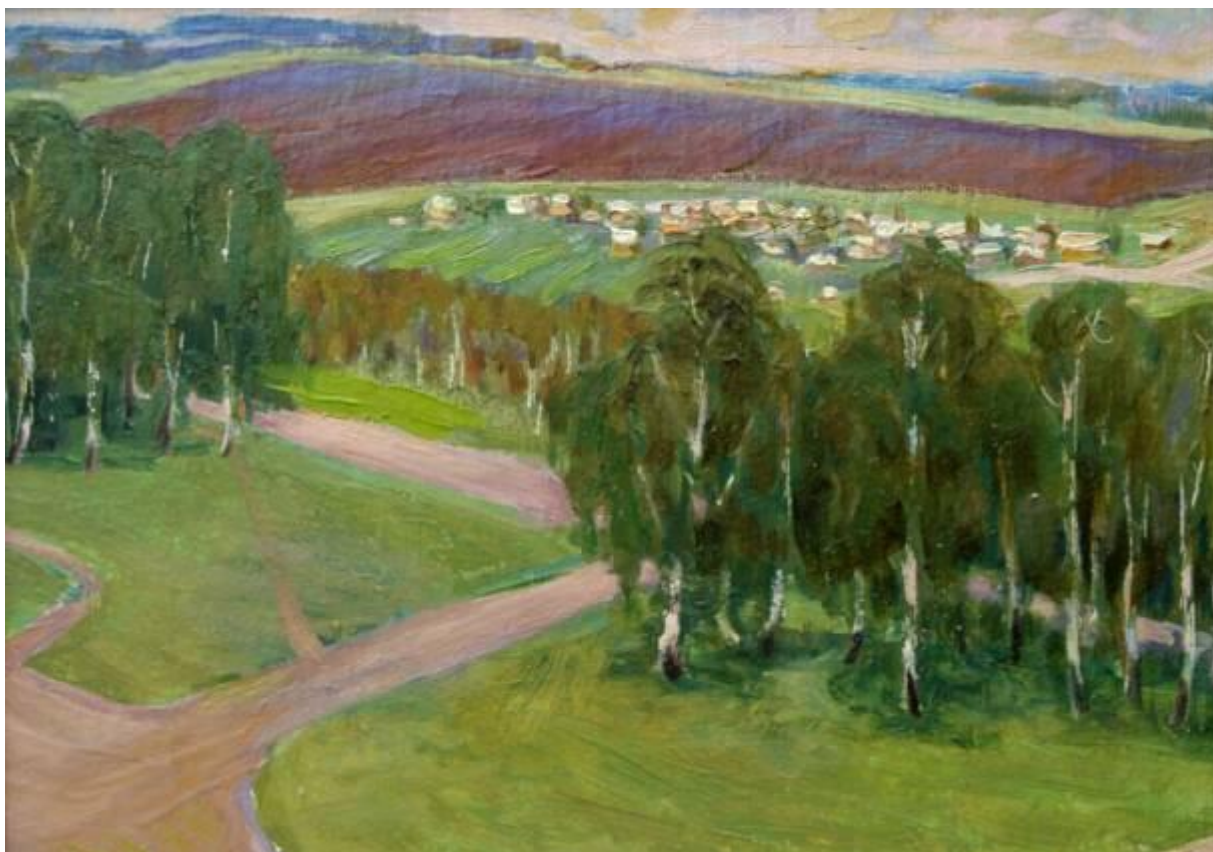
Ещё в Суворовском училище увлёкся живописью и это увлечение пронёс через всю жизнь. Любовь к родной природе привязала его к пленэрной живописи. Он мастер этюда. И он уверен, что только натура – живая природа – формирует в человеке художника. Человека можно научить рисовать, научить писать красками, но научить видеть в природе и передавать на холсте душевное состояние, музыку, поэзию этой природы может только наделён-

ный даром человек. Его этюды и картины отличаются своей простотой и обобщенностью, отсутствием деталей, но в них всегда выражено главное душевное состояние человека и природы и деревни – говорил о нём Василь-кевич С.А., тоже художник.

/ сведения из архива ГНУ КрасНИПТИЖ СО РАСХН /

О.А. Удовицин. **Этюд. Весенний разлив.** 2005 г., картон, масло, 32 × 45 см

О.А. Удовин. **Этюд. Вид с балкона санатория «Загорье».**
2000 г., картон, масло, 25 × 35 см

О.А. Удовин. **Этюд. Протока реки Тубы.** 2005 г., картон, масло, 36 × 46 см

О.А. Удовин. **Этюд. Ручей в Тайге.** 2003 г., картон, масло, 25 × 35 см

О.А. Удовин. **Этюд. Река Чулым.** 2005 г., картон, масло, 19 × 26 см

О.А. Удовицин. **Этюд. Река Волга.** 1970 г., картон, масло, 35 × 50 см

О.А. Удовицин. **Этюд. Деревня Долматово.** 1946 г., картон, масло, 35 × 51 см

О.А. Удовин. **Этюд. Пасмурный день.** 2005 г., картон, масло, 24 × 34 см

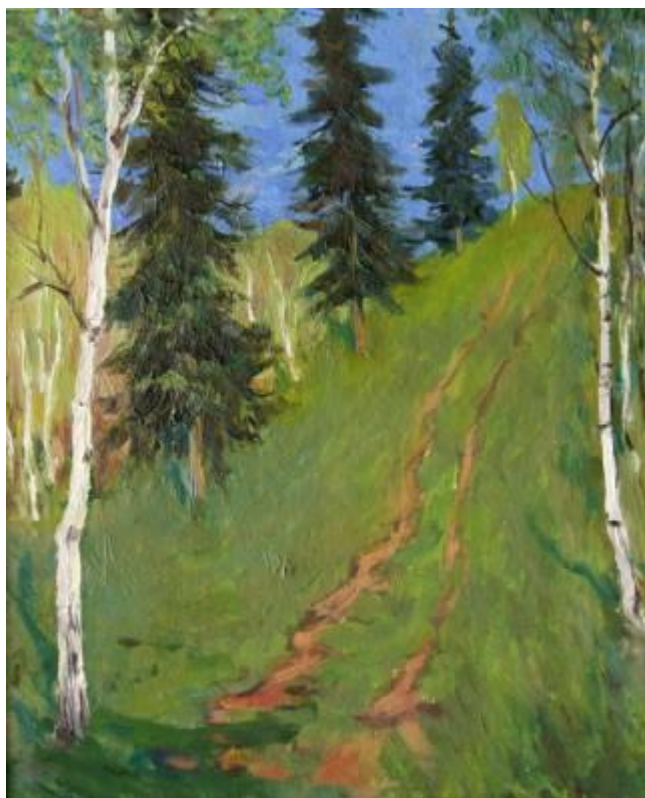
О.А. Удовин. **Этюд. Перелески.** 1976 г., картон, масло, 26 × 34 см

О.А. Удовицин. **Этюд. Последний луч.** 1971 г., картон, масло, 23 × 33 см

О.А. Удовицин. **Этюд. Дерево в поле.** 1981 г., картон, масло, 29 × 35 см

О.А. Удовин. **Этюд. Ели на пригорке.** 1990 г., картон, масло, 29 × 35 см

О.А. Удовин. **Этюд. Роща в посёлке Удачный.** 2002 г., картон, масло, 25 × 34 см

О.А. Удовицин. Этюд. **Серый день.** 2002 г., картон, масло, 18 × 24 см

Линев Александр Фёдорович (1938 г.р.),
профессор кафедры агрохимии и агроэкологии,
ведущий научный сотрудник КНИИСХа

Родился в г. Луга Ленинградской области. Окончил Ленинградский сельскохозяйственный институт. С 1961 года и по сей день работает в Красноярском НИИСХ. Сейчас ведущий научный сотрудник лаборатории агрохимии и агроэкологии.

Публиковаться начал с 90-х годов (газета «Красноярский рабочий», журнал «День и ночь»). Участник литературного портала «Что хочет автор».

ВЕНЕРА

(автобиографический рассказ)

Впервые я услышал это загадочное имя на конюшне, в голодном 1945 году, сразу после окончания войны. Мы жили тогда в эвакуации в Саратовской области, в совхозе. Мама работала дояркой, а отца, только что вернувшегося с фронта, где он был тяжело ранен в ногу и прихрамывал после лечения в госпитале, поставили конюхом. Мне было 7 лет, а брату Вите – десять. Конечно, мы многие часы пропадали на конном дворе, помогали, как могли, отцу и пленному мадьяру Шандору, который работал шорником – чи-

нил сбрую, делал очень красивые уздечки с чеканкой. Шандор часто рассказывал нам о своей семье, о родине, иногда напевал свои необычно для нас звучащие песни. Русских слов он знал немного и говорил с таким невероятным акцентом и путал ударения, что мы падали от хохота, но все-таки понимали его. В плен он попал под Сталинградом.

Воспоминания о военном времени у меня связаны прежде всего с постоянным чувством голода. Эвакуируясь под бомбежкой из Луги в июле 1941 года с первым эшелоном оборудования завода «Красный тигель», где мама работала формовщицей, а отец – слесарем, мы не сумели захватить с собою продуктов и одежды. Мать, кроме меня с Витей, захватила только чемодан самых необходимых вещей, рассчитывая, что все остальное привезет нам отец со вторым эшелоном. Он остался вместе с бригадой готовить к отправке этот эшелон.

Но начались тяжелые бои под Лугой, заводских рабочих «сняли с брони», и в отряде защитников города из них стали срочно готовить истребителей танков. Отца и его товарищей учили маскироваться и забрасывать танки гранатами и бутылками с горючей смесью. Так война надолго разлучила нас с отцом, и много-много лиха пришлось хлебнуть нашей великой труженице маме, чтобы уберечь нас в то трудное время. Мы, как и другие семьи, голодали. Из КЭЧи от шефов в совхоз привозили, как большой подарок, крошки сухарей и выдавали семьям, где были маленькие дети и кормящие матери. Вначале такой хлебный корм был по килограмму на ребенка в месяц. Я тогда думал, что КЭЧ – это какой-то склад или магазин. Но в начале лета первого послевоенного года в совхоз из КЭЧи пригнали лошадей. В войну лошадей в совхозе почти не было – все они были мобилизованы и работали в основном на быках. От отца я тогда и узнал, что КЭЧ – это конно-эксплуатационная часть, готовящая лошадей для кавалерии и для других нужд Красной армии.

Лошади (десятка четыре) представляли собой своеобразный зоопарк. Они были совершенно невиданных нами мастей, величины и осанки. Но главное – многие из них побывали на фронте.

Огромный гнедой, с великолепной выправкой и выучкой конь Орел глядел на мир отрешенно, глазами полными воспоминаний, наверное, о потерянном друге-хозяине, которого он не смог вынести из боя. Он даже вздыхал и кашлял по-человечески. Конь был страшно истощен: хребет, как поставленная на ребро доска, обозначился по всей его спине. На шее к груди тянулся широкий грубый шрам с точечками по краям, как шнуровка на ботинках. Мы сообразили, что это были проколы для шнурка, которым стягивали края огромной раны. Мужики говорили, что конь побывал «в запале» и обречен.

Полной противоположностью Орлу был Кабыздох – так сразу же прозвали маленького монгольского коня. Его абсолютно невозможно было использовать в упряжке, поэтому он всегда оставался в конюшне, на подхвате, детишкам на радость. Ездить на нем верхом было для нас огромным удовольствием, особенно когда надо было разыскать и пригнать на базу быков.

Венера была из породы тяжеловозов. Окрас ее чалой масти слагался из трех оттенков: сероватого, коричневатого и красноватого. В войну лошадь служила в артиллерии и потеряла глаз. Вдобавок у нее приключилась какая-то болезнь кожи – вся спина и бока были покрыты отвратительной коростой, которая при движении лопалась. Тогда по плечам лошади тянулись потеки липкой крови, и мухи жадно кружились над нею. Особенно сильно досаждали они ей в жаркую погоду, поэтому мы реже других лошадей выводили Венеру из стойла. Но лошадь была вполне справная, сильная – такие позарез нужны были в хозяйстве. По совету ветеринара мы с отцом стали регулярно смазывать спину Венеры дегтем. Она только вздрагивала, когда ей было больно, и ласково трогала нас теплыми губами. С одеждой у нас было совсем плохо, все лето мы бегали без рубах, и эти теплые прикосновения лошади в холодке конюшни были очень приятны.

Вскоре короста с Венеры стала отпадать, под ней появился мягкий блестящий волос. Лошадь преобразилась, ожила. Какое счастье было, когда нам разрешили ездить на ней верхом, а потом и запрягать! Стоило вывести ее из конюшни, как она безошибочно определяла, в какие сани или телегу ее запрягут, подходила с нужной стороны и сама вставала в оглобли. Поднимешь тяжелый хомут – и Венера, ловко продев в него голову, проталкивает его на свою мощную шею. Все это делалось без суеты, красиво. И так же красиво, с удовольствием, Венера принималась за работу, чаще всего самую тяжелую и важную.

После возвращения в Лугу, когда я уже учился в пятом классе, на каникулах нас повезли в Ленинград, на экскурсию в Эрмитаж. На Дворцовой площади, около Эрмитажа, нас поразила огромная очередь исстрадавшихся за войну ленинградцев, в большинстве своем очень скромно одетых, на фоне которых и наши неказистые одежды не слишком бросались в глаза. Очередь в музей не иссякала в течение всего дня. Пускали бесплатно, через определенный интервал. Школьников, тем более приезжих, пропускали без очереди.

В раздевалке нам дали большие тапочки, мы надели их поверх своей обуви и отправились в реальное путешествие по стране чудес. Да, все было чудом! Идеальная чистота, блеск золота и хрусталя, невероятное количество редчайших работ известных, а еще чаще неизвестных мастеров всех времен. После руин Луги, где многие семьи маялись, живя в сохранившихся подвалах, а некоторые и в землянках, полуразвалин Гатчинского дворца, мимо которых мы проехали по пути в Ленинград, музей оставил неизгладимое впечатление. Нам думалось: как же удалось сохранить эти национальные сокровища в такое неимоверно тяжелое для страны время?!

В зале древней живописи я долго, так что дружки стали подшучивать надо мной, стоял перед большой картиной «Рождение Афродиты». Перед группой изумленных крестьянок острова Кипр из морской пены, в море света, поднялась прекрасная Женщина, и люди застыли перед ее красотой. Я уже хорошо знал этот сюжет из прочитанного, но картина и величие музея подняли в сердце волну воспоминаний. Я вспомнил наши мытарства в

эвакуации, изможденную тяжелой работой маму, безногих, изуродованных инвалидов, которых было так много в первые послевоенные годы. Я вспомнил Венеру – прекрасную лошадь из моего голодного босоногого детства.

Я уже знал, что Венерой древние римляне называли богиню любви и красоты, а у древних греков она звалась Афродитой. Что знаменитая скульптура «Венера Милосская», работа ваятеля, грека Александра это сама Афродита с острова Мелос.

Много позже, во время учебы в сельскохозяйственном институте в городе Пушкине, я неоднократно бывал в Эрмитаже, Русском музее, музеях Москвы. Изображения «Спящей Венеры» разными художниками чаще всего не вызывали у меня чувства гармонии, не совпадали с тем, самым первым, сильным впечатлением от картины «Рождение Афродиты». Это были какие-то простоватые, дородные матроны, как бы нарочно приземленные художниками. Но постепенно я понял, что в этих образах художники выражают главное и трудное предназначение богини – давать и оберегать жизнь и радость. И тогда мне стало ясно, почему неизвестный мне человек дал лошади-тяжеловозу имя Венера. Очевидно, он был художником, художником в душе. И это качество присуще всем мастерам своего дела на земле.

1992 г.

ОБРУЧАЛЬНОЕ КОЛЬЦО

(рассказ)

Осень вступила в свои права. На березах, окружавших огороды нашей деревенской улицы, отдельные ветки желтыми прядями резко выделялись на темно-зеленом фоне. Почему они так рано пожелтели? Наверное, какая-то древесная болезнь коснулась их, подорвала жизненные силы. Так и у человека ранняя седина – это сигнал неблагополучия, напоминание о неизбежности исхода. Вряд ли кто испытывает радость, обнаружив у себя седину, а носить искусственную может позволить себе только самовлюбленный баловник, не сомневающийся в своем здоровье.

Мои неторопливые размышления были прерваны тем, что на соседнем огороде я увидел бабку Марфу – наши дома стояли рядом, крыльцо в крыльцо, и я хорошо знал и уважал эту трудолюбивую и приветливую женщину. Она жила в семье своей дочери Ксении. Ксения была очень похожа на мать, и, видя их рядом, я ловил себя на мысли, что человек стареет и меняется незаметно для себя, хотя стоит внимательнее взглянуть на своих родителей, чтобы увидеть себя в будущем.

Я знал, что соседи выкопали картошку еще два дня назад, поэтому удивился, что Марфа, почти не разгибаясь, упорно копается в огороде. Она аккуратно убирала ботву, а потом буквально просеивала землю руками, методично двигаясь по участку. Иногда она находила и бросала в ведро пропу-

щенные клубни, но они ее мало интересовали. Она что-то искала в земле. Я окликнул ее, поздоровался и спросил:

– Что вы ищете, Марфа Егоровна?

Она поправила измазанными землей руками платок и горестно поведала:

– Ксения помогала картошку копать, а какая из нее помощница – только что из больницы вернулась, и представляешь, – утеряла обручальное кольцо. Раньше его невозможно было снять с пальца, а теперь изболелась, сильно похудела, кольцо и соскользнуло. Вот ищу, маюсь.

– А что же Ксения не помогает?

– Да вчера весь день копалась, плакала, а сегодня слегла – опять ее болезнь корежит да мучит.

– Ну а Алексей Павлович? – спросил я о муже Ксении, работавшем в ремонтных мастерских совхоза.

– Помогал, да нет с него толку – весь в работе, уборка ведь... Я уже тайком следом за ним все перекопала. Считаю, половину огорода прошла, еще дня на два осталось. Лишь бы погода постояла. Может, бог даст, найду. А уж так надо найти, так надо...

Старушка заплакала, утерлась концом платка и, горько вздохнув, снова принялась за поиски.

Говорят, чужая жизнь – потемки, но когда долго живешь с соседями, многое о них знаешь. Муж Ксении – здоровяк и большой флегматик, с неба звезд не хватал, но дело свое знал и, главное, почти не пил. А это огромное достоинство в деревне. Жили они с Ксенией хорошо, в достатке и дружно. Трое детей были обихожены, хозяйство содержалось в порядке, во многом благодаря хлопотам бабки Марфы, но и не без участия сильных рук Алексея Павловича.

Все бы ладно, но последние два года Ксения стала часто болеть. А тут прошел слух, что ее Алексей погуливает – связался с учетчицей из бухгалтерии. Может быть, никакой связи и не было, но сплетня дошла до Ксении и совсем не способствовала ее выздоровлению. А тут еще кольцо потерялось! Есть о чем обеспокоиться – уж очень плохая и верная примета семейной драмы. Вот и борется бабка Марфа с бедой, как может. И она не сдастся, пока не сделает все для Ксении!

– Ксения могла потерять кольцо где-то во дворе...

– Нет, по всему, здесь оно, на огороде, – размышляла Марфа.

Сама она никогда не имела колец и украшений. Подумав об этом, Марфа грустно улыбнулась, вспомнив своего покойного мужа Семена, с которым плохо или хорошо прожила почти пятьдесят лет... Какие кольца? Сколько черной тяжелой работы она переделала вот этими руками! Четверых детей подняли с Семеном – троих сынов и Ксению. И все выучились, живут безбедно, у всех детишки – внуки ее. Дочь она любит по-особому, не так, как сыновей. Марфа видит в ней себя, свое продолжение в жизни. Она чувствует, что Ксения понимает главное в их бабьей доле – держать семью в любви и дружбе, в ласке и взаимной помощи. Достаток придет тогда как бы сам со-

бой, если хорошо работать. Но и в достатке жить нелегко, а может быть, еще труднее. Дележ, когда есть что делить, – это всегда раздор, угроза для семейного согласия.

«Ах, дети, дети! Живите в совете...» – эту заповедь Марфа взяла у своей матери. Как промелькнула жизнь... «Только бы у Ксении все получилось, только бы не разошлись», – вздыхает Марфа.

Ксения у нее послевоенная. Когда Семен, израненный, вернулся в 1946 году в деревню (пришлось ему воевать и с Германией, и с Японией), Марфа, которой было уже под сорок, и не думала, что еще может родить после надрывной, полной изнурительного труда, голода и постоянной тревоги за детей, за Семена жизни в военное лихолетье.

А Семен? Вернувшись почти полным кавалером ордена Славы, что он творил в тот год! Он стал страшно пить, играл по ночам в карты со своими друзьями. Однажды пришел домой в исподнем белье – все проиграл, вчистую.

Ксения! Она тогда сильно помогла Марфе вернуть Семена к жизни... .

Когда он узнал, что Марфа забеременела, у него был нервный срыв. Марфа и сейчас помнит, как Семен неудержимо рыдал и бился у нее на груди, посылая себе и всему миру невнятные тяжкие проклятия. Она целовала его, плакала вместе с ним, их слезы мешались, и со слезами уходила боль, уходила война. Потом Семен уснул – большой, беспомощный и такой близкий да пригожий! Такой, каким она его помнила, какого всегда ждала.

С того дня все в их жизни пошло, как надо. Дружная работа по дому, по хозяйству. И на производстве у них все ладилось: Марфа – лучшая телятница в районе, орден получила, Семен за свои комбайнерские успехи награжден. Хорошо им жилось, грех жаловаться!

«И зачем люди украшают руки кольцами и перстнями? – думает Марфа. – Если бы по совести награждать и украшать руки за работу – самое время нацепить бы мне колец». От этой мысли Марфе стало стыдно. Она представила сверкающие безделушки на своих скрюченных ревматизмом пальцах. «Вот, старая, о чем размышлялась, – виновато усмехнулась она. – Безделушки, безделицы, как их можно совместить с делом, которым занималась всю жизнь? Телята бы засматривались и не давали положенных привесов!»

«Да, жизнь пошла намного лучше, чем бывало, но почему люди стали легко разводиться? – сокрушается Марфа. – Где же все-таки кольцо могло потеряться? Может быть, здесь, где картошку подсушивали, а потом сортировали на крупную и семена? Тут все утоптанно, нужно смотреть лучше, комки разминать. Ах ты, горе!»

Марфа взяла грабли и осторожно стала боронить уплотненный слой земли. Что-то блеснуло. Неужели?! Сердце у Марфы замерло. Она повторно провела граблями и в комке земли увидела желтую горбушечку кольца. Вот оно! Марфа бережно очистила кольцо от земли, протерла платком. Колечко заиграло под солнцем на ее почерневшей ладони.

«Вот и славно! Молодец, бабка, нашла-таки Ксенино счастье! – успокоенно и с гордостью похвалила она себя. – Да еще больше двух ведер картошки набрала, пригодится».

Ксения лежала на кровати и внимательно смотрела на мать. По каким-то только ей понятным признакам она догадалась, что кольцо нашлось, но боялась спугнуть радость. Марфа подошла к ней, разжала ладонь.

– Держи, доча, да больше не теряй!

Ксения припала к материнской руке, гладила ее, целовала, плакала, улыбалась.

– Спасибо тебе, мама, родная моя, моя любимая... Ты не тревожься, все у нас наладится с Алексеем. Я тут лежала и загадала: если кольцо найдется, то я обязательно поправлюсь... И о чем мне нужно с Алексеем поговорить, я все обдумала и все сделаю, чтобы мы были вместе.

– Ну вот и хорошо, вот и ладно, – Марфа гладила дочь по голове, как когда-то давно, когда та была еще маленькой белокурой девочкой...

На душе у нее полегчало, но тревога сжалась и затаилась в груди, и еще долго будет жить там вместе с другими тревогами, которые пока вмещает ее сердце.

...На остановке «Детский мир» народу было немного. Я ждал автобус.

– Ксения, не крути пакет – оторвутся ручки, что тогда будем делать с покупками? – раздалось рядом.

Я посмотрел на девочку с довольно редким в наше время именем – ей было лет шесть-семь, беленькая, в легком платьишке, курносенькая, что-то в ней было явно деревенское. Когда женщина, делавшая ей замечание, повернулась ко мне лицом, я узнал Марфу... Нет! Конечно, это была Ксения! Но теперь она еще больше походила на свою мать... Я подошел.

– Здравствуйте, Ксения Семеновна! Не узнаете меня? Она посмотрела удивленно, потом разулыбалась:

– Здравствуйте! Теперь узнала... Почти двадцать лет минуло, как вы уехали в город, в тот год еще мама моя умерла... Вот с внучкой приехали делать покупки к школе – первоклассница она. Едем на вокзал, скоро наша электричка.

– Как живете, Ксения? Слышу, и внучку назвали вашим именем.

– Да! Это невестка так захотела, теперь вот две Ксении у нас, бабушка и внучка... Живем мы хорошо. Алексей еще работает, а я второй год на пенсии – занимаюсь внучатами да по хозяйству...

– Ксюша, дай-ка я застегну тебе пальто – ветер холодный, – прервала она вдруг наш разговор.

Она подняла руку, и на пальце блеснуло кольцо – то самое.

Коротаев Валерий Тихонович,
кандидат технических наук, доцент

Родился 31 августа 1928 г. в г. Чусовая Пермской области. В 1946 г. поступил в Челябинский политехнический институт, который закончил в 1951 г. После окончания института работал на Челябинском тракторном заводе инженером, затем поступил в аспирантуру, которую успешно закончил с защитой диссертации. После аспирантуры работал главным инженером на Долматовской и Юргомыжской МТС.

В Красноярск приехал в 1965 году и поступил на работу в КСХИ на должность доцента кафедры сельхозмашин, затем работал директором Студгородка, и с 1995 года – комендантом павильона механизации. Стихи начал писать с 1955 года.

ДУМА О ДЕМОКРАТИИ

Не думал, не предполагал, чтоб человек у нас, ветеран,
Так трудно жил, достоинство теряя, как ныне, друг,
Давай-ка посидим, поразмышляем:
Что, как и почему за бедности чертой, на дне,
На грани нищеты и лишними мы оказались вдруг.
И до сих пор в том состояньи пребываем.

На Запад обращая благосклонный взор
Не рановато ли так рано кинулись «ребятки»
Анафеме предав, могилу рыть социализму?
Не смотря на путь России, судьбе наперекор,
 голову сломя,
 на ощупь,
 без оглядки

Под шум о демократии бежать к капитализму.
Мираж успеха рассыпался как утренний туман,
Надеемся: смысл здравый должен победить!
Созреет демократия единством большинства в народе,
Которая действительно помочь способна нам,
 как не пытайся выживать,
 ... а жить ! – ...

Опыт отчизны уважать, не быть жестокими к природе.
Такая демократия, приняв устойчивый характер,
Развяжет руки экономике больной, коррупции в плену,
В зачатъе пресечёт рождение террора актов,
Власть немедленно обяжет: волю исполнять народа!
Причины беспредела устранив, изъяв чудовище войну –
В той демократии: ... и зрелость, и природы
 материальная основа на то есть,
Страна богата ресурсами природными
 и обещаний властей не перечесть.

Всё это хорошо, об этом знают,
 Россияне улучшения жизни ожидают.
И верить хочется, что всё ТО может быть.
Почувствовать на деле,
 не на словах,
 и не в речах!

В России давным-давно мечтаем:
 придёт желанная пора нормально жить
 на зрелой демократии плечах.
Достоинство и смысл жизни осознаем!

РОДНОЕ ПОЛЕ

Звёздочки яркие блекнут, скрываются
Белый туман полосой расстилается.
Месяц ясны по небу шатается
И вдали голубой растворяется.
Солнца диск золотой нарождается
И Жар-птицей в тумане купается.
Поле хлебами, как море, колышется –
Голос приветливый, радостный слышится.
По цветочным коврам, сквозь просторы бескрайние
Вьются бархатной лентой дороженьки дальние.
И как колос звенит и зерном наливаются,
Гул моторов и шум над рекой разливается.
Птицы песни поют, всюду люди вокруг появляются –
– Золотая страда начинается.

2011 г.

ПЕРВЫЕ РОССИЙСКИЕ И СЕЛЬСКИЕ ...

Шушенское в праздничном убранстве
Трепещут, в солнечных лучах играя
Лозунги, знамёна, транспаранты –
О первых российских сельских играх сообщая.

Бодрствует, волнуется, ликует стадион.
В парке зелени роскошной утопает
Свежестью его и красотой напоён
Чудесной музыкой, мелодией встречает.

Долгожданное начало игр. Парад.
Трибуны полные, оратор говорит. Всё молчит.
Гром аплодисментов много раз подряд.
Снова тишина. Гимн Отечества торжественно звучит.

Нарушив тишину, из-за ворот бегут
Избранники по гаревой дорожке чистой.
Гордо, с достоинством, торжественно несут
От Красноярска вымпел игр Российских.

По традиции с горящим факелом по кругу пробежал
У главной праздничной трибуны чемпиону передал, и
Тот, вверх по лестнице, взбежав, на чаше пьедестала
Факелом зажжёт огонь – заполыхало пламя!

Видятся спортивного мгновения картины:
Веселье, радость, указания, призывы.
Сил молодых и ветеранов опыт зримый
Куют победы, достижения, порывы.

Шушенские встречи: тепло от воспоминаний,
Интересных сельских спортивных дней,
Больших свершений, надежд, желаний –
Надолго в памяти останутся людей.

2011 г.

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

*Посвящается жене
Валентине Ивановне*

Люблю тебя, моя желанная,
Как ты волнуешься и ждёшь
Мгновенья жизни, сердцем данные,
От которых не уйдёшь.

Люблю тебя, моя красивая,
Как ты движешься, поёшь.
И за слова твои шутливые,
Что на других я не похож.

Люблю – моя трудолюбивая –
Уют, тепло, что создаёшь,
И делаешь семью счастливою
Дурман, в которую не вхож.

Люблю улыбку твою нежную,
Руки на плечи, что кладёшь,
Люблю всегда, люблю по-прежнему,
Какя есть, какой живёшь.

Люблю за всё, моя хорошая.
За то, что носишь юбку в клёш
И чувства наши, в сердце вросшие,
Свято чтишь и бережёшь!

2011 г.

ЖИЗНЬ ПАЛАТЫ

В краевой больничной келье
Все встречаемся впервые.
С одной единственной целью:
Подлечить сердца больные.
 Ознакомясь меж собою,
 Боль познав друг друга,
 Становимся общностью одною –
 Коротать часы досуга.
Жизнь в палате продолжая –
Лечимся и отдыхаем.
Дружный говор улыбки порождая:
Мгновения жизни вспоминаем.
 А уходя домой,
 прощаясь
 крепко сжатыми руками –
Выглядим уже другими:
С подкреплёнными сердцами и
Более близкими такими.
Дома день-другой денёк –
Каждый из нас об этом знает:
Жизни палаты огонёк
В памяти не погасает.

2011 г.

8 МАРТА

Дорогие наши женщины!
С праздником 8-е Марта,
Международным женским днём –
Все мужчины поздравляем!
 Долголетия кавказского
 и сибирского здоровья,
 Радости, успехов, счастья –
 Как в семье, так и на работе
 От всей души мы вам желаем.
Чтоб всегда вы были верными,
Нежными, обаятельными, чуткими,
Свято в любовь и дружбу верили,
Дружили с юмором и шутками.
 Что б вас мужчины понимали
 Ваши душевные страдания
 и бессонницу ночей

Ревность глупую прочь гнали
Глубоко осознавая поцелуи
и объятия
и сияние очей.
2011 г.

ПЕРВОМАЙ

Первомай шагает по планете
от Чикагских стачек бывших –
До солидарности трудящихся всех стран.
Охвативший оба полушария
Протянувший руки мира, дружбы
через экватор и меридианы.

Он для всех народов очень ценен
Праздник братства, солидарности, весны.
Полон сил, надежд, больших свершений и
Бодрости, веселья, красоты.

2011 г.

***Лукин Николай Николаевич,**
доктор философских наук, профессор*

Работает в КрасГАУ с 1986 года: на кафедре философии, теории и истории государства и права юридического института КрасГАУ. Окончил с отличием Красноярский государственный педагогический институт, историко-филологический факультет. Работал на кафедре педагогики и психологии в КГПИ, на кафедре философии в КГМИ, в КИЦМе и СибЮИ.

Является член-корреспондентом Международной академии ноосферы, членом Международной федерации конфликтологии (Калуга, Институт социологии), членом координационного совета при Государственной универсальной научной библиотеке Красноярского края, членом Наблюдательного совета муниципального автономного учреждения культуры г. Красноярска, парка флоры и фауны «Роев ручей».

Основная сфера научных интересов – проблемы культурно-исторического творчества в системе опережающего информационно-экологического непрерывного поликультурного образования. Общее количество научных работ более 320, из которых 23 монографии и научно-методических пособия. Их основная направленность – проблема творчества в сфере культуры.

Является ведущим научным сотрудником Института проблем непрерывного образования Российской академии образования. Член учёного совета ИПНО РАО и учёного Совета Красноярского филиала Университета Российской академии образования.

Разработал спецкурсы философско-правового направления в сферах права, менеджмента, образования, патриотического воспитания и ряд др. Подготовил двух магистрантов, обучающихся за рубежом (Ирландия, г. Корк) и Канада (г. Виктория, округ Британская Колумбия) по Болонской версии. Один из них готовится к защите докторской диссертации в области

юриспруденции и работе в данной сфере в качестве эксперта ООН, либо эксперта Совета Европы.

Награждён Почётной Грамотой Законодательного Собрания Красноярского края за успехи в научной образовательной деятельности (2007), благодарственными письмами Института проблем непрерывного образования РАО и Красноярским филиалом университета Российской академии образования (2011, 2012).

*«Я хочу, чтобы жизнь продолжалась
По суровым, по десантным законам.
Я хочу, чтобы жизнь продолжалась
По гвардейским, по десантным законам!»*

(Из репертуара ансамбля
«Голубые береты»)

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ

На мшистом, топком берегу
Стоял сарай колхозный.
А от берёзы на лугу
Струился дух берёзный.

Как на Стрелке Енисея
Родился водоворот
На углу стоит Аптека –
Никто замуж не берёт.

Через пень, через колоду,
Через «Крайпотребсоюз»,
Помогите, ради бога –
Я с начальством расстаюсь.

Товарищу Гайдину

Товарищ Гайдин – вы большой политик,
Познав зигзаги жизни как никто,
Себя вы показали как великий аналитик!
В Китае бы поставили вам «сто»!

(почти «по-Пушкину»)

Властитель слабый и лукавый
Плешивый щёголь – враг труда,
Нечаянно пригретый славой
Над нами властвовал тогда.

Его мы очень тихим знали
Когда, не наши, повара
Его изрядно пощипали
У милицейского шатра.

Тот год прошёл, он стал потише.
И скоро – силою вещей:
Он очутился на ... юр - факе
И правил там работой всей.

А.И. Погребняку

Я зашёл к Погребняку,
Выпить рюмку коньяку,
И товарищ Погребняк
Не зажил свой коньяк.

Будем мы к нему ходить
Тот коньяк почаще пить.
Чтоб товарищ Погребняк
Сам не выпил свой коньяк.

Медицинский этюд

Никто так не любил сто грамм
Как наш зав. кафедрой – Ваграм!
Лишь я подумаю: «Ваграм» –
Как вижу пред собой: сто грамм!
Когда ходили мы к Ваграму
Не забывали двести грамм.

А.В. Бастрону

Чтоб не бояться нам Кунгсонов
Изобрели прибор весомый.
Изобретателя – на трон!
Его зовут: Андрей Бастрон!

И вот Бастрон уже на троне
«Кунгсонов» не боимся мы,
С прибором, им изобретённым,
Для безопасности страны!

*Профессору К****

В.П. Каширин! Вы – Большой Политик!
Куда бы вас ни бросила судьба,
Себе вы подбираете таких, как тётя Галя, –
Зачем Вам эта наша жизнь – борьба?!

*Валерию В****

Товарищ Власов! Вы – Большой Учёный!
Во всех науках знаете Вы толк.
Освоив очень прочно философию науки,
Вы покорили Запад и Восток!

Этюды о «Сантехнике»

Он говорит всегда красиво.
Дар этот, видно, Богом дан!
Он Шахом был бы на Востоке –
Ведь он теперь – Сантехник-сан!

Сантехник самых честных правил
Когда не в шутку занемог,
Мыслишку так одну заправил,
Что прочитать три дня не мог!

В делах своих всегда прекрасен!
Ему несут букеты роз.
И путь его высок и ясен:
Ведь он – Сантехник-виртуоз.

Знай всё о сантехнике, только с ней
Станешь строителем радостных дней.

Г.Н.

Музей! Как много в этом звуке
Для сердца нашего слилось!
Как много в нём отозвалось!

Ивану Ивановичу

Здравствуй, Ваня Полищук!
Ты привёз мне много щук?
Щук сегодня больше нет,
Ешь спокойно свой обед!

Возвращение

По несчастью или к счастью истина проста:
Никогда не возвращайся в прежние места.
Даже если пепелище выглядит вполне,
Не найти того, что ищешь, ни тебе, ни мне.

За потерянное детство ты меня прости.
И скажу тебе, как брату, душу не мути.
А не то умчусь на санках в валенках зимой
В тот далекий сорок пятый, брат мой, не с тобой.

Я уеду в сорок пятый, где, о боже мой,
Будет мама молодая и отец живой!

Размышления на тему

О спорт! Ты – мир!

Философия и рынок

Философия – не наука, а предмет ширпотреба,
так как все – философы.

Экзамен

Учись, не учись – ЕГЭ все поправит.

Лингвисту

Борьба за языковую норму – дело перспективное:
чем больше и дольше борешься, тем хуже результат.

*Этюд о философии
Муки творчества (из уральского цикла)*

Пусть Ким не думает о творчестве теперь,
И Плотников не мудрствует лукаво.
Ведь ясно: нынче творчество та щель,
В которую пролезть пора настала!

1976 г.

*Юристу
Jus estars boni et aequi Cels
(Риторический вопрос)*

Пускай юрист не пуп Земли,
Но все же обществу он нужен.
Ты знаешь нормативы на зубок,
А вот с гуманитарным знаньем дружен?

Проснись, юрист, довольно спать!
Взгляни вокруг на мира краски.
И ты увидишь, как прекрасен он,
Как много в нем добра и ласки!

Раздумье

Влюбиться – так просто!
Но если любить, без страха любить, без искусства,
Любимым всю душу свою отдавать –
Прекраснее на свете нет чувства!

Однажды к тебе это чувство придет.
Храни, береги его, помни:
Сквозь бури, невзгоды оно поведет –
Всю жизнь твою счастьем наполнит!

Оно не стареет, не тонет – горит,
Как солнце средь бурь и ненастья.
Теплом своим, светом тебя озарит
Венец лучезарного счастья!

А если однажды его ты предашь,
Не бойся за это ты мщенья.
Любви, что ушла, ты уже не вернешь –
Останутся только мгновенья!

1982 г.

Власов Валерий Александрович,

*кандидат юридических наук, зам. директора юридического института
по науке и инновационному развитию КрасГАУ*

Родился 8 мая 1970 г. в поселке Афицкий Северского района Краснодарского края. В 1987 поступил и в 1988 г. окончил с отличием СПТУ-129 г. Ленинграда по специальности: «электромонтер по обслуживанию электрооборудования». С 1988 по 1990 г. – служба в рядах Советской армии в воздушно-десантных войсках. В 1990 поступил и в 1995 г. окончил с отличием очное отделение юридического факультета Воронежского государственного университета по специальности «юриспруденция». В 2003 г. успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук. С 2006 г. – доцент. С 1999 г. и по настоящее время работает заместителем директора юридического института по науке и инновационному развитию Красноярского государственного аграрного университета. С 2001 по 2003 г. исполнял обязанности заведующего кафедрой «Теория и история государства и права».

Основные направления научной деятельности: договорные отношения аграрных товаропроизводителей, государственный и муниципальный заказ, защита прав предпринимателей в аграрном секторе экономики, экономико-правовые аспекты земельных отношений, проблема качества законов в Российской Федерации и в Красноярском крае.

Научные публикации: автор более 130 научных, учебных и учебно-методических работ, среди которых монография «Правовое регулирование закупок сельскохозяйственной продукции для государственных и муниципальных нужд: история, теория, практика».

Награды и звания: орден «Почета и славы», медаль Вернадского В.И. (РАЕ), медаль «Десантное братство», медаль «Воздушно-десантным войскам 75 лет», член-корреспондент Российской академии естественных наук (г. Москва), действительный член Европейской академии естественных наук (г. Ганновер, Германия), действительный член Международной академии экономических и социальных наук (г. Рим, Италия), член Российской академии юридических наук (г. Москва), победитель конкурса по рейтингу в номинации «Лучший старший преподаватель КрасГАУ по НИР» (2002, 2003 гг.), второе место в конкурсе по рейтингу в номинации «Лучший доцент КрасГАУ по НИР» (2005 г.), третье место в конкурсе по рейтингу в номинации «Лучший доцент КрасГАУ по НИР» (2009 г.). Награжден почётной грамотой Ассоциации юридических вузов Российской Федерации (г. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова). «Мужчина года в Красноярске» – абсолютный победитель первого конкурса современного мужчины «Мистер Красноярск – 2007» (обладатель главного приза и приза «зрительских симпатий»).

Печатался в литературном альманахе «Русло» (2010 г.), в творческом сборнике преподавателей КрасГАУ «...Золотые нити...» (2010 г.), в литературно-художественном журнале «Литература Сибири» (2009 г.), в сборнике поэзии «Поэзия на Енисее» (2010 г.).

РЖАКА (ВЕСЕЛЫЙ ЮМОР)

*«... Села муха на варенье –
Вот и всё стихотворенье...»
(Детское стихотворение)*

Села муха на меня,
Получается – стишня.

Села муха на поэта,
Пролетала Муза где-то.

Села муха на подушку,
Ничего себе игрушка!

Села муха на свисток,
Улетела в потолок.

Села муха на иглу,
Почти пришили к полотну.

Села муха на горшок,
Что за чудный?... запашок.

Села муха на окно,
И да здоровствует кино!

Села муха на медок,
И прилип её задок!

Села муха на стакан,
Мы ведь в доле, пьянчуган!

Села муха на шашлык,
Здравствуй – мясо! Я твой дрыг!

Села муха на бревно...
Её – не заметило оно.

Села муха на трамвай,
Где ты муха?... Ай-ай-ай.

Села муха на вагон,
Далеко уехал он...

Села муха на коня,
Есть прикольная скачня.

Села муха на оленя,
Чуть не выросли рога!

Села муха на пловца,
Вот и ловля на живца!

Села муха на муха,
Есть мухейная семья.

Села муха на огонь,
Долеталась... Упокой!

ОБОЮДНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Шли мы с Надей по опушке,
Забрели в чудесный лес,
И Надюшка, покрасневшись,
Вдруг призналась:
«Мой... единственный... навек!»

Приобняв её за плечи,
Скрывая грешные мечты,
Я ей шептал: «Тобой я просто очарован
И без ума от красоты!»

Кунгс Ян Александрович,

профессор, кафедры системозенергетики, кандидат технических наук

Родился в г.Рига. Окончил Сибирский технологический институт, факультет механики в 1961 году. В 1974 году защитил кандидатскую диссертацию. В 1991 году присвоено учёное звание профессора. Трудовая деятельность началась в «Красноярскэнерго», начальником лаборатории. Более 20 лет работал в системе Министерства цветных металлов: заведовал отраслевой научно-исследовательской лабораторией электроосвещения, был спецуполномоченным министерства на Братском алюминиевом заводе по вопросам энергоиспользования. С 1991 года работает в КрасГАУ.

Специалист по проблемам освещения и облучения, экономики энергетики. Член-корреспондент Академии аграрного образования, член-корреспондент КНЦ МАН ВШ РФ, академический советник Российской академии технологических наук, член-корреспондент САН ВШ и Академии наук ВШ. Заслуженный энергетик РФ, член Мировой ассоциации латышских академических учёных и преподавателей вузов (Нью-Йорк, США).

Опубликовано около 200 научных работ и изобретений, в т.ч. 8 монографий и учебных пособий.

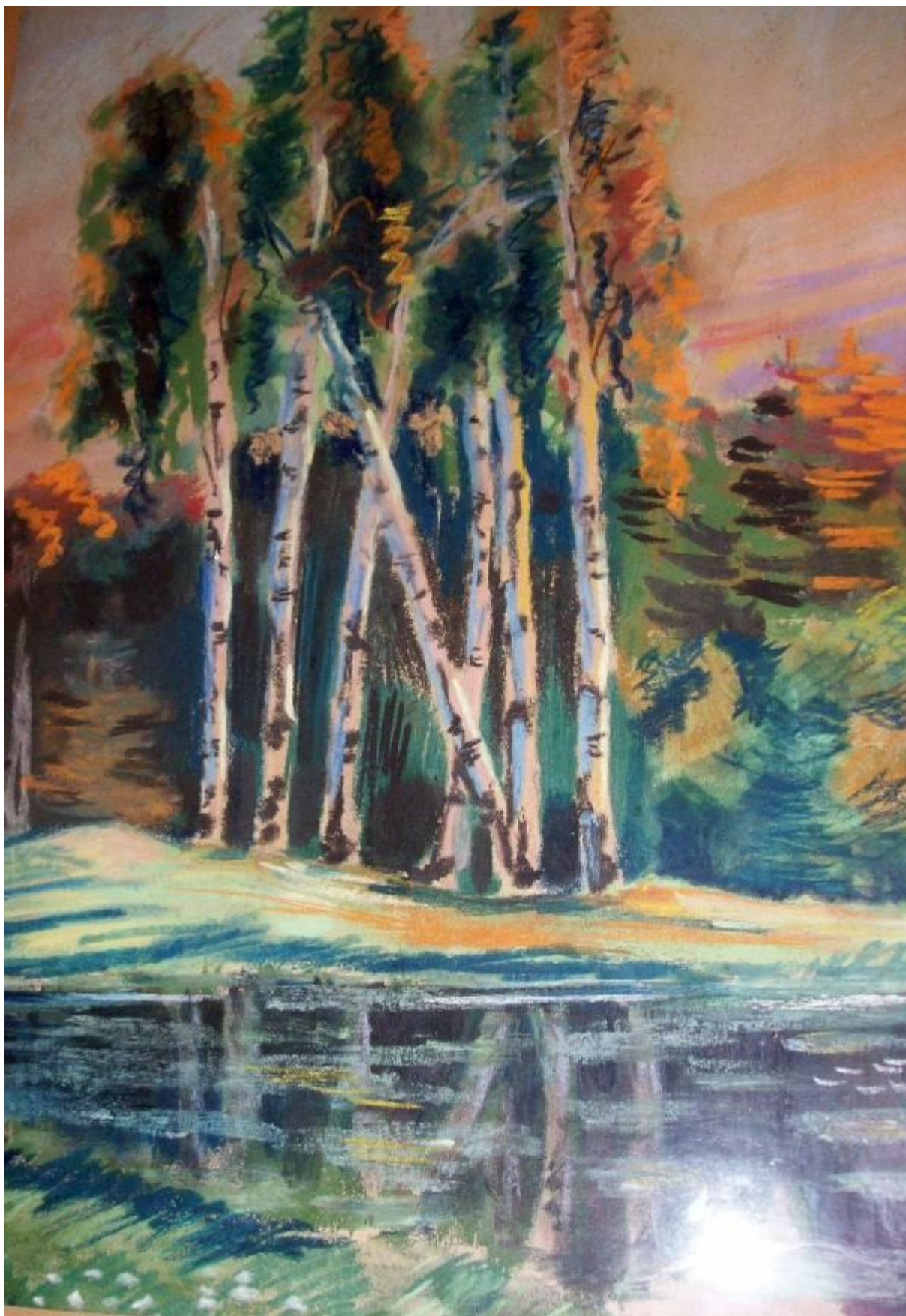
Награждён: Благодарственным письмом главы города за вклад в развитие энергетического комплекса города, за разработку программ энергосбережения, 2001 г.; Благодарственным письмом Департамента кадровой политики и образования Минсельхоза России за многолетний добросовестный

труд в системе высшего аграрного образования 2003 г.; Почётной грамотой губернатора Красноярского края за активную научную деятельность и подготовку высококвалифицированных специалистов 2003 г.; нагрудным знаком «Ветеран труда КрасГАУ» 2003 г.; нагрудным знаком «Трудовая слава II-й степени КрасГАУ» 2003 г.; нагрудным знаком «Трудовая слава III-й степени КрасГАУ» 2003 г.; Благодарственным письмом председателя СибРУМЦ за высокое качество экспертизы учебных пособий СибРУМЦа 2004 г.; Дипломом Лауреата профессорской премии главы города 2010 г.; нагрудным знаком «Лауреат премии КрасГАУ» 2005 г.; нагрудным знаком «Трудовая слава I-й степени» 2005 г.; Почетной грамотой управления агропромышленного комплекса Администрации Красноярского края за добросовестный труд и большой личный вклад в подготовку специалистов АПК 2005 г.; Почетной грамотой Законодательного Собрания Красноярского края за значительный вклад в подготовку специалистов АПК 2011 г.; нагрудным знаком «Почетный профессор КрасГАУ» 2012 г.

С детства рисовал. Все свободное время посвящал этому занятию. Учился у художника Яна Бректе. В 1948 году на выставке молодых художников Латвии занял второе призовое место.

Я.А. Кунгис. **Зеленя**. 1983 г., темпера, картон, 21 × 27 см

Я.А. Кунгс. **Абрамцевские берёзы. Вечер.** 1975 г., пастель, бумага, 26 × 40 см

Павловский Валерий Владимирович,

*доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой социальной психологии и педагогики*

Работает в вузе с 1996 года. С сентября 2002 по сентябрь 2010 года уезжал из края по семейным обстоятельствам и в нашем вузе не работал. С июня 2011 г. возглавил вновь открытую кафедру социальной психологии и педагогики в юридическом институте.

Научные интересы в области социальной философии – ювентология (наука о молодёжи).

Опубликовано более 30 научных статей.

Мысли формируются и складываются в афоризмы, мысли возникают в размышлениях о жизни, её многообразии, серьёзных и смешных её сторонах.

МЫСЛИ МОИ ПО СЛУЧАЮ

ОБЩЕСТВО

Вся современная жизнь общества построена на антагонизмах, парадоксах, на том, что никак не укладывается в нормальную человеческую логику. Многие же люди думают и действуют поверхностно и свыклись с тем, что происходит вокруг.

Современное общество несправедливо, многие люди погрязли в пороках – особенно представители господствующих классов, поэтому такое общество не может существовать очень долго – оно скоро распадётся, разрушится.

Общество, которое развлекается убийством людей, *обречено*. Это – приближение его конца, это – извращённые, разлагающиеся: сознание, чувства и деятельность людей.

Собрание – весьма важная форма *личного, непосредственного* взаимодействия людей при обсуждении определённых вопросов.

Какое время, какое общество, такие и памятники.

Каждый человек должен осознавать свою роль и своё положение в обществе и делать всё от него зависящее для развития общества и самого себя, своей личности, *не противопоставляя одно другому!*

Навязывание обществу (в телерадиопередачах, газетах, журналах, книгах, видео и т.д.) гомосексуализма и лесбиянства, ничего, кроме презрения и возмущения, не вызывает. Некоторые зарабатывают деньги и известность на извращениях больных людей.

Все закономерности, *непосредственно* связанные с обществом, носят *альтернативный, амбивалентный* характер.

Особенность действия этих закономерностей в том, что в различные исторические периоды доминирует то один, то другой их полюс. Поскольку же в реальной истории очевиден в целом общественный прогресс, то это значит, что *позитивные* полярности этих закономерностей *преобладают*.

Нужны узаконенные проекты развития городов и регионов на 25, 50 и более лет вперёд. Настало время думать и о далёком будущем, *соразмеряя* свою сегодняшнюю деятельность с этим будущим.

Примерно каждые 15 лет в современном обществе созревает качественно новая возрастная группа молодёжи. Появляется *новая молодёжь*, не похожая на старую.

США – страна мигрантов, бывших рабов из Африки, частично истреблённых и изгнанных со своих земель аборигенов.

В чужой и чуждой стране не переоценивай свои силы.

Чем больше город, тем больше в нём анонимность общения людей.

Город полон соблазнов, а человек нередко (или слишком часто?) бывает слаб.

США: чем знаменитее «звезда», тем безнравственнее она.

Войны провоцируются «элитой» господствующих классов, а ведут их трудящиеся, массы молодых людей. Обычно против воли народов их втягивают в массовые кровопролития.

У людей, живущих в горах и на возвышенностях, и людей, живущих в низинах, формируются разные психики и различные мировосприятия.

У сельских жителей, попадающих в большой город, формируется комплекс неполноценности, часто неосознаваемый ими. Он может проявляться в восторгах перед городом, его людьми, или, наоборот, в неприятии, в непонимании его и т.д.

Домашние собаки, кошки и другие животные как компенсация отчуждения человека в обществе.

Свободное время людей не свободно от общества, в котором они живут.

Малые наглости и капризы со временем становятся большими наглостями и капризами, если их никто не останавливает и если общество способно этому.

Половая распущенность не может быть *идеалом* и *нормой* в *нормальном* цивилизованном обществе. Если общество разлагается и идёт к своей гибели – другое дело.

Попрошайничество, нищенство – это тупик, это путь в никуда.

Участившиеся случаи драк мужчин с женщинами – признак деградации общества.

Только на разуме, совести и согласии с природой можно построить новый мир.

Современный строй портит, развращает многих людей. Капитализм изжил себя как общественный порядок.

Контрреволюция – это тоже перерыв постепенности в развитии общества.

Гуманизм ненасилия – вот идеал будущего общества.

Распадающиеся империи губят целые народы.

Можно утверждать, что в XX веке ломка старого, революции произошли *во всех сферах* и *областях* человеческой жизнедеятельности.

На обмане и диктатуре действительно прочное общество не построишь.

Чем больше город, тем больше нравственная распущенность.

Молодость – это всегда несколько *другой мир*, чем миры более старших по возрасту поколений.

Среди великих и трагических достижений XX века:

- попытка построения нового общественного строя в СССР и других странах;
- научно-техническая революция;
- покорение ядерной энергии;
- освоение скоростных способов преодоления пространства во всех средах и выход человека в космос;
- биохимические технологии и производства, творящие невиданные ранее материалы и продукцию;
- электронные системы и информационная революция и др.

Велико значение *общественной атмосферы*. Одни и те же люди в условиях, когда общество прогрессирует, улучшают себя, становятся лучше, а когда общество деградирует, разлагается, становятся хуже, портятся.

Феномен старообрядцев Лыковых, ушедших в тайгу от цивилизации, от людей, – весьма интересен. Это – Робинзоны XX века.

Фундаментальный вопрос сегодня: существует или нет эксплуатация человека человеком в обществе? Если да, то это Общество, – ненормально.

Эксплуататор верен себе до конца: как он беспощадно эксплуатирует наёмных работников, так он эксплуатирует и природу.

У господствующего класса всегда было и есть три самых мощных орудия давления на трудящихся: грубая сила (государство, армия), экономическое господство (выдача материальных благ или доведение до нищеты и голода) и духовное господство (религия, лживые идеологии).

Не поддавайся соблазнам обжорства, пьянства, курения, наркомании, противоположного пола, богатства, тщеславия, неправой власти. Не поддавайся порокам сам и борись с ними в других людях. Самому или самой остаться «чистеньким» или «чистенькой» – это ещё не большая заслуга. Да это почти нереально, живя в социальном болоте.

Совместными силами очистить гниющее, уничтожающее в войнах самоё себя общество от скверны – вот это действительная заслуга.

Будет и на нашей Земле праздник. Если до этого не вымрем.

Идёт *озверение* общества. Это озверение значительно хуже, чем действия зверей. Существа в образе человека бывают гораздо более жестокими и кровожадными, чем хищные звери. Зверь действует по инстинкту. Человекоподобные существа (бандиты, киллеры и прочие) – по «воспитанию», разращению и «самовоспитанию».

Носители клеветы и лжи рано или поздно всегда будут наказаны *обществом* и *ими самими*.

Жить позже и быть «моложе» (в смысле исторической хронологии) – отнюдь ещё не значит быть умнее и мыслить адекватнее действительности, чем наши предшественники. Для того, чтобы их превзойти, нужно очень многое, в том числе и большие личные усилия.

Это же относится и к нравственности.

Всерьёз, по большому счёту, Запад и Восток России не помогут.

Служение во благо честной, трудящейся части человечества, во имя дружбы и единства трёх братских славянских народов, служение семье и работа над развитием своей личности – вот действительно высокие цели русского, украинца и белоруса.

Бои гладиаторов – вот что такое современные фильмы-боевики, фильмы с показом жестоких восточных единоборств и т.д. Мир гладиаторов, киборгов и т.п. – это мир вырождения, озверения Римской империи и современных обществ.

Мы, сегодняшние люди, есть результат деятельности *всех* предшествующих нам поколений, а также результат *собственной* деятельности.

У человечества есть материальные, деятельностные и духовные *неискоренимые* ценности, и именно поэтому оно остаётся человечеством.

Неискоренимые, нетленные ценности народа. Есть они – есть народ, нет их – есть человекоподобные существа, стадо, быдло.

Общение с другими людьми достаточно сильно влияет на индивида: взаимодействие это осуществляется на всех уровнях – физическом, биологическом, психическом, общественном.

Пока существует общество, будут существовать проблемы *возраста и пола*.

Время – дороже денег. Нет ничего дороже жизни, времени жизни.

Люди, добровольно отказавшиеся от своей родины и своей культуры, не вызывают уважения.

Только на разуме, совести и согласии с природой может быть построен Новый мир.

В своей основе многие современные люди – духовно бедные, даже духовно примитивные индивиды.

Или благополучны все, или неблагополучен никто.

Люди нужны друг другу. Друг без друга люди не могут жить и развиваться.

Богатые нации строят своё основное жильё из камня, кирпича, металла и стекла, а бедные – из дерева и другого подсобного материала.

Убийство людей – это тоже рыночные отношения. Это – *антигуманность рынка*.

Испанский живописец Ф. Гойя в начале XIX века писал: «Сон разума порождает чудовищ». В начале XXI века перефразирую его слова так: «Паразитизм и аморальность порождают людей чудовищ».

Германию дисциплиной и философами не удивишь.
Америку тоннами золота и миллиардами долларов не удивишь.
Постсоветскую Россию нищетой и пьянством не удивишь.
Современное общество жестокостью не удивишь.

Те, кто роются сегодня в мусорных ящиках, – это *современные рабы*.

Индивидуализм на Западе проник во все поры общества. На Востоке другая разновидность отчуждения – корпоративный индивидуализм.

ДРУЖБА, ЛЮБОВЬ, СЧАСТЬЕ

Дружба, как и любовь, воспевалась и будет воспеваться во все века и у всех народов. Ибо дружба – великое приобретение человечества.

Человек, способный к дружбе, способен и к любви. Не умеющий и не желающий дружить не способен в любви принести счастье другому.

Дружба и эгоизм – антиподы. Эгоист не способен к дружбе.

Отдавая друзьям – приобретаешь.

Завоевать друзей нельзя. Их можно только приобрести, став для них другом (читая Д. Карнеги).

Одно из высших качеств дружбы – духовное родство, духовное единство.

Хорошо, если любовь и дружба идут вместе. Худо, когда любовь приходит без дружбы.

Любовь – это всегда восхождение вверх. Если хотите, любовь – это альпинизм вдвоём. В чём прелесть любви, её сила – в восхождении вдвоём – юноши и девушки, мужчины и женщины, в преодолении подъёма.

Истинное счастье – всегда впереди. Счастье не может быть полным и абсолютным. Счастье – это процесс, а не остановка.

Тайна счастья – в стремлении к нему, в ожидании его, в его сохранении.

Любовь – это подарок жизни, это чудесный особый мир, одно из высших проявлений культуры.

Весенняя влюблённость проверяется осенней зрелостью и зимней стужей, зимним одиночеством.

Любовь нередко гибнет от скороспелых решений.

Женщина страдает от любви и её последствий гораздо больше, чем мужчина.

Любовь должна быть выстраданной, выношенной.

Любовь – сладкое и горькое страдание.

Любовь – это озарение.

Любви нужна крупица юмора. Вспомните А.С.Пушкина. О предмете своей любви – Н.Н. Гончаровой он говорил друзьям:

Я восхищён, я очарован,
Короче – я огончарован.

Женщина делает мужчину мудрым, а мужчина женщину делает бессмертной.

Счастье – это любовь. Любовь – это счастье.

Мы как Единство Мужчины и Женщины, МЫ – как Любовь двоих.

Самое сокровенное – это любовь, это любовные отношения между мужчиной и женщиной, это вынашивание и рождение детей.

Вечной остаётся только настоящая любовь.

Праздник любви – это взаимная любовь.

Взаимная любовь – это постоянное движение навстречу друг другу, это постоянное развитие. Где прекращается развитие, там исчезает любовь.

Не спешите славить всякую любовь. Есть любовь созидательная, а есть – разрушительная. Разберитесь вначале.

Каждый любит по-своему. Каждый любит настолько, насколько он способен любить.

Любовь не терпит лицемерия и лжи. Где ложь и лицемерие, там нет любви.

Любовь раскрывает уровень культуры, человечности в человеке.

Эффект птицы Феникс – как великий закон жизни. Огонь, в котором она сгорает, – это огонь любви, это возрождение живого в детях, в потомках.

Любовь – категория вечная, Всё приходит и уходит, а она остаётся.

Женщина, её духовность, её тело, её чувственно-половая сфера – чудная тайна для мужчины. И – наоборот. Если этого нет – остаются равнодушные, пошлость, похоть, цинизм.

Когда говорят: «Любовь зла – полюбишь козла», имеют в виду любовь примитивную, чувственно-грубую.

Если слабо любят, то бездействуют.

Счастье – результат разумной, нормальной, человеческой жизни. Счастье миллионов придёт тогда, когда для него будут созданы общественные условия. Пока их нет.

Счастье не терпит суеты. Ощущение счастья связано с ощущением покоя, умиротворения.

Действительный смысл жизни начинается тогда, когда человек начинает действовать не только в своих личных интересах, но и в интересах других людей, стремясь принести им благополучие и счастье.

Краковцева Татьяна Юрьевна,
методист заочного обучения

Работает в институте Международного менеджмента и образования с 2005 года. Родилась, выросла и училась в г. Железнодорожске.
Творчеством прикладным занимается с молодости.

Т.Ю. Краковцева. **Коллаж. Композиция.** 2010 г.,
бумага, сухие листья, 30 × 40 см

Т.Ю. Краковцева. **Коллаж. Анютины глазки с ромашками.**
2009 г., бумага, сухие цветы, листья, 30 × 40 см

Т.Ю. Краковцева. **Коллаж. Анютины глазки.**
2009 г., бумага, сухие цветы, листья, 30 × 40 см

Т.Ю. Краковцева. **Коллаж. Цветы в вазе.** 2008 г., бумага, сухие цветы, листья, 30 × 40 см

Т.Ю. Краковцева. **Коллаж. Композиция из цветов.** 2007 г., бумага, сухие цветы, листья, 30 × 40 см

Т.Ю. Краковцева. **Коллаж. Букет в вазе.** 2011 г., бумага, сухие цветы, листья, 30 × 40 см

Т.Ю. Краковцева. **Коллаж. Цветы в траве.** 2008 г., бумага, сухие цветы, листья, 30 × 40 см

Т.Ю. Краковцева. **Коллаж. Цветы в блюде.**
2011 г., бумага, сухие цветы, листья, 30 × 40 см

Т.Ю. Краковцева. **Коллаж. Букет в вазе.** 2009 г.,
бумага, сухие цветы, листья, 30 × 40 см

Т.Ю. Краковцева. **Коллаж. Композиция из цветов.**
2009 г., бумага, сухие цветы, листья, 30 × 40 см

Т.Ю. Краковцева. **Коллаж. Ромашки.** 2009 г.,
бумага, сухие цветы, листья, 30 × 40 см

Т.Ю. Краковцева. **Коллаж. Композиция с укропом.**
2009 г., бумага, сухие цветы, листья, 30 × 40 см

Т.Ю. Краковцева. **Коллаж. Цветы в корзинке.**
2009 г., бумага, сухие цветы, листья, 30 × 40 см

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Ведров Николай Григорьевич	6
<i>Стихи</i>	
60-летию агрофака	6
А слышали ли вы, как хлеба говорят?	8
Красноярское море	10
Тихому океану	10
Исповедь	11
Земная память	13
Памяти брата	15
Больной вопрос	16
Железная дорога в никуда	17
Случай в зверятнике	18
Трактористам	20
А было так	21
Целинная	22
Степь, хакасская степь	23
Сказ о Хонгорае	25
Вот такие бублики	30
Пролог	32
Анциферов Иван Иванович	34
<i>Глава из повести</i>	
Эль Регистан. Необычайное путешествие	36
Цугленок Галина Ивановна	39
<i>Стихи</i>	
Юбилейное	41
Хотим мы пожелать вам, дорогие.....	41
Все говорят – Мужчина царь природы!	41
Василий – царственный, а Виктор – победитель	41
Вновь рябина свой наряд одела.....	42
<i>Песни</i>	
Застольная	42
Листопад	43
Новогодняя	43
Первый парень	44
Спасибо за любовь (первый вариант)	45
Спасибо за любовь (второй вариант)	46

У камина	47
Новогодний вальс	47
Медовый край	48
Профессорский бал	50
Париж	51
Головин Владимир Андреевич	53
Живопись	
Дружина А. Дубенского на Казачинских порогах р. Енисей, по дороге к Красному Яру	54
Песня	
Гимн города Красноярска	55
Живопись	
Река Енисей (холст, масло).....	56
Стихи	
Ветеран войны	56
Графика	
Убили!	57
Этюд. Рожь. Сибирское поле.	58
Стихи	
В степи	58
Живопись	
Верховья реки Енисея (холст, масло).....	59
Стихи	
Три сестры	59
Ты человек	60
Графика	
Старый храм	61
Стихи	
Жизнь строга	62
Графика	
Таёжная избушка	62
Стихи	
Изурочили	63
Графика	
Земляника	63
Живопись	
Осень	64
Графика	
Пень на лесной полянке	65
Стихи	
Соседка	66
Живопись	
Рыба в речных заводях	66

Грозный Бык	67
Стихи	
Грозный лев	68
Живопись	
Лиса (холст, масло).....	69
Сказка для детей	
Мамина сказка	69
Графика	
Соболёк в лесу. На речке Коза	71
Живопись	
Ручей в лесу (холст, масло).....	73
Тишина в лесу	75
Графика	
Тайга	79
Живопись	
Белочка (холст, масло).....	81
Артёмов Михаил Егорович	82
Стихи	
Пролетели года мои юные... ..	83
Я люблю тебя, Русь!	84
Белочка	84
Зайчата	86
Прости, мам!	88
О сколь труда вложил ты в книжку эту	89
Две строчки из Пушкина А.С.	89
Любэ	90
Свершилось – Толя защитил!... ..	90
Поздравление юбиляру	91
Случайная встреча	92
Исполнилось мехфаку 50!	93
Одиночество	96
И опять я в больничной палате	97
Всему своё время	97
Поздравление с праздником 8-е Марта	100
Мой последний стих.....	101
Дмитриев Владимир Ефимович	102
Стихи	
О своей поэзии	103
Романс	103

Жизнь сельская	103
Природа	104
Та, что дважды его родила	105
Пословицы.....	106
Гордиться буду я	108
Букетик мимоз	108
Снежную зимой	109
Раковая боль России	110
Кормчий хлебного поля	110
Жалеть не надо	112
О живом слове	112
Начало посева	113
Из рассказа крестьянки Пелагеи	113
Горькая загадка	114
Романов Василий Николаевич	116
<i>Рассказ-этюд</i>	
О Вере Ивановне.....	117
Зарецкая Вера Ивановна	118
<i>Стихи</i>	
Кредо	118
Руки женщины	119
Другу	119
Спасибо, жизнь	119
Тишина	120
Осень	121
Вам не снились плохие сны?	121
Сурин Николай Александрович	123
<i>Стихи по поводу</i>	
У вод священного Байкала... ..	123
Бахарев – пахарь, сибирский кержак... ..	125
Его я в ВИР с Бурятии отправил	125
В СибНИИСХозе уже осень... ..	126
Падерина Лена осталась без дела... ..	126
Галя Козлова, честное слово... ..	127
Антоник Галина Николаевна	128
<i>Живопись</i>	
Этюд. Берег Енисея у села Колмогорова. Причал	130
<i>Стихи</i>	

Мои предки, пра-предки... коне-е-шно-же - были!	130
Живопись	
Этюд. Было сладкое варенье	131
Стихи	
Ах!... Какое было сладкое варенье!.....	131
Живопись	
Этюд. Кувшин Джинна.	132
Стихи	
Потёр бочок и приказал: «Сим – Сим, исполни	132
Живопись	
Этюд. Воспоминания о моей бабушке.....	133
Стихи	
Бабушку я видела на снимке	133
Живопись	
Этюд. Осень. Набережная Дивногорска	134
Стихи	
Дивные горы, ... – Саянские «горе»!	134
Живопись	
Этюд. Осенний дождь на берегу Енисея	135
Стихи	
С этюдником сижу на берегу	135
Живопись	
Этюд. Обезглавленные купола Иваньевского мужского монастыря близ Тобольска.	136
Стихи	
Множится шёпот и эхо среди гор вокруг	136
Графика	
Набросок. Бард, поэт С. Фоминцев из Новосибирска.	137
Стихи	
Бард, поэт – Фоминцев Сергей	137
Лесовская Марина Игоревна	138
Декоративно-прикладное искусство. Вышивка	
Цветы из ткани (9 фото)	139
Живая природа.....	144
Обложки для деловых папок и дневников (3 фото)	145
Кулоны, подвески.....	146
Крышки для банок с сушёными приправами (3 фото)	147
Теплица в саду	148

Иванова Валентина Александровна	149
--	------------

Стихи

Какая радость – вновь в дорогу...	149
Земля родная подо мной...	150
Подарок – чудное село...	150
Я в воду тёплую спешу...	151
Без края река или море...	151
Страна моя неповторимая...	151
Сухое дерево не цветёт...	151
Печален день: мы друга провожаем...	152
Семье покой положен...	152
Каждый из нас может много...	152
Чужая судьба, как дерево...	153
Сгустились сумерки к зиме...	153
На Руси известно явление...	153
Седая масса облаков...	154
Родное небо плоским не бывает...	154
Созрели хлебные поля...	154
Какая гармония цвета!	155
Ни листочка не осталось...	155
Кружевной ковёр под ногами...	155
Лёгкий набросок лета...	156
Цепляются тучи упрямо...	156
Синее небо, бездонное...	157
Небо серое...	157
Всё давно зарифмовано...	157

Бармашова Татьяна Ивановна	158
---	------------

Стихи

Мысли в церкви:	
Так чудно в церкви горит свеча...	158
Церковный хор врачует душу...	159
Почти по буддизму	159
Быстротечность жизни	159
Печально, что жизнь сурова	160
В мире много прекрасных вещей	160
Не люблю вокзалы	161
Размышления о судьбе	162
Посвящение маме	162

Бастрон Андрей Владимирович	164
--	------------

Стихи

Гулял он по Вене и знает Стамбул...	165
-------------------------------------	-----

<i>Эпиграммы:</i>	
Семена её бояться...	165
Всех светотехников оставил он без дела...	165
В общежитии у Нины обвалился потолок...	166
Доцент трёх вузов – зрелый педагог...	166
Веришко Андрей Владимирович	167
<i>Рассказы</i>	
Лишь осколок скрипичной гранаты...	167
От мыслей убегающие	170
Потехин Игорь Борисович	189
<i>Стихи</i>	
Скоробей	190
Так-раз-так	190
Мольба	191
100 лет	192
Что за проза?	193
Лирическое отступление	193
Путь ... in...	194
Самоанализ	194
Природа счастья не проста ...	195
Взвесь на весах ...	195
Кузнецов Павел Владимирович	196
<i>Ноты. Песни</i>	
Правда и дорога (песня с нотами)	198
Русская душа (песня с нотами)	200
Косари (песня с нотами)	202
Удовицин Олег Александрович	204
<i>Живопись</i>	
Этюд. Весенний разлив...	205
Этюд. Вид с балкона санатория Загорье...	206
Этюд. Протока реки Тубы...	206
Этюд. Ручей в Тайге...	207
Этюд. Река Чулым...	207
Этюд. Река Волга...	208
Этюд. Деревня Долматово...	208
Этюд. Пасмурный день	209
Этюд. Перелески...	209
Этюд. Последний луч...	210

Этюд. Дерево в поле.....	210
Этюд. Ели на пригорке.....	211
Этюд. Роща в посёлке Удачный.....	211
Этюд. Серый день.....	212
Линёв Александр Фёдорович	213
<i>Рассказы</i>	
Венера	213
Обручальное кольцо	216
Коротаев Валерий Тихонович	220
<i>Стихи</i>	
Дума о демократии	220
Родное поле	221
Первые российские и сельские	222
Люблю тебя	223
Жизнь палаты	224
8 Марта	224
Первомай	225
Лукин Николай Николаевич	226
<i>Стихи</i>	
<i>Дружеские шаржи:</i>	
На мшистом, топком берегу... ..	227
Как на Стрелке Енисея... ..	227
Через пень, через колоду... ..	227
Товарищ Гайдин – вы большой политик... ..	227
Властитель слабый и лукавый... ..	228
Я зашёл к Погребняку... ..	228
Никто так не любил сто грамм... ..	228
Чтоб не бояться нам Кунгсонов... ..	229
В.П.Каширин! Вы – Большой Политик.....	229
Товарищ Власов! Вы – Большой Учёный!.....	229
Этюды о «Сантехнике»	229
Музей! Как много в этом звуке	230
Здравствуй, Ваня Полищук!	230
По несчастью или к счастью истина проста.....	230
Размышления на тему.....	231
Этюд о философии.....	231
Юристу.....	231
Раздумье.....	232

Власов Валерий Александрович	233
Стихи	
Ржака (Весёлый юмор)	234
Обоюдное признание	235
Кунгс Ян Александрович.....	236
Живопись	
Зеленя.....	237
Абрамцевские берёзы. Вечер.....	238
Павловский Валерий Владимирович	239
Мысли мои по случаю...	
Общество	239
Дружба, любовь, счастье	246
Краковцева Татьяна Юрьевна	250
Декоративно-прикладное искусство. Коллажи из сухих листьев	
Композиция.....	250
Анютины глазки с ромашками	251
Анютины глазки	251
Цветы в вазе	252
Композиция из цветов	252
Букет в вазе	253
Цветы в траве	253
Цветы в блюде	254
Букет в вазе	254
Композиция из цветов	255
Ромашки	255
Композиция с укропом	256
Цветы в корзинке	256

... ЗОЛОТЫЕ НИТИ ...

Творческий сборник

Выпуск второй

Составитель Г.Н. Антоник, директор Музея КрасГАУ

Корректор Н.В. Красовская

Идея названия сборника – авторство за Г.Н. Антоник
Дизайн обложки Г.Н. Антоник
Оформление сборника и дизайн сборника Г.Н. Антоник
Компьютерная вёрстка Г.Н. Антоник

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 24.49.04.953.П. 000381.09.03 от 25.09.2003 г.

Подписано в печать 19.06.2012 Формат 60х84/16. Бумага тип. № 1

Печать – ризограф. Усл. печ. л. 16,75 Тираж 200 экз. Заказ № 50

Издательство Красноярского государственного аграрного университета
660017, Красноярск, ул. Ленина, 117